

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6

1930

ХVI ПАРТСЪЕЗД И ЗАДАЧИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ФРОНТА

ХVI партсъезд прошел под знаком и в обстановке развернутого социалистического наступления. Бешеный темп развития социалистической промышленности, приводящий к созданию мощной тяжелой индустрии, освобождению от иностранной зависимости и превращению нашей страны из аграрной в промышленную с передовой техникой; громадный размах электростроительства, подводящий под социалистическое хозяйство самую передовую и революционную энергетическую базу—электрическую; бурный рост совхозов и колхозов, в невиданных доселе размерах поднимающий техническую вооруженность сельского хозяйства, в корне меняющий его социально-экономическое лицо и приводящий на базе сплошной коллективизации к ликвидации последнего эксплуататорского класса—кулачества; сооружение тысячеверстных железнодорожных магистралей, обеспечивающих рациональное хозяйственное взаимодействие между районами Союза и приобщающих к социалистическому строительству огромные новые районы; все растущее внедрение в сферу хозяйства планового начала; широчайшее развитие социалистического соревнования и ударничества, коренным образом меняющее характер и формы труда, быстрый рост культурного уровня масс—вот явления, отмечающие переживаемый нами период социалистического строительства и обуславливающие качественно особую его характеристику как последнего этапа напa. Дальнейшее успешное продвижение по этому пути выдвигает перед партией и рабочим классом во всех областях ряд важнейших задач, подлежащих скорейшему разрешению.

Колоссальный размах социалистического строительства, связанный с коренными изменениями в сфере классовых отношений, обострением классовой борьбы внутри страны и противоречий между СССР и капиталистическим миром, не может протекать без трудностей и суровой решительной борьбы за их преодоление. Эти трудности в корне отличаются от кризисных явлений капитализма, так как в наших условиях

отсутствуют противоречия, порождающие капиталистические кризисы. В отличие от современной, упадочной фазы капитализма переживаемые нами трудности являются трудностями роста, продвижения вперед, трудностями, содержащими в себе основу для их преодоления.

Скорейшее разрешение задач, поставленных ходом социалистического строительства, успешная борьба с трудностями и наиболее безболезненное их преодоление требуют коренной перестройки всей нашей политической, хозяйственной и прочей работы в соответствии с задачами и требованиями переживаемого периода. Необходимость такой же перестройки в соответствии с требованиями социалистической реконструкции стоит и перед идеологическим фронтом, в частности в области научно-исследовательской работы. Необходимо приспособить всю эту работу к потребностям социалистического строительства и революционной борьбы, давая беспощадный отпор схоластике, формализму и всяким оппортунистическим попыткам уйти от жгучих проблем пролетарской борьбы и строительства в область абстракций и так называемой „чистой“ теории.

Перед марксистско-ленинской научно-исследовательской мыслью стоят огромные задачи теоретического осознания и предвидения в сфере процессов социалистической реконструкции. В особенности это относится к области экономических наук, так как социалистическое строительство есть прежде всего создание основ социалистической экономики. Существующее здесь положение не может быть признано удовлетворительным. Как отмечал т. Сталин на конференции аграрников-марксистов в декабре прошлого года, положение здесь характеризуется резким отставанием теоретической работы от потребностей практики социалистического строительства. В области экономики теоретическая мысль не только не предвидит заранее изменений в направлении нашего хозяйственного развития, но зачастую не успевает даже своевременно осознать тех процессов, которые уже происходят.

Теоретическая работа в области экономики должна практически подойти к актуальной задаче разработки осуществляемых рабочим классом мероприятий в области социалистического переустройства нашего хозяйства, оказывая партии реальную помощь в деле руководства этим переустройством.

XVI партсъезд выдвинул целый ряд проблем в этой области. Центральное значение имеют здесь вопросы генерального плана, в частности выдвинутая в докладе т. Сталина проблема географического размещения промышленности и сельского хозяйства, от правильного разрешения которой зависит выбор наиболее целесообразного направления всей суммы капитальных за-

трат в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте, наилучшее использование природных богатств и географических особенностей различных районов, создание необходимых для промышленности сырьевых баз в кратчайший срок и с наименьшей затратой средств, наиболее рациональное экономическое взаимодействие различных районов между собой. По существу говоря, то или иное решение этой проблемы должно определить собой все направление развития производительных сил и технической реконструкции хозяйства нашего Союза.

Другой круг вопросов, выдвинутых XVI съездом касается всестороннего теоретического изучения переживаемого нами последнего этапа нэпа под углом зрения постепенного отмирания категорий товарно-капиталистического хозяйства и перерастания их в категории социалистического хозяйства. Изучение советской экономики под этим углом зрения имеет огромное значение для методологии планирования, в частности при разработке генерального плана. Кроме того результаты его должны служить определяющим звеном в процессе перестройки нашей кредитной системы, денежного обращения и вообще всей системы регулирования рыночных отношений, в осуществлении на практике максимально возможного уменьшения непроизводительных издержек обращения товаров и денег.

Особый круг вопросов, выдвинутых XVI партсъездом и подлежащих изучению, составляют вопросы труда, приобретшие на нынешнем этапе огромное значение. Перерастание переходного хозяйства в социалистическое приводит к коренному изменению характера и форм труда, их перерастанию в новые социалистические формы труда. По-новому ставится проблема повышения производительности труда, являющаяся одной из основных проблем переходного к социализму периода. Теоретическое обобщение новых форм труда, изучение конкретного опыта в этой области и разработка на этой основе новых путей поднятия производительности труда должны сыграть огромную роль в деле ускорения темпа социалистического строительства. В связи с этим стоит и актуальнейшая проблема социалистической рационализации, создания максимальных предпосылок к повышению производительности труда. Направление рационализации производственных процессов не может быть правильно избрано без правильного понимания тенденций современного технического развития. Изучение всего круга вопросов, связанных с производительностью труда и рационализацией, должно дать в руки наших партийных, хозяйственных и профессиональных организаций руководящие принципы в деле осуществления директив партии о рационализации производства, повышении производительности труда и улучшении качества продукции.

Следующая задача, стоящая перед научно - исследовательской мыслью в области экономики, заключается в теоретической разработке проблем современной фазы империализма. Здесь теоретическая работа должна быть непосредственно и целиком подчинена задаче революционной борьбы рабочего класса капиталистических стран, задаче помощи братским компартиям в осуществлении руководства этой борьбой. В этой области необходимо отметить теоретически мало разработанную, но имеющую весьма важное значение— в частности для понимания взаимоотношений империалистических стран между собой и с колониями—проблему неравномерности развития капитализма, обостряющейся в империалистический период и получающую особенно резкое выявление в связи с новым мировым кризисом капитализма. Экономический кризис, охвативший весь капиталистический мир, показал всю лживость утверждений буржуазии, социал-фашистов и их правооппортунистических подголосков о прочной стабилизации капитализма, об „организованном капитализме“ и т. д. В настоящих условиях особенно актуальной является задача теоретического разоблачения концепций, лежащих в основе теорий „перспективы“, „организованного капитализма“, „избежания“ кризисов и др. легенд, создаваемых апологетами капитала для обмана рабочих масс.

Особо стоит проблема взаимоотношений СССР и мирового хозяйства, приобретающая несколько иную постановку в связи с успехами социалистической индустриализации в СССР и кризисом капиталистического хозяйства.

Успешное осуществление генеральной линии партии возможно лишь при условии решительной и непримиримой борьбы с уклонами, борьбы на два фронта,—в первую очередь с правым уклоном, как главной опасностью на данном этапе. Однако окончательное преодоление идеологии правого уклона внутри партии невозможно без теоретического его разоблачения. Вместе с тем остается пока еще невыполненной до конца задача теоретического разоблачения методологических корней троцкизма. Отсюда одной из актуальных задач партийной экономической мысли является жестокая идеологическая борьба против уклонов и оппортунистических извращений партийной линии, против всяких „теорий“ и „теориек“, оправдывающих эти уклоны и извращения.

Сопротивление капиталистических элементов внутри страны развернутому социалистическому наступлению, выкорчевыванию корней капитализма и ликвидации кулачества как класса получает идеологическую поддержку и обоснование в построениях буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, продолжающих еще оказывать значительное влияние на направление работы различных звеньев нашего

государственного аппарата. Взгляды этих экономистов служат знаменем для враждебных и прямо вредительских элементов нашего госаппарата, а также „живой водичкой“, питающей идеологию правого уклона внутри нашей партии. Теоретический разгром этих взглядов и разоблачение их социальной основы является одной из ближайших и актуальнейших задач научно-исследовательской работы.

Осуществление задач, поставленных перед научно-экономической мыслью в СССР, требует всемерной активизации работы всех марксистско-ленинских научных учреждений, в первую очередь Коммунистической академии, и согласованности между ними на основе планирования научной работы и широкого разделения труда. Только перестроивши коренным образом организацию научно-исследовательской работы и произведя решительный перелом в темпах ее, можно обеспечить выполнение огромных задач, стоящих перед партией на фронте идеологической борьбы с капитализмом за построение социализма.

М. Тайц

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ НАШЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОЯ

„Где причины столь серьезного провала у них, у капиталистов, и серьезных успехов у нас в СССР?..

Причина—в различии экономических систем хозяйства у нас и у капиталистов“.

(Сталин)

Наша страна вступила в полосу ускоренного движения к социализму. Продвигаясь вместе с крестьянскими резервами на рельсах нэпа, на основе правильной ленинской политики партии, СССР перешел на новую, более высокую ступень своего развития. Для текущего периода коренной реконструкции нашего хозяйства не только не характерна „потухающая кривая“ темпов нашего роста, которую защищали буржуазные экономисты, но наоборот, характерно резкое нарастание темпов. Прирост продукции госпромышленности составлял в 1926/27 г.—19,7%; в 1927/28 г.—26,3%; в 1928/29 г.—24,3%; в 1929/30 г.—32%; в 1930/31 г.—прирост составит 47%.

Такие темпы нашего развития на-голову разбивают мрачные предсказания правых элементов нашей партии о непосильности взятых нами темпов. Наиболее характерной для позиции правых оппортунистов является наряду с выступлениями против коллективизации деревни борьба против проводимых партией темпов индустриализации. В „Заметках экономиста“ Н. И. Бухарин требовал, как известно, равенства на узкие места. В заявлении, поданном XVI съезду ВКП(б), т. Угланов пишет: „Я не верил в возможность выполнения взятых партией высоких темпов индустриализации“.

История последних лет разбила на-голову и теории троцкистов, которые в восстановительный период выдвигали сверхиндустриальную программу, грозившую разрывом союза рабочих и крестьян, а в настоящую реконструктивную эпоху переметнулись на капитулянтские, минималистские темпы, на позицию „потухающей кривой“. Всем известен тот факт, что Троцкий выступает с пеной у рта против проводимых нами темпов индустриализации. Тов. Сталин в политическом отчете на XVI съезде ВКП(б) приводил наметки ОСВОКа, которые составлялись под руководством троцкистов, представляющих по существу „потухающую кривую“. По этим данным прирост продукции госпромышленности с 1926/27 по 1929/30 представляется в следующем виде; 81,6%, 22,9%, 15,5% и 15%. Жизнь вдребезги разбила эти предположения вместе с теорией „потухающей кривой“.

Совпадение практической линии правых и „левых“ не случайно. В основе ее лежит однотипная методология. И для правых оппортунистов и для контрреволюционного троцкизма в равной мере харак-

терно непонимание тех преимуществ, какие дает в области развития производительных сил новая система производственных отношений.

Развитие производительных сил происходит через обратное влияние на них производственных отношений, которые создаются на основе этих производительных сил. Когда разрушается старая общественная форма, которая выступает в виде оков на производительных силах,— новая общественная форма активно влияет на производительные силы в сторону их ускоренного развития. Особенно ярко должно это сказаться при переходе от стихийных общественных форм к организованной общественной системе.

Отличием переходного периода является то, что в нем начинают действовать факторы, дающие превосходство социалистической системе организации хозяйства. Этим особенно характерна переживаемая нами полоса. В последние годы у нас особенно ярко сказывается ряд преимуществ более передовой системы хозяйства. Именно это обусловило мощные темпы нашего развития, бурный рост индустрии и проч.

Правые элементы нашей партии в лице их главного теоретика Бухарина не понимают той колоссально ускоряющей роли, какую проявляет советская система по отношению развития производительных сил. Исходной основой взглядов Н. И. Бухарина на наше развитие является „закон трудовых затрат“. Суть этого закона заключается в том, что советскому хозяйству якобы свойственны такие же пропорции, как и капиталистическому. Благодаря «закону трудовых затрат» при социалистической системе, по мнению Бухарина, происходит „предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании установилось бы *post festum*“ („О закономерностях переходного периода“). Существует по мнению Бухарина определенный, свойственный производительным силам закон воспроизводства, и никакая система производственных отношений не в состоянии его изменить. Н. И. Бухарин не видит того, что закон воспроизводства определяется производственными отношениями, что новая система производственных отношений неизмеримо ускоряет развитие производительных сил.

Очень интересно для методологии так называемых „левых“ то, что и Е. Преображенский, выступавший, как известно, в течение ряда лет в качестве главного теоретика троцкизма, также не согласен с тем, что наш социалистический сектор в переходный период обнаруживает какие-либо преимущества по сравнению с досоциалистическими укладами. Он пишет следующее:

„В первоначальный период своего развития социалистическая форма как вследствие отсутствия материальных предпосылок, необходимых для перестройки ее технического базиса, так и вследствие отсутствия необходимых предпосылок социалистической культуры и социалистического воспитания работающего пролетариата, не может развить всех преимуществ, органически свойственных социализму, наличие которых делает социалистическую форму исторически более прогрессивной, чем капитализм. В период предварительного накопления социалистическая форма, как мы сказали выше, еще не развивает всех своих преимуществ, но утрачивает некоторые преимущества капиталистического хозяйства“¹.

¹ Преображенский, Новая экономика, с. 142 (подчеркнуто мною—М. Т.).

Наша социалистическая промышленность по мнению т. Преображенского в настоящую полосу развития уступает даже капиталистической. Это по его убеждению происходит потому, что в нашем хозяйстве не перестроен технический базис, и пролетариат не достиг необходимой культуры. Преображенский фактически попадает в порочный круг: чтобы наша система обнаружила свои преимущества, она должна перестроить технический базис, но перестроить технический базис—догнать капиталистические страны она может только при наличии преимуществ социалистической системы. Выход из тупика Преображенский находит в изобретении своего „небезызвестного“ закона первоначального социалистического накопления: раз внутри системы нет таких возможностей, на основе которых мы можем провести коренную реконструкцию нашего хозяйства, нужно искать их извне. Преображенский находит их в лице простых товаропроизводителей. Преображенский провозглашает закон, согласно которому мы можем существовать и развиваться постольку, поскольку мы будем проводить неэквивалентный обмен в нашу пользу с крестьянством². „Закон“ этот гласит: „При наличии разрыва между мировыми промышленными ценами и внутренними промышленными ценами в хозяйстве СССР, т. е. когда внутренние цены советской промышленности гораздо выше мировых, хозяйственное равновесие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, может существовать только на базе неэквивалентного обмена с секторами частного производства“. Преображенский добавляет, что это есть „положение, лежащее в основе моей конституции закона первоначального социалистического накопления“². По существу в этом центр тяжести одной из последних статей Преображенского „Хозяйственное равновесие в системе СССР“. Там он выдвигает целых семь условий равновесия, целиком сводящихся к одной мысли: без неэквивалентного обмена мы существовать не сможем.

Нельзя разумеется отрицать того, что развитие нашей социалистической системы требует определенного уровня накопления. Определенный темп накопления вызывается не только угрозой товарного голода, который Е. Преображенский выдвигает как главный мотив³. Определенный темп накопления диктуется нам необходимостью „догнать и перегнать“ в кратчайший исторический срок капиталистические страны, необходимостью переделки крестьянской экономики. Определенный темп накопления является решающим фактором нашего развития. Но величайшей ошибкой было бы считать, что условием существования социалистической системы, условием ее превосходства является неэквивалентный обмен с крестьянством, представляющим преобладающий элемент того частного хозяйства, о котором пишет Е. Преображенский. Неэквивалентный обмен может существовать, и на определенной стадии он неизбежен, но наивно его делать условием существования социалистического сектора. Неэквивалентный обмен между городом и деревней не только не является типичной чертой социалистической революции, но он в большей степени свойственен капитализму. Именно на этом основано отставание города от деревни. Особенностью нашей социалистической системы является не углубление этого наследия—неэквивалентного обмена, а постепенная ликвидация этого противоречия.

² „Вестник Комкадемии“ № 22, с. 37.

³ Там же, с. 38.

От такого непонимания действительных преимуществ социалистической системы, обуславливающей более высокое накопление, прямой путь к той курьезной позиции, на которую стали меньшевики. Они утверждают, что если нам удастся действительно коллективизировать деревню, то мы неминуемо... погибнем, потому что тогда рухнет наша промышленность, существующая на основе неэквивалентного обмена. Конечно им не дано понять, что коллективизация деревни, подводящая твердую и широкую сырьевую базу под промышленность, должна повлечь за собой мощный подъем в развитии индустрии. Этого нельзя понять, если не учитывать превосходства социалистической системы уже на данной ступени нашего развития.

Исходные основы того тупика, в который вошел Преображенский со своей теорией, очень сходны с той позицией, которую занимает Н. Бухарин. Ни тот ни другой не учитывают того, что один только факт изменения социальной формы производства создает ряд преимуществ нашего производства в сравнении с капиталистическим, преимуществ, создающих условия для преодоления технико-экономической отсталости страны, достижения и превосходства уровня технически передовых стран.

Замечательно то, что свою теорию „потухающей кривой“ Базаров мог создать также на основе непонимания роли новых производственных отношений как фактора ускорения развития производительных сил. Он исходил из того, что в восстановительный период мы полностью использовали старый производственный аппарат, наличие которого являлось по его мнению основой высоких темпов нашего движения в тот период. Не видя тех преимуществ, какие дает новая система производственных отношений, не учитывая, что без этих преимуществ мы не могли бы так быстро двигаться и в восстановительный период, Базаров иначе как в виде „потухающей кривой“ наше развитие в реконструктивный период представить себе не может.

Существует целый ряд условий, определяющих огромные преимущества нашей системы хозяйства уже на данной стадии. Прежде всего ликвидация паразитических классов в связи с обобществлением средств производства и национализацией земли означает более высокие возможности накопления. Уже одно исчезновение огромной в условиях старой России абсолютной ренты предполагает значительное увеличение условий для накопления. Последние мероприятия партии — ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации еще больше увеличили это преимущество нашей системы. Тов. Сталин в политическом отчете на XVI съезде ВКП(б) приводит интересные данные о распределении национального дохода у нас по сравнению со странами капитализма. Там доля капиталистов в национальном доходе колеблется от 45% (Германия) до 55% (Англия). У нас доля кулаков и городских капиталистов упала с 8,1% в 1927/28 г. до 1,8% в 1929/30 г.

Вместе с тем концентрация в руках пролетарского государства основных средств производства и внедрение планового руководства хозяйством означает огромное сокращение „накладных расходов“, свойственных капитализму. Распределение труда, происходящее при капитализме на основе стихийных законов, обрушивающихся на голову человечества, как „падающий дом“, предполагает огромную поддержку производительных сил.

Возьмем процесс использования трудовых ресурсов. Безработица, свойственная особенно современной стадии капитализма, стихийное выбрасывание массы квалифицированных рабочих на улицу являются по существу хищнической тратой общественного труда, которой нет в наших условиях. Если прибавить к этому то, что революция подняла на невиданную высоту культуру рабочего класса, развернула в пролетариате мощные творческие силы, открыла различные новые формы организации этих сил, новые стимулы труда, тогда станет ясным, какие преимущества заложены в нашей системе со стороны рационального использования трудовых ресурсов.

Возьмем другую сторону—процесс обращения материальных факторов воспроизводства. Этот процесс в наших условиях представляет весьма сложное переплетение. С одной стороны, здесь значительное место продолжают занимать товары, производимые автономными производителями. Это обуславливает существование рынка и товарно-денежного обращения. С другой стороны, уже преобладающая в общей продукции страны продукция социалистической промышленности и обобщественного сельского хозяйства обуславливает существование нетоварной формы продукта. Сложность изучения процессов обращения в наших условиях определяется тем, что здесь не происходит циркуляции двух замкнутых систем—отдельно товарно-денежной и отдельной социалистической. Товары частных производителей занимают довольно видное место в социалистическом производстве, выступая нередко как необходимые факторы социалистического процесса производства. Туркестанский хлопок, лен центральной России, сахарная свекла западной части СССР, шерсть, добываемая со стад Казахстана,—все эти продукты, производимые пока еще в значительной степени в индивидуальных хозяйствах, входят составной частью в процесс производства на социалистических фабриках.

Зерно, масло и пр., производимые также в значительной степени руками раздробленных товаропроизводителей, составляют продукт питания рабочего класса СССР, являющегося одним из главных факторов процесса производства. С другой стороны, продукция, создаваемая на социалистических фабриках, в известной мере выступает как средства производства и средства потребления для частного хозяйства. В общем в сфере обращения можно в наших условиях различить три социальных формы обращения: 1) обращение внутри социалистического сектора, 2) обращение между социалистическим и не-социалистическим сектором и 3) обращение внутри частнохозяйственного сектора.

„Обращение“ внутри социалистического сектора перестает быть обращением товаров в том смысле, в каком понимал обращение Маркс. Основное в обращении—изменение формы стоимости, протекающее на почве обмена передачи титула собственности—вместе с национализацией средств производства потеряло свои специфические черты. Основная сторона товарного обращения—движение стоимости путем товарно-денежной смены форм—внутри социалистического сектора прекратилось. Деньги еще продолжают существовать и внутри социалистического сектора, но они потеряли свое „денежное лицо“. У нас внутри социалистического сектора, как выразился Маркс, в коммунистическом обществе, „отпадают все переодевания, которые осуществляются в сделках, благодаря денежному капиталу“ (т. II, с. 296). Процесс воспроизводства, движение факторов производства внутри социа-

листического сектора, происходит не на основе движения стоимости, а на основе планового распределения. Деньги в этой сфере приобретают чисто счетный характер. Недаром мы переходим теперь к системе безналичных расчетов. На сущность обращения внутри социалистического сектора бросает яркий свет следующее замечание Маркса: „При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет средства производства и рабочую силу между различными отраслями труда. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительских запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не совершают обращения“ (т. II, с. 342). Конечно полностью эти слова Маркса, пока существует раздробленное частное хозяйство и капиталистическое окружение, к нам, даже по отношению к социалистическому сектору, неприменимы, поскольку несоциалистический сектор оказывает то или другое влияние на отношения внутри социалистического сектора. Но и типичного процесса обращения внутри социалистического сектора у нас нет. По мере его роста и вытеснения товарного хозяйства процесс обращения заменяется процессом, описанным в приведенном замечании Маркса.

Если мы говорим, что обращение в том смысле, как оно происходит при наличии автономных товаропроизводителей внутри социалистического сектора, исчезает, то это не значит, что здесь нет никакой проблемы „обращения“. Обращение в наших условиях играет чрезвычайно важную и существенную роль. Проблема обращения сводится к движению факторов производства и потребления. От скорости, рациональности этого процесса в значительной степени зависит производительность нашей системы. В том, что это движение происходит не под фетишистской оболочкой стоимости, а в рациональных формах, лежит одно из наиболее существенных преимуществ социалистической системы.

Иначе происходит движение факторов производства и потребления между социалистическим и несоциалистическим сектором. Конечно отношения между ними не были неизменны за годы нэпа. Был период, когда зависимость нашего социалистического хозяйства от частного была настолько большой, что она выражалась в ряде значительных прорывов в нашем плане. Движение товаров, происходившее на основе стихийного закона стоимости, с трудом поддавалось плановому учету и регулированию. В дальнейшем, по мере укрепления и расширения командных высот, влияние в сфере обращения все больше и больше концентрируется в руках пролетарского государства. Понятно, что опасность прорывов окончательно будет снята только тогда, когда товарное обращение будет играть самую незначительную роль.

Необходимо отметить одну существенную особенность обращения на грани социалистического и несоциалистического сектора. В условиях капитализма движение товарно-денежного капитала перекрещивается с обращением товаров, произведенных в докапиталистических формациях. Но капиталистический способ производства, как более передовой по отношению к докапиталистическим, накладывает свой отпечаток на движение всей товарной массы. Нечто аналогичное происходит и в наших условиях. Социалистический уклад, как более передовой, выступает по отношению к досоциалистическим формам решающей силой, определяющей их движение. Если процесс воспро-

изводства, протекающий в наших условиях, не может происходить без известного „впитывания“ товаров, произведенных частным хозяйством, то это не значит, что, благодаря столкновению двух волн—планового и стихийного производства—процесс воспроизводства протекает как какая-то равнодействующая этих двух сил. Преимущество передового уклада сказывается в том, что регулирующее влияние социалистического сектора и пролетариата как его носителя проникает далеко вглубь товарного производства. Тут на сцену выступает такой мощный фактор регулирования производства и обращения, как политика цен. Цены являются очень важной формой проявления единого народнохозяйственного плана. Политика цен становится огромным фактором социалистического влияния на всю товарную сферу обращения. Кроме того в руках пролетариата есть еще целый ряд социалистических „приводов“ в сферу раздробленного хозяйства: кооперация, контрактация и т. п.

В самый последний год мы имеем огромный перелом в сторону ликвидации стихийного обращения, благодаря созданию в сельском хозяйстве мощных социалистических пластов, начинающих играть преобладающую роль в общей товарной продукции страны. Все это ставит воспроизводственный процесс в наших условиях на новую, более высокую ступень. Но это однако не снимает проблемы взаимоотношения в процессе воспроизводства социалистической системы и частной, поскольку простые товаропроизводители продолжают еще играть весьма существенную роль в процессе производства. Социалистическая система в настоящий период в той части, в которой она соприкасается с частным хозяйством, как правило, мало подвержена действию стихийных законов, благодаря организующей силе социалистического хозяйства. Отдельные прорывы, вызываемые неорганизованностью простого товарного хозяйства (недостаток хлопка, льна и т. д.), не перерастают в кризисы, а нейтрализуются плановым воздействием пролетарского государства. Единство системы устанавливается планом. Понятно поэтому, насколько ошибочным является следующее заявление т. Виткупа.

„Внешним выражением этой целостности, единства движения общественных отношений служит единство формы связи между хозяйством отдельных секторов и в пределах каждого из них... отметим, между прочим, что этот момент—стоимостная форма связи“⁴.

Прежде всего единой формы связи во всех секторах не существует. Денежная форма связи далеко не является характерной внутри социалистического сектора. Затем единство системы устанавливается не на основе стоимостной формы связи, а зачастую вопреки ей. Мы не имеем замкнутого круга обращения внутри частного хозяйства благодаря тому, что в частный товароборот внедряются, как решающая сила, продукты государственной промышленности.

При военном коммунизме в сельском хозяйстве и мелкой промышленности родилась тенденция к совершенно „независимому“ циклу воспроизводства. Это было именно то, что Ленин формулировал как отрыв сельского хозяйства от промышленности. По мере роста нашей индустрии сельское хозяйство все в большей и большей мере восстанавливало связи с ней.

⁴ „Плановое хозяйство“ № 7, 1929.

На отдельных отрезках воспроизводственного цикла может происходить движение товаров в пределах товарно-капиталистического круга. Однако и в этом случае нельзя сказать, что здесь, как указывает т. Преображенский, „безраздельная область господства закона ценности“⁵. Закон ценности ущемлен благодаря тому, что уже нет свободного перелива капиталов. Целый ряд сфер недоступен для частного хозяйства. Отсутствие простора в условиях нашей политической системы для перерастания простого товаропроизводителя в капиталиста означает извращение действия закона стоимости даже внутри частного хозяйства. Движение товаров внутри товарно-капиталистического сектора происходит под значительным влиянием социалистических отношений, извращающих действие закона—ценности.

Итак, в наших условиях в отличие от капитализма процесс обращения в основном протекает по плану. Движение факторов производства и потребления, при капитализме происходившее на основе товарно-денежного обращения, у нас внутри социалистического сектора происходит на основе планового распределения, причем деньги здесь играют роль счетных единиц; в несоциалистических сферах это движение также происходит под значительным влиянием плана. Уже этот один факт подразумевает огромное сокращение непроизводительной траты общественного труда. Маркс пишет о системе обращения следующее: „Насколько при неизменяющемся данном масштабе производства и при данной степени его расширения уменьшаются издержки на этот дорогой механизм обращения, настолько же повышается вследствие этого производительная сила общественного труда“⁶. Мы все больше и больше становимся на путь непосредственного безденежного распределения, что является значительнейшим фактором, содействующим возрастанию производительной способности труда в наших условиях.

Огромнейшее значение с точки зрения производительной силы общественного труда имеет проблема скорости обращения товаров. Если каждая произведенная машина немедленно пускается в дело; если массы товаров не должны лежать на складах и ждать платежеспособного спроса, а немедленно утилизируются, это означает высвобождение огромных новых производительных ресурсов. Капиталистическая система по сравнению с плановой требует огромных товарных запасов, из которых большая часть представляет результат отсутствия платежеспособного спроса. „Издержки по образованию запасов,—по словам Маркса,—остаются вычетами из общественного богатства, хотя они и являются условием его существования“⁷. Социалистическая система, уже в наших условиях, товарных запасов, связанных с отсутствием платежеспособного спроса, как правило, не знает, поскольку мы можем регулировать спрос через нашу политику цен и т. д. Социалистическая система нуждается не в таких товарных фондах. Она нуждается в резервах, которые необходимы для бесперебойного планового воспроизводства, но это означает повышение производительной силы труда. На необходимость такого рода общественных запасов в виде средств производства и потребления и на значение этого указывает Маркс.

⁵ „Новая экономика“, с. 202.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 329.

⁷ Там же, с. 124.

„Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала... в различные последовательные годы изменяются... Следовательно производство средств производства должно в одном случае расшириться, в другом сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством: с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем это непосредственно необходимо; с другой стороны, и в особенности запас сырого материала и т. д., превосходящий непосредственные годовичные потребности (это в особенности относится к средствам существования). Такой вид перепроизводства равнозначущ контроль общества над вещественными средствами его воспроизводства“ (т. II, с. 485). В капиталистическом обществе наличие перепроизводства является элементом анархии. В наших условиях резервы являются условиями рациональной организации производства—подъема производительной силы общественного производства.

Более высокая производительность нашей системы особенно ярко видна на фоне всеобщего загнивания капитализма. Задержка технического прогресса, которая особенно характерна для монополистического капитализма, у нас не может иметь места. Рост техники, введение технических усовершенствований в наших условиях происходит на основе стремления облегчить человеческий труд, уменьшить количество трудовых затрат на единицу продукции. Планируя не только количественные данные нашего производства, но и качественные, мы можем от средневековой рутинной техники непосредственно переходить к наиболее совершенным образцам производства, к таким, которые даже в наиболее высокоразвитых странах не могут найти широкого применения благодаря узким рамкам капиталистических производственных отношений, например к сложным комбинатам на почве использования разного вида электрической энергии (Днепро-строй).

Эта же погоня за прибылью, служащая главной движущей пружиной капиталистического производства, является причиной хищнического нерационального истребления в капиталистических условиях сырьевых богатств. Добыча бакинской и грозненской нефти например проводилась не так, чтобы снимать один пласт нефти за другим. В целях спекуляции при бурении скважин ставилась задача добраться по самой эффективной. В результате ряд богатейших пластов обводнялись и гибли. Теперь, когда добыча проводится по плану—эффективность труда значительно возросла. Аналогичное явление мы имеем в Донбассе и др. сырьевых центрах.

В условиях технической реконструкции, когда мы приступили к коренному переустройству всего нашего хозяйства, преимущества нашей системы сказываются особенно ярко. Превосходство крупных предприятий над мелкими—совершенно бесспорный факт даже для многих буржуазных ученых. Капиталист, несмотря на огромную концентрацию капиталов, не всегда может „засадить“ свои капиталы на несколько лет в какое-либо крупное строительство. Возможность мобилизации капиталов путем выпуска акций встречает пределы в условиях конъюнктуры, спекуляциях и т. д. Кроме того это связано с крупным отвлечением денег и потрясениями капиталистической системы.

„Если мы представим себе,—как пишет Маркс,—не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, следовательно отпадают и все переодевания, которые осуществляются в сделках благодаря денежному капиталу. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и средств существования оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как напр. постройка железных дорог, долгое время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни средств существования и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но конечно отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и средства существования. Напротив в капиталистическом обществе, где общественное понимание всегда заявляет о себе только *post festum*, могут и должны постоянно возникать крупные нарушения“⁸.

В нашей системе заложен еще целый ряд преимуществ, связанных с неограниченными возможностями концентрации и централизации наших производственных фондов. Трестирование нашего производства, которое проводилось на основе плана, должно дать возможность провести огромную экономию трудовых затрат на основе только применения принципа централизации управления, энергетических, топливных ресурсов, снабжения и т. д.

Наконец огромные преимущества нашей системы заложены в том, что мы можем гораздо полней и рациональней использовать наличное производственное оборудование, чем даже наиболее высоко развитые страны. При одном и том же производственном аппарате мы можем получать гораздо больше продукции, чем капиталисты. Нагрузка производственного аппарата, использование фондов составляет в США в среднем не более 70%. Сталелитейные заводы в состоянии производить стали на 70% больше, чем они производят (данные 1929 г.). Обувные фабрики недогружены на 80%. Мощность автомобильных заводов в 1929 г. превышала на 80% размеры рыночного спроса. Лесопильные заводы могут дать в три раза больше продукции, чем дают⁹. Эти данные относятся к периоду до наступления кризиса. Кризис, разумеется, эту недогрузку колоссально увеличил. Если взять только вопрос о сменности работ, то уже из этого видно, что мы в большей мере используем наши фонды, нежели американцы. Наша сменность сейчас равна 1,5—1,6, в то время как до войны она равнялась 1,3, а в США она составляет около единицы (по данным Ковалевского¹⁰). Но возможность более интенсивного использования оборудования далеко не сводится только к вопросу сменности. Например кирпичные печи России в 1912 г. давали 2 тыс. млн. шт. кирпича. В настоящий период те же самые печи при том же основном капитале в кирпичной промышленности дают на 60% больше. При этом и раньше и теперь работа ведется в три смены. Мы сумели использовать другие преимущества, связанные с социалистической системой: переход на более длительный сезон работы, устранение узких мест, социалистическая рационализация и т. д. (по тем же данным т. Розенгольца).

⁸ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 296.

⁹ Розенгольц, „Правда“, 1930, № 176.

¹⁰ Ковалевский В., К построению генерального плана, „Плановое хозяйство“ № 3, 1930.

Отношение вновь произведенного продукта $v+m$ к фондам, которыми располагает страна (по терминологии Ковалевского „коэффициент воспроизводства“) в прошлом году составлял у нас 30,7%; сейчас он составляет 36,6% в то время как в США он в последнее время равняется 22%, а за три-четыре десятилетия, предшествовавших империалистической войне, коэффициент воспроизводства составлял 20%; даже в период наиболее быстрого роста американского капитализма, после войны Северных и Южных штатов, он составлял только 29%.

Вот еще другие данные:

В настоящее время мы воспроизводим ежегодно 37% народного богатства, созданного трудом (сюда не входит движимое имущество, которое находится в личном потреблении), между тем как в США в эпоху высокой конъюнктуры воспроизводят 22%, а в годы кризиса значительно меньше (по данным Ковалевского). Отсюда ясно, какие мощные возможности развития заложены в нашей хозяйственной системе.

Мы должны и можем догнать и перегнать капиталистические страны и сделать это возможно не путем уступок капитализму, как требуют правые, и не путем „выкачивания“ крестьянского накопления, как хотели троцкисты. Крестьянское накопление тоже должно быть положено на чашу весов социалистического строительства. Но не таким образом, как предполагает Е. Преображенский. Оно будет участвовать и участвует в социалистическом строительстве через коллективизацию крестьянского производства и кооперирование его обращения, через сберегательные кассы и т. д. и лишь частично, в уменьшающемся размере, через неэквивалентный обмен. Коллективизация крестьянства сама по себе означает расширенное воспроизводство социалистических элементов. Преимущество социалистической системы не в неэквивалентном обмене. Огромные преимущества нашей системы—в ликвидации паразитических классов, в рациональной плановой организации производства и обращения. И эти преимущества сказываются уже сейчас, несмотря на ряд „издержек“, связанных с сопротивлением осколков господствовавших классов, недостаточной организованностью нашего государственного аппарата, несмотря на необходимость иногда дорого „платить за учобу“. Эти преимущества определяют более высокие возможности накопления у нас и более высоких темпов, чем в любой капиталистической стране.

Преимущества социалистической системы являются условиями для преодоления технико-экономической отсталости страны, для построения социалистического общества. Однако это не значит, что нам „во всех случаях“ обеспечена такая возможность. Решающее значение здесь приобретает политическая линия пролетарской партии. При диктатуре пролетариата политика становится решающим фактором экономики, поэтому нельзя противопоставлять экономическую политику „системе хозяйства“ или вернее экономики. Когда мы говорим о „военном коммунизме“ мы имеем в виду и определенную экономическую политику и неразрывно с ней связанную систему хозяйства. Когда мы говорим о новом этапе и приступаем к его изучению, следует изучать не только видную всякому совокупность новых мероприятий, но и новые процессы в экономике.

Наша хозяйственная система представляет определенную экономическую структуру (пять укладов), непрерывно изменяющуюся под влиянием той политики, которую пролетариат повседневно проводит...

Эта политика включается в процесс производства. Экономическая политика „срачивается“ с производственными отношениями, и без нее в наших условиях процесс производства невозможен. Если в условиях товарно-капиталистического хозяйства процесс производства не может протекать без купли-продажи, то несколько сходное положение мы имеем у нас в отношении экономической политики, без которой процесс производства приостановился бы или принял стихийные формы. Определенная „экономическая политика“ имеется и у хозяйствующего субъекта в условиях капитализма, но при диктатуре пролетариата характер ее в корне изменяется. Если у хозяйствующего субъекта его экономическая политика выступает как результат давления на него стихийных законов капитализма, то в условиях диктатуры пролетариата она выступает как предварительный фактор, выступает в качестве определенной специфической формы хозяйственных связей. Такая новая роль экономической политики, означающая процесс перехода из царства необходимости в царство свободы, возможна благодаря основанию нового фундамента производственных отношений, отношений дефетицизированных.

Но „политика“ политике рознь.

Только при правильной политике партии—политике, поднимающей активность масс, развертывающей ударные темпы работы, концентрирующей основные ресурсы на ведущих отраслях, рационально использующей все производственные факторы,—возможна действительная и полная реализация всех преимуществ социалистической системы. И главным условием такого использования является борьба против оппортунистических элементов внутри нашей партии и страны. Правые оппортунисты мешают реализации всех преимуществ нашей системы прежде всего потому, что они их не видят. Они фактически держат курс на ликвидацию этих преимуществ, поскольку их линия—линия ослабления позиций социализма и расширения капитализма. Вместе с тем и троцкисты совершенно не понимают этих преимуществ и содействуют усилению позиций капитализма. Реализация преимуществ нашей системы возможна только на основе борьбы с правым оппортунизмом как с главной опасностью на данном этапе и „левыми“ течениями. Опыт нашего развития с несомненной очевидностью показал, что партия и ЦК блестяще проводили именно такую линию, которая полностью обеспечила полное использование всех преимуществ нашей системы. Дальнейшее активное проведение генеральной линии партии на основе борьбы на два фронта обеспечит полную победу пролетариата.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЛОЖЕНИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Не случайно на протяжении двух последних лет страницы экономической прессы много раз освещали проблему эффективности капитальных вложений.

За эти два года, вклинившиеся в историю человечества как годы невиданного еще миром приступа к реальному строительству социализма, Советский Союз уже сделал первые шаги по пути подведения индустриальной базы под свое хозяйство.

Предстоящее еще более широкое развитие строительства, вполне понятно, вызовет стремление найти четкие критерии для выбора из всех возможных вариантов строительства того именно оптимального варианта, который должен дать народному хозяйству наибольший полезный эффект.

Как следствие этого, уже сделан ряд обстоятельных попыток теоретического обоснования критериев эффективности, вносящих в большинстве случаев те или иные ценные вклады в разработку этого вопроса; однако далеко не всегда в известных нам работах совмещаются правильные теоретические установки с достаточной практичностью конкретных выводов; в большей части страдает одна какая-нибудь сторона—или чистота теории, или жизненная значимость предлагаемых методов измерения эффективности.

Нам кажется, что к исследованиям критериев эффективности следует предъявить два обязательных требования: методология установления их должна определяться основными положениями марксистской теории; предлагаемые способы определения эффективности должны обеспечивать в пределах практически возможных способов измерения максимальное приближение к фактической эффективности сравниваемых объектов строительства.

Можно утверждать, что удовлетворительное сочетание обоих названных требований в конкретной формуле эффективности значительно приблизило бы плановую мысль к окончательному разрешению проблемы.

Суждению по поводу интересующей нас темы следует предпослать создание полной определенности в отправном пункте—какое содержание должно вкладывать в понятие „эффективность“ и в каком именно понимании мы будем пользоваться этим термином ниже.

1. ЧТО ТАКОЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ?

Экономическая литература пока не имеет общепризнанной формулировки понятия „эффективность“. Значительная часть исследователей проблемы эффективности вложений не считает нужным вовсе останавливаться на расшифровке этого понятия. Принципиальное

обоснование несколько пренебрежительного отношения экономистов к определению интересующего нас понятия эффективности выпало на долю М. Боруна.

„Содержание понятия „эффективность“ капитального строительства, говорит т. Борун в статье „Об эффективности капитального строительства промышленности“¹,—вообще говоря, представляется нам до чрезвычайности ясным, и мы не сочли бы нужным останавливаться на его выяснении, если бы нам не пришлось прочесть статью Г. Абезгауза в № 18 „Путей индустриализации“.

Задержавшись тем не менее по полемическим соображениям на выяснении поставленного себе и читателю вопроса и указав еще раз, что „термин „эффективность“ элементарно ясен“, М. Борун дает ему следующее определение:

„Эффективность—это по существу сумма результатов (итогов, последствий, эффекта) от какой-либо затраты, капитального вложения или мероприятия“.

Примерно такую же формулировку считает достаточно исчерпывающей и другой исследователь—Р. Гольдберг. В его утверждении „эффективность понимается как соотношение результата с жертвами или затратами, сделанными на его достижение“².

Мы не стали бы возражать против этого определения, внешнюю правильность которого в такой наиболее объемлющей формулировке трудно опровергать, если бы не видели в нем одной крупной недоговоренности, являющейся причиной некоторых методологических ошибок в трактовке самой проблемы.

Представляется очевидным, что эффективность одного и того же мероприятия, воспринимаемая только лишь как арифметическая „сумма результатов“, не может быть различной в зависимости от классового положения лица или органа, производящего оценку, как не может быть различен результат эксперимента со сложением двух двоек вследствие неодинакового социального положения экспериментаторов.

Между тем в реальной действительности эффективность избранного нами конкретного мероприятия оценивается не только различно, но и диаметрально-противоположно, в зависимости от того, каким из классов общества она определяется.

Оценивая проект двух однотипных фабрик, трудящиеся Страны Советов считали бы при равенстве всех прочих условий, что эффективнее та фабрика, постройка которой запроектирована в районе, испытывающем наибольшую нужду в укреплении пролетарской базы среди местного населения. Оценивая эффективность тех же самых двух проектов, капиталист, при равенстве интересующих его условий рентабельности, очевидно также по-своему учел бы последнее обстоятельство и быть может принял бы вариант, который мы отвергли.

С точки зрения капиталиста эффективность („сумма результатов“) легкой индустрии в наших условиях несравненно более высока, нежели эффективность тяжелой индустрии. Однако в СССР не случайно направляется большая часть капиталов именно в эту „неэффективную“ отрасль промышленности, поскольку мы иначе оцениваем ту же „сумму результатов“, что станет следствием сделанных вложений.

¹ „Пути индустриализации“ № 3 за 1929 г., с. 12.

² „Пути индустриализации“ № 11 за 1929 г., с. 10.

Для капиталиста обладало бы „отрицательной эффективностью“ убыточное производство искусственных минеральных удобрений, что не мешает нам придерживаться на этот счет особого мнения и всемерно форсировать их выработку.

Весьма эффективное с капиталистической колокольни производство водки мы наоборот сокращаем, так как подходим к оценке этой „суммы результатов“ с иной точки зрения.

Эффективность следовательно бесцельно пытаться измерить и исчерпать понятием арифметической суммы результатов. В термине „эффективность“ отражаются не только простые технические отношения, но социально классовая оценка этих отношений.

Поэтому мы решительно восстаем против формулировок гг. Бо-руна и Гольдберга, придающих термину „эффективность“ внеклассовый характер, абстрагирующих его от социальной сущности явлений.

Под эффективностью следует понимать сумму ожидаемых результатов, оцененных с точки зрения интересов класса. В наших условиях для повседневной работы над строительством социалистического общества под эффективностью вложений нужно и должно понимать сумму ожидаемых от мероприятия результатов, оцененных с точки зрения классовых задач пролетариата.

Упустить в определении эффективности эту социальную сторону понятия—это объективно значит выхолостить социальное содержание его, значит упустить классовую сущность проблемы.

2. ПРОБЛЕМА НАПРАВЛЕНИЯ ВЛОЖЕНИЙ И ТЕОРИЯ АВТОРИТАРНОСТИ М. БОРУНА

Мы не опасаемся получить упрек в излишней требовательности к формулировкам. Нам кажется совершенно справедливой общеизвестная истина, согласно которой без остро отточенной революционной теории не может быть и революционной практики.

Это утверждение вполне приложимо и к обсуждаемой нами конкретной проблеме эффективности вложений. Допущенная ошибка в определении понятия „эффективность вложений“ может привести к ошибочным выводам в отношении важнейших вопросов нашего строительства; пример тому не нужно далеко искать.

Автор цитированного ранее определения эффективности М. Борун, исследуя проблему направления вложений, задается вопросом „в какой мере эффективность капитальных вложений может служить критерием для оценки их целесообразного направления“³.

Тщательно рассмотрев вопрос, М. Борун приходит к отрицательному ответу на него: „Те, кто думают, что распределение вложений между отраслями хозяйства целиком или в основном определяется эффективностью этих затрат в различных отраслях хозяйства,—глубочайшим образом ошибаются. Также глубоко ошибаются те, кто эффективность вложений считают единственным или главным критерием между отдельными видами затрат и мероприятиями внутри хозяйства“⁴.

„Категорически отрицая возможность применения эффективности капитальных вложений,—пишет он дальше,—в качестве руководящего

³ „Пути индустриализации“ № 11 за 1929 г.

⁴ Ibid., с. 15.

принципа при распределении этих вложений между отраслями хозяйства и отраслями промышленности, мы отнюдь не оспариваем значения эффективности как критерия для выбора наиболее целесообразного вложения в пределах данной отрасли или производства⁵.

Решительно отказавшись признать за эффективностью даже в минимальной степени роль фактора, направляющего межотраслевые и внутриотраслевые вложения, автор дает иное „единственно правильное“ с его точки зрения решение проблемы.

По мнению автора, совпадающему с мнением профессора Литошенко, положительное решение проблемы направления капитальных вложений можно искать „только в авторитарном установлении пропорции общественного продукта и удельного веса отдельных отраслей производства“.

Как профессор Литошенко, так и М. Борун в этом случае несомненно „глубочайшим образом ошибаются“.

Непонятно, почему т. Борун не хочет продолжить свою мысль до конечных выводов: если быть последовательным в применении „теории авторитарности“, то нужно заявить, что распределение вложений между конкретными объектами строительства в Советском Союзе также производится при посредстве „авторитарного утверждения“, т. е. сознательно установленного плана, а не стихийно.

Однако такое формально не опровержимое утверждение ни на иоту не приближает нас к пониманию действительных движущих пружин распределения вложений.

Заявить, что проблема направления вложений находит себе разрешение в авторитарном утверждении направления—это значит по существу не сказать ничего, это значит просто констатировать факт, вместо того, чтобы объяснить его.

Действительно направление вложений в плановом хозяйстве определяется авторитарным утверждением как между отраслями и внутри их, так и между конкретными объектами строительства. Но значит ли, что внешнюю форму явления можно принимать за его сущность, значит ли, что авторитарное утверждение является той первопричиной, которая самадовлеюще определяет направление вложений?

Очевидно нет. Авторитарное утверждение само нуждается в объяснении посредством отыскания тех факторов и обстоятельств, которые его определяют.

Авторитарное утверждение есть только функция от некоторой независимой величины, а именно от исторических задач класса, „авторитарно утверждающего“ свою хозяйственную волю.

Но направляя вложение в ту или иную отрасль хозяйства или промышленности, пролетариат в лице своей партии и государственных органов может и должен искать критерии направления средств не в чем-либо авторитарном утверждении, а в обстоятельствах иного порядка.

Вложения авторитарно направляются в ту или иную отрасль хозяйства или промышленности именно потому, что здесь они должны дать с точки зрения классовых интересов пролетариата наибольший политический результат, оптимальный политический эффект.

⁵ Ibid., с 18.

Именно эффективность вложений как сумма ожидаемых от этих вложений политико-экономических результатов, оцененных с точки зрения генеральных задач пролетариата, определяет собою межотраслевое и внутриотраслевое направление вложений в наших условиях, в эпоху перехода „от России напманской к России социалистической“.

Поэтому мы направляем подавляющую сумму средств в „неэффективную“ тяжелую индустрию, ибо с точки зрения генеральных политических задач класса вложения в тяжелую индустрию на данной исторической ступени эффективней, нежели вложения в легкую; поэтому же мы сокращаем „эффективное“ производство водки, ибо с точки зрения тех же задач из пьяной России нельзя сделать России социалистической.

Ошибка т. Боруна, вынужденного прибегать к утверждению надуманной и бесплодной „теории авторитарности“, заключается в том, что он устранил классовую сущность из понимания эффективности. Определив эффективность как простую арифметическую сумму результатов, т. Брун оказался бессильным объяснить в свете этой концепции те вложения, которые явно дают меньшую арифметическую сумму результатов, а эффективность которых по самому их существу не может уложиться в рамки цифрового измерения.

3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ „КАПИТАЛА“ ИЛИ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

Установив элементы единства в критерии распределения средств как между отраслями хозяйства, так и внутри отраслей, и между конкретными объектами строительства и усматривая это единство в стремлении достигнуть оптимальной эффективности с точки зрения классовых интересов пролетариата, мы должны установить и элементы различия между „эффективностью“, определяющей размеры и темп вложения в отрасли хозяйства и внутри отраслей, и „эффективностью“, определяющей выбор одного конкретного объекта строительства из нескольких с ним конкурирующих.

Если в понимании первой эффективности преобладают элементы политические, не поддающиеся непосредственному цифровому измерению (вопросы непосредственной экономической эффективности отступают назад), то в понимании второй эффективности, определяющей выбор конкретных объектов строительства, преобладают элементы технико-экономические, могущие стать объектами относительно точного измерения.

Это и вполне понятно: непосредственное избрание объекта строительства является уже конечным техническим этапом работы, принципиальное направление и содержание которой полностью определено предшествующим актом распределения средств между отраслями и внутри отраслей.

В соответствии с этой точкой зрения наша задача по отношению к практическим требованиям сегодняшнего дня может состоять в изыскании способов измерения, а следовательно и сопоставления „экономической эффективности“ конкретных объектов строительства.

В трактовке проблемы эффективности плановая литература широко употребляет термин „эффективность капитальных вложений“, ориентируя им читателя в том направлении, что искомый эффект есть прямая функция от условий вложения капитала.

Между тем эффективности собственно капитальным вложением мы не ищем и искать не можем, так как такое понятие для нас носит беспредметный характер.

В условиях диктатуры пролетариата „капитал“—это только ове­ществленная (омертвевшая) часть общественного труда. Взятая сама по себе, она никакого эффекта не производит.

Эффект же всякого производственного процесса создается как результат взаимодействия мертвого и живого общественного труда.

Поскольку не существует какой-нибудь постоянной пропорции между суммами живого и мертвого труда, используемыми в двух или нескольких предприятиях одинаковой, а тем более разных отраслей промышленности, и такая пропорция (т. е. органическое строение капитала) строго индивидуальна для каждого отдельного предприятия,—затраты мертвого труда не определяют собой с необходимой нам точностью размеров общественных затрат живого труда.

Таким образом эффективность предприятия есть функция того независимого переменного, в состав которого „капитал“ входит лишь одним из составляющих элементов.

Поэтому представлять эффективность для народного хозяйства того или иного предприятия как отношение суммы народнохозяйственных результатов к вложенной в это предприятие одной лишь части общественного труда, а именно к ове­ществленному труду,—это значит не только делать произвольное ненаучное допущение, но и окончательно распрощаться с марксистским пониманием проблемы.

Употребление термина „эффективность капитальных вложений“ в нашей плановой литературе может найти себе только историческое объяснение. Действительно капиталисту, рассматривающему свою деятельность не с народнохозяйственной, а с индивидуально-собственной точки зрения, необходимо и достаточно знать, какой эффект или прибыль получит он на вложенный в дело капитал.

Функционирование капитала с целью его возрастания является для него (капиталиста) самодовлеющей и исчерпывающей целью хозяйствования, а функционирование предприятия—лишь неизбежным способом достижения этого.

Поэтому в содержании слов „эффективность капитальных вложений“ значительно больше от капиталистического прошлого, чем от социалистического настоящего, много больше от рентабельности, нежели от народнохозяйственной эффективности.

Отсюда следует утверждать, что термин „эффективность капитальных вложений“, имеющий всю полноту прав гражданства в капиталистическом обществе (поскольку эффективность капитала, т. е. норма прибыли, служит фактором распределения капиталов в неорганизованном товарном хозяйстве), теряет право на законное существование в обществе, построенном на планово-социалистических началах.

По всем этим причинам мы полагаем необходимым отказаться впредь от применения понятия „эффективность капитальных вложений“ как теоретически неверного, не отражающего существа разрешаемой проблемы и порождающего возможность сознательного или бессознательного сползания с классово-четкой постановки самой проблемы.

Мы могли бы привести пример того, как неправильность формулировки проблемы отражается на выводах, касающихся самого раз-

решения ее по существу даже в том случае, когда ошибочность формулировки достаточно ясно сознается исследователем.

С. Г. Струмилин в статье „Проблемы эффективности капитальных затрат“⁶ сделал верное указание на невозможность измерить эффективность „капитальных затрат“. „Продукция, — пишет он⁷, — ни в ценностном, ни в натуральном выражении сама по себе не может служить мерою эффективности капитальных вложений уже потому, что размеры ее определяются не только мертвыми средствами производства, но и живым трудом“. „Чтобы получить в продукции меру эффективности одного лишь накопленного труда, необходимо было бы изолировать действие другого фактора, т. е. живого труда, а это тем труднее, что совокупное их действие определяется не только абсолютными размерами каждого, но и их отношением друг к другу“.

„Я думаю, — утверждает он дальше, — что абсолютной меры эффективности капитала и вообще искать не следовало“⁸.

Как видно, автор дал не только принципиально правильное освещение проблемы, но и, поскольку нам известно, впервые в плановой литературе поставил вопрос относительно бесцельности поисков „эффективности капитала“ в столь определенной форме.

Тем не менее правильный отказ от измерения „эффективности капитала“ повлек у С. Г. Струмилина неправильный отказ от измерения эффективности конкретных вложений вообще.

Доказав невозможность и нелогичность попыток решать проблему эффективности капиталовложений, автор сделал только, а бы сказал, разрушительную часть необходимой работы. В дальнейшем он должен был установить, какую же именно другую эффективность, если не эффективность капитала, мы должны научиться измерять для того, чтобы удовлетворить практическим запросам сегодняшнего дня, — т. е. дать критерий для правильного выбора из двух или нескольких конкурирующих объектов строительства наилучшего объекта.

Однако такого заявления автор не сделал и по вполне понятным причинам; плановая литература концентрировала свои силы на измерении эффективности капитальных затрат; когда эта проблема оказалась несостоятельной, то не нашлось в обиходе экономистов понятия „другой эффективности“, которую можно было бы положить в основу соизмерения выгодности различных объектов строительства.

Таким образом „инерция общепринятого словоупотребления“ оказалась в такой мере значительной, что вынудила С. Г. Струмилина в конечном счете отказаться вовсе от ответа на „небольшой“ вопрос планирования строительства — каким путем на деле выяснить, какому из двух проектов предприятий нужно отдать предпочтение.

Вопрос-то этот тем не менее не может быть снят со счетов и предъявит к нам свои бесспорные претензии на должное разрешение.

Какой же эффективности мы ищем?

Рассматривая проекты двух конкретных предприятий (при наличии наперед заданных лимитов по внутриотраслевому строительству), мы преследуем одну всепоглощающую цель — установить, в какой степени для народного хозяйства более выгодна постройка именно данного предприятия при данных условиях, нежели другого аналогичного предприятия при других условиях.

⁶ „Плановое хозяйство“ № 7, 1929.

⁷ Ibid., с. 80.

⁸ Ibid., с. 6, разрядка наша.

Следовательно мы по существу ищем не эффективности „капитала“, вложенного в предприятие, а народнохозяйственной эффективности самого предприятия.

Таким образом наша задача состоит в отыскании способов измерения народнохозяйственной эффективности намечаемых объектов строительства или, иначе говоря, в установлении принципов меры, при помощи которой можно было бы определить, какое из ряда проектируемых предприятий даст всему народному хозяйству больший полезный эффект при условии вложения в них соответственно равноценных сумм живого и мертвого общественного труда.

Найдя правильное разрешение этой проблемы, мы вместе с тем найдем и пути наиболее эффективного приложения общественного труда, принявшего форму „капитала“.

4. ФОРМУЛА т. ГОЛЬДБЕРГА

Нахождение эффективности можно и должно рассматривать как задачу математическую, сводящуюся к определению одной неизвестной величины (коэффициента эффективности) при посредстве ряда известных (капитала, рабочих и т. д.).

Как уже указывалось выше, С. Г. Струмилин в цитированной ранее работе пришел к утверждению, что найти такой зависимости нельзя. По его мнению, при известных условиях мы смогли бы не больше как сопоставить „уровень эффективности“, „динамический для различных моментов“⁹, из чего следует, что измерить и сравнить эффективность статически, на один определенный момент, невозможно.

Так как дальнейшее исследование ведется в плоскости „динамического сравнения“, то формула, предлагаемая т. Струмилиным, при всех ее теоретических достоинствах, находится вне пределов интересующего нас конкретного вопроса.

Из известных нам исследований особенно должна быть отмечена статья т. Гольдберга „О методах исчисления эффективности капитальных вложений“, которую мы уже цитировали раньше, делающая принципиально верную попытку измерить эффективность объектов строительства через посредство двух взаимно связанных величин — мертвого и живого труда.

В результате подробного анализа т. Гольдберг предложил для измерения эффективности довольно простую формулу: эффективность (η) представляется им как функция трех элементов, а именно продукции P , капитала (постоянных активов) — C и числа рабочих — W .

Зависимость между ними математически выражается при посредстве следующего равенства:

$$\eta = \frac{P^2}{CW}$$

Большая простота формулы создавала бы ей несомненные преимущества, если бы оказалось достаточным число включенных в формулу элементов и правильной та связь, в которой они расположены по отношению друг к другу.

Таким же вопросом задается и т. Гольдберг: „Наибольший интерес, — пишет он, — представляет третий вопрос: достаточен ли при на-

⁹ Ibid., с. 62.

ших условиях состав формулы, можно ли определить народнохозяйственную эффективность по соотношению одного положительного и двух отрицательных факторов — без принятия во внимание всех других, как например прибыли, себестоимости, оборотных капиталов, оборачиваемости“ (с. 18, разрядка наша).

На этот вопрос автором дается положительный ответ: „Если при помощи той или иной формулы можно определить с достаточной полнотой продукцию P и в особенности темп ее изменения как функцию только двух переменных C и W , т. е. капитала и числа рабочих, то включение в формулу каких-либо дополнительных факторов положительного или отрицательного порядка не необходимо“.

„Однако не трудно убедиться в том,—продолжает он свою мысль,—что продукция P действительно может быть всегда представлена с достаточной степенью точности как функция капитала и числа рабочих“ (с. 18, разрядка наша).

В качестве доказательства своего взгляда автор приводит ссылку на исследования двух американских экономистов Cobb'a и Douglas'a, которые, пользуясь только названными двумя показателями (C и W), подошли к большой для такого рода работ точностью (при погрешности в пределах 4,2%) к вычислению физической продукции Соединенных штатов Северной Америки.

Мы воздерживаемся на некоторое время от суждения, в какой степени верен этот взгляд т. Гольдберга. Нам кажется уместным пока лишь упомянуть, что метод, являющийся вполне правильным для определения объема продукции в стране, может оказаться в такой же степени мало пригодным для суждения о размере продукции конкретного предприятия, как мало общего между этими двумя самостоятельными проблемами.

Подвергнем формулу т. Гольдберга практической проверке:

Планирующий орган, нуждающийся в оценке двух конкурирующих проектов строительства, с точки зрения их народнохозяйственной эффективности. Оба завода рассчитаны на затрату одинакового капитала $C=1$ млн. руб. при одинаковом числе рабочих $W=1$ тыс. человек и на выпуск одинаковой продукции P в 10 тыс. натуральных единиц.

Если временно оставить в стороне ценностный эквивалент P (мы не знаем, в каком выражении берет P т. Гольдберг — ценностном или натуральном), то оба завода (А и Б) покажут одинаковый коэффициент эффективности из равенства:

$$\eta = \frac{P^2}{CW} = \frac{10\,000^2}{1\,000\,000 \cdot 1\,000} = 0,1$$

Однако действительность может далеко не соответствовать такой оценке. Возьмем следующий ординарный случай: завод А вследствие невыгодного географического расположения и менее совершенной организации производственного процесса может выпускать продукцию по фабричной стоимости 100 руб. за единицу, в то время как завод Б, планируемый более удачно, даст ту же продукцию одинакового качества по низшей себестоимости в 90 руб. за штуку, при всех прочих равных условиях (качество, расположение рынков сбыта, оборачиваемость капиталов и т. д.).

При наличии всех этих предпосылок представляется несомненным, что с народнохозяйственной точки зрения завод Б эффективнее завода А.

Отразит ли это обстоятельство приведенная выше формула? На этот вопрос должен быть дан положительный ответ; но с точки зрения формулы т. Гольдберга более высокой эффективностью будет обладать как раз наоборот завод А.

На самом деле стоимость продукции P неудачно планируемого завода А составит $100 \text{ руб.} \times 10\,000 \text{ штук} = 1\,000\,000 \text{ рублей}$, а коэффициент эффективности определится из выражения:

$$\eta_A = \frac{P^2}{CW} = \frac{1\,000\,000^2}{1\,000\,000 \cdot 1\,000} = 1\,000.$$

Стоимость продукции P более совершенного завода Б составит $90 \text{ руб.} \times 10\,000 \text{ шт.} = 900\,000 \text{ рублей}$, а коэффициент эффективности найдется из того же равенства:

$$\eta = \frac{P^2}{CW} = \frac{900\,000^2}{1\,000\,000 \cdot 1\,000} = 810.$$

Следовательно теоретическая эффективность неудачливого завода А будет определена по формуле выше почти на 25%, нежели эффективность действительно целесообразно планируемого завода Б. Вряд ли нужно особое доказательство того, что подобный вывод не может способствовать успешному разрешению проблемы планирования строительства.

Аналогичным рассуждением можно прийти к доказательству, что качественная сторона вывода не изменится, если в числителе P будет взята не валовая, а чистая продукция.

В целях внесения большей определенности, необходимо установить, является ли неверность выводов неизбежным следствием применения формулы т. Гольдберга, или же приведенный выше пример носит случайный характер.

Не трудно убедиться, что рассматриваемая формула должна всегда давать искаженную оценку эффективности; мало того: чем ниже фактическая эффективность конкретного предприятия, тем, как правило, более положительная оценка будет ему присваиваться.

Если допустить, что фабричная стоимость продукции (валовой или чистой) на лучшем из проектируемых заводов равна P , то при прочих равных условиях на худшем заводе она составит $P+p$.

Поскольку $P+p > P$, то при одинаковых C и W правильно будет следующее неравенство:

$$\frac{(P+p)^2}{CW} > \frac{P^2}{CW}.$$

Следовательно худший завод, как правило, должен получить более высокий коэффициент эффективности: возведение числителя в квадрат не умаляет, а увеличивает допускаемую ошибку.

Причина ошибочности вывода т. Гольдберга очевидно должна заключаться в неверности отправной предпосылки, на основе которой он построен.

Если вся продукция P^1 народного хозяйства страны является функцией всего капитала C^1 , вложенного страной в производство (мертвого труда), и числа рабочих W^1 (живого труда), то продукция P индивидуального предприятия не является функцией только того капитала C и числа рабочих W , которые действуют в данном именно индивидуальном предприятии.

Вполне очевидна та элементарная истина, что в создании каждого конкретного продукта, от сапожного гвоздя до паровоза, принимает участие не только мертвый и живой труд того завода, на котором они непосредственно вырабатываются, но и общественный труд всего народного хозяйства в целом, ибо каждая производственная единица связана бесчисленными нитями со всем народнохозяйственным организмом.

Рационально построенный завод при равенстве всех внешних факторов (капитала, числа рабочих, производительности) будет воплощать в своей продукции еще некоторую дополнительную премию: в нем полностью реализуется вся экономия общественного труда в народном хозяйстве, которая создается не только в данном предприятии, но и во всех отраслях хозяйства, обслуживающих это последнее.

Правильное географическое расположение предприятия вызовет к жизни экономию общественного труда, возникшую в области транспорта, но реализуемую на данном заводе; единица произведенной на этом последнем продукции воплотит в себе меньшее количество общественного труда, нежели на другом, нерационально построенном, заводе.

Применение усовершенствованных способов сжигания топлива вызовет экономию общественного труда, возникшую в смежной отрасли топливного хозяйства, но реализуемую на рассматриваемом нами заводе. Потребление дешевой энергии районной электростанции будет иметь результатом аналогичную экономию общественного труда в области энергетического хозяйства и т. д. и т. д.

Все перечисленные факторы, повышающие эффективность оптимально построенного завода, действуют вне связи с функционированием капитала и рабочей силы, вложенных в данный именно завод. Они определяются функционированием всего общественного труда и капитала, а не только части их, вложенной в то или иное конкретное предприятие.

Таким образом формула т. Гольдберга не учитывает общественной стороны нынешнего производственного процесса; народнохозяйственную эффективность она пытается определить лишь на основе элементов, индивидуально присущих данному предприятию, и поэтому допускает неизбежную ошибку, отмеченную выше.

5. КОЭФИЦИЕНТ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Статья т. Гольдберга и особенно цитированная ранее работа С. Г. Струмилина, несмотря на отмеченные некоторые неточности, создают возможность приблизиться еще на один шаг к разрешению поставленной задачи — достоверному измерению народнохозяйственной эффективности конкретных объектов строительства.

Мы уже имели возможность констатировать, что в каждой единице продукции овеществляется живой и мертвый труд, затрачиваемый на ее производство.

Следовательно эффективность нового строительства может и должна выражаться в экономии общественного труда, создаваемой для народного хозяйства этим строительством.

Определить полностью всю эту экономию, т. е. установить прямым подсчетом, сколько общественного труда сберегается в каждой отрасли хозяйства в результате постройки нового предприятия, технически очевидно невозможно; а если бы даже подобный подсчет все же был осу-

ществлен, то проблематичность его заставила бы воздержаться от практического использования его выводов.

Таким образом единственно возможный путь наших изысканий лежит через комбинированное использование прямого подсчета экономии там, где последний возможен с относительной точностью, и косвенных показателей экономии, когда прямой подсчет не осуществим, либо только через использование одних косвенных показателей экономии.

Нашему непосредственному измерению может быть доступно то количество труда, которое вкладывает общество в производство продукта только на данном предприятии. Подобное измерение окажется возможным, если мы условимся трудовые затраты измерять в ценностной форме; понятная погрешность самого допущения с точки зрения поставленной нами цели не имеет особого значения и должна быть рассмотрена как наименьшая из возможных зол.

В этом случае на производство P натуральных единиц годовой продукции предприятие затратит $\frac{C}{\pi}$ мертвого труда (где π число лет, за которые амортизируется капитал C) и W —живого труда (где W годовая зарплата производственным рабочим).

Таким образом для выпуска P натуральных единиц продукции затраты общественного труда на данном предприятии составят $\frac{C}{\pi} + W$ руб., а первое приближение к коэффициенту эффективности представится как:

$$\eta = \frac{P}{\frac{C}{\pi} + W}$$

В этом виде формула означает, что если два конкурирующих проекта предприятий имеют равные $\frac{C}{\pi} + W$, то в случае выпуска последними равного количества натуральных единиц продукции P эффективность их η будет одинакова.

Однако такая оценка соответствовала бы действительности только в двух следующих случаях:

1) если бы продукция P овеществляла в себе только и исключительно труд, вложенный в данных предприятиях, что предполагает полную изолированность рассматриваемых предприятий от общества, или

2) если бы экономия общественного труда, получаемая в связанных с ними отраслях народного хозяйства, была одинаковой для обоих предприятий.

Если первый из рассматриваемых случаев представляет собою чистую абстракцию, то второй случай следует признать практически возможным.

Действительно логично утверждение, что эффективность предприятия будет тем выше, чем выше его продукция в натуральных единицах, при той неперменной предпосылке, что все прочие условия тождественны для обоих предприятий (капитал, рабсила, стоимость производства, качество и т. д.).

Практически это значило бы, что производственный процесс в таком предприятии организован более совершенно, поскольку он

дает возможность при равенстве всех функционирующих в предприятии величин выработать большее количество натуральных единиц продукции. Чем выше частное от деления числителя на знаменатель в приведенной формуле, тем следовательно рациональнее организовано использование общественного труда на данном предприятии. Это значит, что в таком виде формула отражает относительную степень рационализации производственного процесса на рассматриваемом предприятии.

Из изложенного видно, что приведенная формула могла быть использована для сравнения эффективности двух объектов строительства при наперед данном условии, что экономия общественного труда, получаемая в смежных отраслях, одинакова для обоих предприятий.

Однако практическая ценность подобного утверждения останется незначительной до того момента, пока мы не установим, как же изменится предложенная формула для всех прочих типических случаев, когда размер экономии различен.

Невозможность прямого подсчета интересующей нас экономии труда вынуждает искать подсобные, косвенные пути для выяснения ее влияния на коэффициент эффективности.

Попробуем подойти к определению этого влияния:

Поскольку известна общая сумма живого и мертвого труда, вкладываемого данным предприятием в производство всех P единиц продукции, легко определить количество этого труда, приходящееся на одну единицу продукции; оно равно некоторой величине m , представляющей собой сумму производственной зарплаты и амортизационных отчислений, падающих на единицу продукции.

Разность $f - m$, где f , фабричная стоимость единицы продукции, представляет собой ценностно-измеренную сумму трудовых затрат, которые несет общество на производство единицы продукции в не данного предприятия; обозначим их буквой S_1 .

Величина S_1 будет различной для различных предприятий; чем меньше ее абсолютный размер на единицу продукции при всех прочих равных условиях, тем, как правило, меньше трудовых затрат несет общество на производство продукта, тем эффективней завод.

Если в среднем для всей данной отрасли промышленности эта величина составляет s_0 , то коэффициент эффективности завода А, при равенстве всех остальных условий, будет настолько выше коэффициента эффективности завода Б, насколько меньше у первого будет численное значение выражения $\frac{s_1}{s_0}$. Следовательно коэффициент эффектив-

ности η прямо пропорционален $\frac{s_0}{s_1}$ (при прочих равных условиях), и наша формула после внесения в нее этой поправки примет следующий вид:

$$\eta = \frac{P \cdot s_0}{\left(\frac{C}{n} + W\right) \cdot s_1} \dots \dots \dots (1).$$

Однако необходимые поправки изложенным еще не исчерпываются. В последнем своем виде (1) формула не учитывает и потому не отражает затрат общественного труда, производимых на конечной

стадии производственного процесса — в сфере обращения готовых продуктов производства.

С точки зрения интересов народного хозяйства безразлично, где построить завод—в центре ли потребительского района или вдали от него. Строительство завода на большом расстоянии от места потребления его продукции может иметь своим последствием не только уменьшение его (завода) народнохозяйственной эффективности, но и превращение последней в отрицательную величину из-за непомерных затрат общественного труда на переброску готовых продуктов в районы потребления.

Если продолжить исследование выведенной формулы (1) примененным ранее методом, т. е. полагая равным все перечисленные в ней элементы и устанавливая, как отразится в этом случае на ее правильности произвольное изменение интересующего нас нового элемента (расходов по транспортировке готового продукта к потребителю — r_1), то мы должны будем констатировать, что народнохозяйственная эффективность предприятия при всех прочих равных условиях будет тем выше, чем ниже транспортные расходы по переброске готовых продуктов к месту потребления.

Однако математическое выражение этой зависимости несколько осложняется обстоятельствами, не имевшими прецедента в рассмотренных выше случаях. Если в предыдущем случае имелась возможность хотя и не без некоторой трудности установить среднюю общественно-необходимую величину s_0 , сравнение которой с аналогичной величиной s_1 по нашему индивидуальному предприятию давало критерий для суждения об относительной эффективности этого последнего, то установить среднюю необходимую величину затрат общественного труда на переброску готовой продукции от завода к потребителям (r_0) для такого же сравнения с индивидуальной величиной r_1 нам по всей видимости не удастся.

Для сравнения относительных размеров затрат на транспортировку готовых продуктов по двум конкретным объектам строительства за величину r_0 могут быть приняты аналогичные расходы некоторого третьего завода, производящего ту же продукцию в средних для страны условиях удаленности от рынков потребления изделий своего производства.

Базой для сравнения может служить и некоторая произвольно-заданная величина r_0 , соответствующая желательным размерам затрат. По внесению этого дополнения формула примет вид:

$$\eta = \frac{P \cdot s_0 \cdot r_0}{\left(\frac{C}{n} + W\right) \cdot s_1 \cdot r_1} \dots \dots \dots (2)$$

Однако последняя формула (2) требует существенной поправки: величинам $\frac{s_0}{s_1}$ и $\frac{r_0}{r_1}$ должны быть приданы веса.

Для подтверждения подобной необходимости допустим, что наша задача заключается в сравнении эффективности двух заводов А и Б, имеющих равные $\frac{P}{\frac{C}{n} + W} = q$ и разные величины s_1 и r_1 , а именно:

	s_1	r_1	s_0	r_0
Завод А	500	5	250	10
Завод Б	125	20		

При обусловленном равенстве всех прочих элементов для обоих заводов мы вправе утверждать с безусловной достоверностью, судя по абсолютным размерам s_1 и r_1 , что завод Б с народнохозяйственной точки зрения несравненно эффективнее завода А, невзирая на то, что у первого из них (А) рынок сбыта готовой продукции значительно ближе, чем у второго (Б).

Однако формула этого обстоятельства не отразит вследствие того, что выведенным в ней показателям не приданы надлежащие веса. Действительно:

$$\eta_A = \frac{P}{\frac{C}{n} + W} \cdot \frac{s_0}{s_1} \cdot \frac{r_0}{r_1} = q \cdot \frac{250}{500} \cdot \frac{10}{5} = q.$$

$$\eta_B = \frac{P}{\frac{C}{n} + W} \cdot \frac{s_0}{s_1} \cdot \frac{r_0}{r_1} = q \cdot \frac{250}{125} \cdot \frac{10}{20} = q.$$

Дадим им веса, соответствующие их абсолютным размерам:

$$\eta = \frac{P}{\frac{C}{n} + W} \cdot \left(\frac{s_1 \cdot 100}{s_1 + r_1} \right) \cdot \frac{s_0}{s_1} \cdot \left(\frac{r_1 \cdot 100}{s_1 + r_1} \right) \cdot \frac{r^0}{r_1}.$$

В измененном виде формула уже не покажет равной эффективности для заводов А и Б:

$$\eta_A = q \cdot \left(\frac{500 \cdot 100}{500 + 5} \right) \cdot \frac{250}{500} \cdot \left(\frac{5 \cdot 100}{500 + 5} \right) \cdot \frac{10}{5} = 98 q.$$

$$\eta_B = q \cdot \left(\frac{125 \cdot 100}{125 + 20} \right) \cdot \frac{250}{125} \cdot \left(\frac{20 \cdot 100}{125 + 20} \right) \cdot \frac{10}{20} = 1.198 q.$$

Таким образом подчеркнутая ранее весьма значительная разница в эффективности в пользу завода Б найдет себе верное отражение.

После необходимых алгебраических преобразований выведенная формула получит следующий окончательный вид:

$$\eta = \frac{100^2 \cdot P \cdot s_0 \cdot r_0}{\left(\frac{C}{n} + W \right) (s_1 + r_1)^2} \cdot \dots \cdot \dots \cdot \dots \quad (3)$$

В результате всех произведенных изменений формула (3) учитывает затраты труда и их эффективность на всех без исключения этапах общественного производства как внутри предприятия, так и вне его.

Произведенные расчеты дают возможность установить степень относительной эффективности предприятия, показывая, в какой мере один конкретный завод эффективней по сравнению со вторым конкретным заводом.

Наряду с тем плановика должно интересовать и другое важное сравнение, а именно—эффективности использования общественного труда на данном заводе со средней эффективностью его использования для данного вида промышленности в целом.

От того, какой результат даст последнее сопоставление, зависит ответ и на другой небыстрый вопрос—соответствует ли наш выбор объектов строительства основному ведущему требованию—догнать и перегнать технически развитые капиталистические страны.

Формула позволяет сделать такое сравнение, поскольку s_1 будет в данном случае совпадать с s_0 , а r_1 с r_0 , т. е. коэффициент эффективности в среднем для всей функционирующей промышленности определится из равенства:

$$\eta = \frac{100^2 P s_0 r_0}{\left(\frac{C}{\pi} + w\right) (s_0 + r_0)^2}$$

где величины P , C , π , w , s_0 взяты для промышленности в целом, а r_0 в одном из тех вариантов, о которых мы говорили выше.

Сопоставление полученного „среднего“ коэффициента с „индивидуальными“ коэффициентами по конкретным заводам создаст возможность для суждения об уровнях технической вооруженности труда в реконструируемой отрасли промышленности по сравнению с вооруженностью его в существующей уже промышленности.

Нам кажется нужным отметить, что некоторые не лишние интереса свойства выведенной формулы значительно ослабляются ее отрицательными сторонами; основным недостатком которой является необходимость определить продукцию P в натуральных единицах, что вызовет серьезное затруднение для производств с большим ассортиментом вырабатываемых изделий. Однако в условиях последовательного проведения принципа узкой специализации предприятий сфера применения формулы должна непрерывно расширяться.

Если бы тем не менее кто-либо поставил нам вопрос—можно ли ограничиться только этой формулой как единственным критерием для суждения о народнохозяйственной эффективности двух проектов строительства, то мы бы сочли нужным дать отрицательный ответ.

В реальной действительности существует ряд таких обстоятельств и условий, которые никак нельзя измерить цифрами и вложить в рамки математической формулы. Если быть может экономическая мысль со временем найдет возможность алгебраически выразить влияние на коэффициент эффективности такого важнейшего фактора, как качество продукции, то вряд ли в недалеком будущем мы найдем пути для цифрового учета и отражения на коэффициенте эффективности всей совокупности политических моментов, которые иногда делают более эффективными с нашей точки зрения предприятия, не заслуживающие такой оценки согласно точным правилам математики.

Поэтому выведенная формула следует судьбе всякой формулы: ее измерению доступно все то, что можно мерить числом.

Для оценки остального нам придется заменить бессильные законы математики более действительным критерием революционной целесообразности.

О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ КАМЕННОУГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

По сравнению с дореволюционным временем каменноугольная промышленность в СССР значительно возросла. Довоенный размер добычи (29 млн. тонн) был уже превзойден в 1926/27 г., когда было добыто 32,5 млн. тонн угля, или 112% от добычи 1913 г. Намеченная планом на 1929/30 г. добыча в размере 52,5 млн. тонн уже превысит довоенную на 80%.

Рост добычи в СССР имел своим последствием значительное повышение удельного веса СССР в мировой добыче угля. В 1913 г. доля б. России (в современных границах) в мировом угольном балансе равнялась 2,16%, в настоящее же время удельный вес СССР в мировом угольном балансе уже составляет 3,8%. В 1927 г. СССР занимал по добыче угля седьмое место, а в настоящее время ему принадлежит уже четвертое место.

Однако по сравнению с уровнем, на котором находится каменноугольная промышленность в крупнейших капиталистических странах, в СССР эта отрасль промышленности развита еще весьма недостаточно и в отношении технического вооружения во многом уступает капиталистической каменноугольной промышленности. САСШ добывают свыше 500 млн. тонн угля, в 10 раз больше, нежели СССР, удельный вес САСШ в мировом угольном балансе достигает 38%. Добыча угля в Германии в 6 раз, а в Англии в 5 раз превышает добычу СССР. Эти данные показывают, как еще велико расстояние между нами и крупнейшими капиталистическими странами по добыче каменного угля. Это расстояние начинает сокращаться уже теперь, а в ближайшие годы темп этого сокращения значительно усилится.

Бурный темп роста социалистической промышленности требует форсированного развития каменноугольной промышленности и увеличения добычи угля. По контрольным цифрам пятилетнего плана народного хозяйства (одобренным Съездом Советов) добыча каменного угля намечалась для 1932/33 г. в размере 75 млн. тонн. Эта цифра будет превзойдена уже в 1930/31 г.—контрольные цифры на этот год намечают добычу угля в размере 73 млн. тонн. Для 1932/33 г. уже намечаются цифры 150 млн. (Всесоюзная топливная конференция—март 1930 г.). Все это указывает на чрезвычайно большой рост добычи угля. За первые три года пятилетки 1928/29—1930/31 рост добычи угля составляет 75,6%, а в абсолютных цифрах—31 млн. тонн, за последние же два года пятилетки добыча уже должна возрасти на 100% и дать прирост в абсолютных цифрах более 70 млн. тонн. Такого роста не знает ни одна из капиталистических стран. В странах капитализма каменноугольная промышленность в течение длительного

периода остается почти стабильной, а в Англии она не достигла даже довоенного уровня.

В результате намечающегося роста добычи угля произойдет и повышение к концу пятилетки удельного веса СССР в мировом угольном балансе до 10%.

Само собой понятно, что и за пределами пятилетия угольная промышленность СССР также должна интенсивно развиваться. По ориентировочным подсчетам наших угольных трестов к концу второго пятилетия добыча угля должна возрасти примерно до 250 млн. тонн, т. е. примерно до размеров добычи угля в Англии в настоящее время.

К сожалению приходится отметить, что до настоящего момента в каменноугольной промышленности нет еще перспективного плана, и ценность вышеприведенных подсчетов заключается лишь в том, что они вскрывают тенденции развития угольной промышленности, дают оценку относительного значения отдельных угольных районов и бассейнов, а также и материал для уяснения масштабов шахтного и иного строительства в угольной промышленности.

При отсутствии пятилетнего плана единственным источником для уяснения перспектив роста добычи как на ближайшие три года, так и за пределами их, является материал упомянутой топливной конференции. Если подсчеты потребностей народного хозяйства в угле и носят ориентировочный характер, то все же при планировании строительства в каменноугольной промышленности они могут быть положены в основу.

То, что пятилетнее задание угольной промышленностью выполняется в три года, является большим достижением, но перед угольной промышленностью в настоящее время поставлен вопрос о том, чтобы это пятилетнее задание к 1932/33 г. удвоить. Поэтому необходимо в самый короткий срок разрешить вопрос о способах покрытия добычи в размере около 150 млн. тонн для 1932/33 г. Сложность этого вопроса заключается в том, что до наступления этого срока остается два года с небольшим и что до настоящего времени нет окончательного пятилетнего плана, а тем более генерального или хотя бы десятилетнего плана, который для правильного развития угольной промышленности крайне необходим.

Обратимся к динамике развития и роста добычи в отдельных районах в предшествующие годы. Следующая таблица показывает нам динамику добычи, начиная с 1913 г. по 1929/30 г. (в млн. тонн).

Р а й о н ы	1913	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Донбасс	25,2	8,1	12,1	12,4	17,8	22,5	27,0	31,1	40,0
Подмоск. бассейн.	0,3	0,77	0,66	0,55	0,94	0,97	1,17	1,31	2,0
Урал	1,2	1,15	1,0	1,25	1,57	1,86	1,70	1,86	2,67
Сибирь	1,3	1,36	1,35	1,23	2,34	3,34	2,5	3,68	5,18
Ср. Азия	0,07	0,03	0,02	0,03	0,04	0,05	0,22	0,29	0,39
Д. Восток	0,65	1,1	0,9	0,8	1,0	1,26	1,84	2,37	2,30
Пр. районь	0,28	0,17	0,2	0,24	1,67	1,55	1,70	0,49	0,6
Всего	29,0	12,68	16,31	16,5	25,78	32,53	35,2	41,1	52,5

Данные таблицы показывают, что рост добычи за истекшие годы шел по всем без исключения районам, но быстрее всего добыча возрастала в районах, где до революции каменноугольная промышленность находилась в зачаточном состоянии и добыча угля производилась в незначительных размерах. Особенно быстро развивалась каменноугольная промышленность Сибири, добыча которой с 4,5% в 1913 г. возросла

уже до 10% в 1929/30 г. к общей добыче по СССР. По подмосковному бассейну добыча угля с 300 тыс. тонн поднялась до 2 млн. тонн, а удельный вес этого бассейна возрос с 1,2% до 4%. В связи с развитием добычи в Сибири, на Урале и в Подмосковном бассейне заметно снижается удельный вес Донбасса: на долю Донбасса в 1913 г. падало 86%, а в 1928/29 г. уже 76%. Повышение удельного веса новых районов приводит к тому, что удельный вес Донбасса падает к концу пятилетки до 50%.

Для таких районов, как Сибирь, Урал и Подмосковный бассейн, добыча угля за 3 остающихся года пятилетия должна увеличиться в 5—6 раз. Однако несмотря на то, что рост добычи донецкого угля намечается более медленным темпом, нежели рост добычи других районов, перед Донбассом стоит задача в течение трех лет увеличить добычу почти в два раза, что в абсолютных цифрах означает дать еще 33 млн. тонн угля. Бесспорно то, что для новых районов увеличение добычи является в то же время и увеличением нового шахтного строительства, так как количество и мощность имеющихся шахт в этих районах весьма невелики. Несколька иначе конечно этот вопрос стоит для Донбасса, который уже располагает большим числом шахт со значительной производственной мощностью. Поэтому в отношении Донбасса вопрос об увеличении добычи угля следует рассматривать с двух точек зрения: во-первых, максимального использования действующих шахт и во-вторых разветвления нового шахтного строительства. К сожалению исключительно важному вопросу максимального использования действующих шахт до сих пор не уделялось нужного внимания, между тем как действующие шахты имеют еще значительные резервы. Как на пример недооценки старого Донбасса достаточно указать на то, что еще в 1928/29 г. считалось возможным по всему Союзу из действующих шахт добыть в 1932/33 г. всего 40 млн. тонн угля, а уже в текущем году только по одному Донбассу из действующих шахт мы имеем около 40 млн. тонн; по последним же расчетам Союзугля старый Донбасс в 1932/33 г. даст 54,5 млн. тонн.

Основным резервом на действующих шахтах является недостаточное использование подъемных возможностей шахт для выдачи угля. Средняя работа по углю в Донбассе исчисляется в размере 10—11 час. в сутки. Произведенные расчеты указывают на полную возможность загрузки шахтных подъемов углем в течение 15 час. в сутки. Это значит, если даже считать, что средняя работа подъемов не будет превышать 14 час. в сутки, что действующие шахты могут дать еще около 12 млн. тонн угля.

В Донбассе в совершенно незначительной мере используются для второстепенных подъемов и спусков вентиляционные шахты и шурфы (спуск и подъем людей, спуск леса и подъем породы), а между тем приспособление вентиляционных шахт и шурфов для второстепенных подъемов быстро даст положительный эффект, имеющий конечным результатом удлинение работы основных подъемов по выдаче угля. Наблюдается еще значительная потеря времени благодаря различным мелким неполадкам, вызывающим простои подъемов, устранение которых также будет содействовать увеличению суточной добычи.

Изучение состояния шахт по Донбассантрациту показывает, что при упорядочении управления кровлей, упорядочении поверхности и после некоторого переоборудования подъемов уже в 1930/31 г. добыча по этому тресту может быть увеличена на 44%.

Наконец следует отметить, что не получено еще надлежащего эффекта от введения непрерывной рабочей недели. Данные за первое полугодие 1929/30 г. показывают, что увеличение добычи за счет введения непрерывной рабочей недели составляет 9%, проектировка на последующие годы предусматривает 11%, тогда как по расчетным данным прирост за счет непрерывной рабочей недели должен составить от 17% по старым до 25% по новым шахтам.

Таким образом путем рационализации использования подъемных возможностей действующих шахт, ликвидации отставаний с подготовительными горными работами, частичного переоборудования действующих шахт, переоборудования поверхностных обслуживающих сооружений (сортировки) мощность действующих шахт может быть значительно увеличена.

Несмотря на важное значение этого факта, изучения действующих шахт в этом направлении еще нет. При правильном подходе к действующим шахтам и правильной оценке их добычной мощности возможно, что не пришлось бы развертывать строительства средних шахт, мало рентабельных, отнимающих проходческое оборудование, требующих рабсилы и дополнительного жилищного строительства. При разрешении вопроса о способах покрытия роста добычи в остающиеся годы пятилетия надо прежде всего точно подсчитать все резервы, которыми располагают действующие шахты. По некоторым подсчетам только одни действующие шахты при повышении эффективности использования оборудования и частичном дооборудовании (подъем) могут дать к концу пятилетия 65-68 млн. тонн (что вместе с новыми строящимися шахтами даст около 80 млн. тонн).

Точно так же надо подойти и к строящимся ныне шахтам, которые будут входить в эксплуатацию в течение ближайших трех лет. Добычные возможности новых шахт, несмотря на то, что они являются совершенными, механизированными шахтами, обычно определяются у нас, исходя из старых привычных представлений об эффективности оборудования. Между тем старые и уже строящиеся новые шахты бесспорно могут полностью обеспечить добычу в размерах, намечающихся ныне по Донбассу к концу пятилетия. Поэтому следовало бы пересмотреть вопрос о целесообразности массовой закладки средних шахт в Донбассе на недостаточно разведанных участках. Быть может при более внимательном отношении к вопросам эффективности использования действующего оборудования не будет нужды затрачивать крупные суммы, задалживать оборудование, от недостатка которого страдает каменноугольная промышленность, рабсилу, техперсонал и т. д. на строительство средних шахт. Конечно этим вопросом вовсе не снимается. Как бы мы ни напрягали производственные возможности действующих и строящихся шахт, для дальнейшего увеличения добычи, за пределами пятилетия этой мощности нехватит. Необходимо поэтому с 1930/31 г. приступить к систематической закладке новых шахт, которые, с одной стороны, должны будут замещать дорабатываемые старые шахты, с другой—увеличат абсолютные размеры добычных возможностей Донбасса.

По наметкам Союзугля общий масштаб работ по шахтному строительству по всему Союзу на 1930/31 г. определяется необходимостью продолжать работы по строительству ранее заложённых шахт на общую годовую производительность в 60 млн. тонн и приступить к заложению

новой серии шахт на годовую производительность в 35 млн. тонн. Приведенные цифры несомненно в процессе прохождения планов капитальных работ еще подвергнутся изменениям, тем не менее они весьма наглядно демонстрируют масштаб капитального строительства в угольной промышленности и значение нового шахтного строительства. Развернуть работу по строительству, обеспечивающую расширение годовой производительности шахт почти на 100 млн. тонн, равносильно тому, что в течение 3-4 лет будет построено такое количество шахт, которое по своей производительности почти в два раза превысит производительность всех ныне действующих шахт. Поэтому совершенно справедливо напрашивается вопрос: подготовлена ли каменноугольная промышленность к таким темпам и размерам строительства? И прежде всего, обеспечено ли развертывание каменноугольной промышленности запасами угля и каково состояние их разведанности?

И

Геологические запасы угля (в недрах) в СССР по данным 1913 г. оценивались в 234 млрд. тонн. Подсчеты, произведенные в 1918 г., привели к цифре в 475 млрд. тонн. Эта цифра была подтверждена и Геолкомом в 1927 г. Произведенный подсчет Угольным геолого-разведочным институтом на 1 марта 1930 г. дает уже 568 млрд. тонн.

По отдельным районам запасы угля распределяются следующим образом: Европейская часть СССР—81 млрд. тонн, или 14,6% от общего запаса, в том числе: на Донбасс падает 68 млрд. тонн, на Подмосковский район—5,9 млрд. тонн, на Казакстан—4,95 млрд. тонн и на Урал—2,17 млрд. тонн. Запасы Средней Азии исчисляются в 0,384 млрд. тонн, Закавказья—0,111 млрд. тонн. Во всей Азиатской части СССР запасы исчисляются в 475 млрд. тонн, или 85,4%, причем на Кузнецкий район приходится 400 млрд. тонн, на Иркутский—58, Минусинский—14, Сахалин—2, Дальний Восток (кроме Сахалина)—1 млрд. тонн. Географическое распределение запасов угля по отношению к современным промышленным предприятиям нельзя признать благоприятным. Большая часть запасов падает на 3 района—Донецкий, Кузнецкий и Иркутский. Районы эти расположены на большом расстоянии друг от друга, и последние два удалены от промышленных центров. Наиболее промышленные районы (Московский и Уральский) по сравнению с Донбассом и Кузбассом бедны углем, к тому же качество углей Подмосковского района и Урала не может идти ни в какое сравнение с Донецкими и Кузнецкими, и в настоящих условиях они не могут обеспечить нужды металлургии. Суммарные же геологические запасы вполне достаточны, чтобы обеспечить надлежащий темп развития каменноугольной промышленности, а вместе с тем и всего народного хозяйства. К тому же есть много оснований полагать, что дальнейшая разведка поведет к увеличению известных запасов и не только за счет открытия новых угольных районов, но также и за счет расширения площадей и увеличения запасов в старых эксплуатируемых районах.

О том, как могут меняться наши представления о запасах, показывает сравнение данных подсчетов в различные периоды. Так, например запасы Кузнецкого бассейна в 1913 г. оценивались в 13 млрд. тонн, в 1918 г.—в 250 млрд., в 1927 г.—в 330 млрд., а в настоящее время они определяются уже в 400 млрд. тонн. Это сопоставление совершенно ясно показывает крайне недостаточную изученность уголь-

ных месторождений СССР. Только благодаря разведкам последних лет наши знания в отношении запасов угля сколько-нибудь значительно расширились. Установлено наличие громадных запасов в Подмосковном районе, увеличались известные запасы Урала и т. д. Однако и в настоящее время степень детальной изученности угольных месторождений еще весьма недостаточна. Несомненно, что дальнейшими разведками будут обнаружены новые угольные районы. Характеризуя ближайшие перспективы увеличения запасов, Угольно-разведочный институт отмечает, что надо иметь в виду „наличие крупных запасов угля, но в настоящее время недостает данных для цифрового выражения в Тунгусском бассейне и вообще в северо-восточной части Сибири, в Печорском бассейне или бассейнах. В Печорском крае начинающиеся с этого года крупные разведки вероятно быстро приведут к ориентировке в вопросе о запасах. Изменения запасов в сторону увеличения в результате ведущихся разведок можно ожидать в ближайшие годы для Кизеловского района и бурогольных месторождений восточного склона Урала. Ожидаются существенные результаты по намечившимся месторождениям в Башкирии и в районе Губерлинских гор. Увеличение запасов в результате предпринимаемых перспективных разведок можно ожидать для Кузбасса и Донбасса, в последнем на новых, до сих пор не учитывавшихся площадях по окраинам, включая даже может быть юг Воронежской губернии. В ближайшие годы возможны также заметные изменения в сторону увеличения запасов для северного и восточного Казакстана»¹. Огромнейший рост потребности в угле, необходимость наличия сырьевых угольных баз в наиболее благоприятно расположенных районах требуют усиленного внимания к дальнейшим поискам и разведкам.

Несмотря на заметные успехи поисковой разведки за последние годы, мы еще весьма недостаточно производим детальные разведки в основных районах. Так, в Подмосковном районе детально разведанная суммарная площадь дает по всему бассейну лишь около 45 млн. тонн. Совершенно очевидно, что для Подмосковного бассейна, который должен превратиться в энергетическую базу Центрального промышленного района и дать в 1932/33 г.—10 млн. тонн угля вместо 2 млн. в 1929/30 г., имеет огромное значение форсирование поисковых разведок и скорейший охват этими разведками всего бассейна. Крайне слабо (даже геологически) изучена угленосная полоса западного склона Урала (Кизеловский район). Такое важное месторождение, как карагандинское в Казакстане, которое могло бы явиться сырьевой базой для Турксиба, почти еще не изучено. Детально слабо разведан Кузнецкий бассейн. Причиной слабой изученности важнейших угольных бассейнов является недостаточное развитие геолого-разведочных работ в отношении детальных разведок. На разведки по углю до последнего времени отпускались крайне незначительные средства. В области поисковой разведки имеются заметные результаты, но с промышленной разведкой, или точнее с переводом геологических запасов в категорию промышленных, обстоит совершенно неблагоприятно.

С подготовкой промышленных запасов, годных для эксплуатации, мы также весьма запоздали, и в настоящее время, даже в основном районе, в Донбассе, угольная промышленность не располагает достаточным количеством проверенных разведкой участков для за-

¹ „Обзор запасов ископаемых углей“, Планхозиздат, 1930.

кладки новых шахт. В Подмосковном районе запасы категории „А“ (по терминологии Геолкома действительные запасы) составляют 45 млн. тонн, по Кизеловскому району—к категории „А“ относится только 27 млн. тонн, по Кузнецкому—147 млн. тонн, по Иркутскому—29 млн. тонн, по Дальнему Востоку—28 млн. тонн, по Челябинскому району—11 млн. тонн.

По Донбассу на 1 апреля 1930 г. проверенные запасы для участков новых шахт оставляют 167 млн. тонн. Незначительность проверенных запасов показывает, насколько мы запоздали с детальной разведкой. Ныне, когда уже нужно приступать к заложению значительного количества новых шахт, мы или должны дожидаться результатов разведки, или закладывать шахты на недостаточно разведанных участках. При среднем сроке работы шахты в 25 лет, на 1 марта 1930 г. запасы угля, обеспечивающие заложение новых шахт, исчисляются на годовую производительность по Подмосковному району менее чем на 2 млн. тонн, Кизелу—на 1 млн. тонн, Кузнецкому—на 6 млн. тонн, Иркутскому—на 1 млн. тонн, Дальнему Востоку—1 млн. тонн, Челябинскому—0,5 млн. тонн. Для Донбасса обеспеченность детально разведанными запасами достигает не более чем 7 млн. тонн годовой производительности новых шахт.

Необходимо к этому добавить, что приведенные данные не вполне отражают действительное положение, так как понятие „действительные“ запасы и запасы, годные к выемке, не идентичны и не все, что включается в запасы под литерой „А“, может оказаться пригодным для промышленной обработки. Общий фонд подготовленных промышленных запасов обеспечивает на сегодняшний день возможность заложения новых шахт на годовую производительность в 18—20 млн. тонн, а уже в 1930/31 г., как было указано выше, Союзуголь проектирует заложение новых шахт с годовой производительностью в 35 млн. тонн. Таким образом мы располагаем изученными запасами только для половины намечаемых к закладке шахт. Однако в действительности положение с разведками еще серьезнее. Например в Донбассе из 27 участков, намеченных для закладки новых шахт, только по трем даны окончательные геологические отзывы, т. е. установлена возможность их эксплуатации. По значительному числу участков еще не произведено геологической и топографической съемки. По тем участкам, где съемки произведены, материалы еще не обработаны. Кроме того даже не закончена разведка участков для шахт, подлежащих заложению в 1929/30 г. Более того, не закончена полностью разведка по участкам 5 новых шахт, уже заканчивающихся строительством. Из намеченных 48 участков для закладки средних шахт (Донбасс) надежными можно считать только 17, относительно надежными—24 и мало-надежными—7 участков.

Примеры Донбасса показывают, что даже в этом основном районе положение с подготовкой участков для заложения шахт неудовлетворительное. Между тем обеспечение детально разведанными запасами угля и подготовленными участками для шахтного строительства является важнейшей и ударнейшей задачей. К сожалению приходится отметить, что разведочное дело находится в весьма неудовлетворительном состоянии и до самого последнего времени ему не уделялось внимания.

Еще в 1926/27 г. затраты на разведку не превышали 3—3,5 млн. руб. В 1928/29 г. эти затраты достигли 15 млн. руб., а в текущем году

они возросли до 30 млн. руб., но организация и качество работ все еще далеко не удовлетворительны, и программы буровых работ не выполняются.

В первом полугодии текущего года в Донбассе выполнено всего 22,4% годового плана разведок. Столь ничтожная степень выполнения годового плана, несмотря на значительный рост бурения против предыдущего года (на 90,7%), в условиях крайнего запоздания с подготовкой участков для новых шахт, создает угрозу своевременного обеспечения строительства разведанными запасами. Существенной причиной слабого развития разведочных работ является недостаток оборудования (станки). Не менее существенной причиной является и неудовлетворительное качество буровых работ. По Донбассу в 1928/29 г. на один станок-месяц падало в среднем 76,36 метра, а в первом полугодии текущего года—60,5 метра (план—83 метра). Не только фактическую скорость бурения, но и заданную (83 метра) нельзя признать достаточной. Даже при том уровне техники, какая сейчас применяется в Донбассе, вполне достижима скорость бурения—100 метров, а для образцовых партий можно было бы сделать попытку поставить задачу довести скорость и до 200 метров. Не нужно объяснять, какое громадное значение имеет повышение скорости бурения. Повышение скорости бурения означает повышение эффективности использования бурового оборудования, относительное уменьшение количества квалифицированных рабочих и технадзора. При низкой же скорости задалживается непроизводительно излишнее количество оборудования, резко увеличивается стоимость бурения, и наконец и самые результаты разведки выясняются со значительным запозданием. О том, как отражается скорость бурения на стоимости, видно из того, что в первом полугодии текущего года стоимость бурения 1 погонного метра достигла 42,5 руб. против 32,5 руб. в 1928/29 г. Основной причиной низких качественных показателей бурения является неудовлетворительная организация геолого-разведочной службы, недостаток квалифицированной рабочей силы и подготовленного техперсонала. Нет центрального технического руководства, вопросам скорости и стоимости бурения необходимого внимания не уделяется. В результате буровые работы сопровождаются длительными простоями, авариями и т. п. Только в самое последнее время в целях упорядочения разведочного дела Союзуголь создал специальный трест «Углеразведка». Геолого-разведочные работы, связанные с детальной разведкой и проверкой участков, намеченных для заложения новых шахт, бесспорно являются одним из весьма узких мест. Поэтому форсирование разведочных работ является неременным условием и предпосылкой для быстрого развертывания шахтного строительства.

III

Предстоящее крупное шахтное строительство потребует внесения целого ряда изменений и в область проектирования. Следует самым серьезным образом поставить вопрос о типизации шахт и стандартизации проектов. Это следует понимать таким образом, что должно быть установлено определенное количество типов шахт по мощности, например 600 тыс. тонн, 800, 1 000 и т. д. Для каждого типа шахты составляется так называемый универсальный проект. При использовании таких проектов в каждом отдельном случае потребуются уже значительно меньшие проектные работы. В отношении облегчения

работы по изготовлению рабочих чертежей и изготовлению оборудования необходимо также поставить вопрос о стандартизации оборудования. Должны быть установлены пределы допусков мощности лебедок и другого оборудования. В настоящее время на разработку проекта и его рассмотрение уходит год и около 8 месяцев на разработку рабочих чертежей. Если к этому прибавить, что для изготовления оборудования потребуется около полугода лет и на его установку 8 месяцев, то на все эти работы вместе взятые потребуется более 3¹/₂ лет. Срок этот не увязывается со сроком строительства шахт в горной части, а строительству шахт в горной части принадлежит ведущая роль. При современной технике прохождения шахт глубиной до 400 метров, на горные работы потребуется 2¹/₂ года (максимум 3 года при неблагоприятных условиях). Сопоставление этих сроков показывает, что для нормального срока шахтного строительства необходимо к началу строительства иметь не только утвержденный проект, но и законченные рабочие чертежи, чего к сожалению угольная промышленность к началу строительства шахт закладки 1930/31 г. иметь не будет. Отсюда и непроизводительное удлинение сроков строительства.

Чтобы избежать этого удлинения, необходимо всемерное упрощение проектирования. Стандартизация же оборудования крайне необходима для того, чтобы заводы имели возможность в промежутки затишья работы отдельных цехов загружать их оборудованием, требования на которое со стороны угольной промышленности будут поступать в ближайшее время. К тому же нестандартное оборудование при изготовлении его заводами требует каждый раз новых вспомогательных затрат (модели, шаблоны и т. д.).

IV

Новые шахты в значительной степени отличаются от действующих ныне шахт как по мощности, так и по механизации добычи, надземной и поверхностной погрузки и откатки.

Строящаяся первая серия шахт в Донбассе значительно превосходит по своей мощности старые шахты. Средняя годовая производительность новых шахт составляет примерно 600 тыс. тонн, а средняя стоимость без жилстроительства около 12 млн. р., производительность же старых шахт в среднем достигает лишь 200 тыс. тонн. Таким образом новые крупные шахты по своей производительности в три раза превосходят шахты старого Донбасса. В настоящее время поставлен вопрос о переходе к строительству шахт-гигантов. Запроектирована для Донбасса шахта „СТО“ (Красногвардейский рудник) с годовой производительностью в 1 860 тыс. тонн (стоимостью до 30 млн. руб.), „Коксовая 1-я“ для Кузбасса с годовой производительностью в 2 млн. тонн, и готовится проектирование для Кузбасса шахты „Колосс“ с годовой производительностью в 7—8 млн. тонн. Переход к строительству шахт-гигантов помимо того, что он создаст предпосылки к резкому снижению себестоимости, создаст также предпосылки к действительному коренному изменению культурно-бытовых условий жизни для рабочих, горняков, в частности реальную возможность строительства социалистических городов в угольных районах. Конечно такие грандиозные строительства должны подвергнуться широкому общественному обсуждению. К их экс-

пертизе должны быть привлечены также лучшие специалисты и солидные иностранные фирмы.

Если при проектировании шахт-гигантов для Донбасса могут встретиться серьезные трудности вследствие относительной маломощности его пластов, то для Кузбасса переход к сверхмощным шахтам диктуется характером его мощных угольных месторождений.

Наряду со строительством новых крупных шахт в настоящее время значительные капитальные работы ведутся и по реконструкции действующих шахт.

Так, в Донбассе из 218 старых шахт—45 предназначены для реконструкции, и на большинстве из отобранных шахт реконструкция уже осуществляется. Эти 45 шахт, отобранные из числа наиболее крупных шахт, после реконструкции будут доведены до годовой производительности (в среднем) в 450 тыс. тонн, будут механизированы и дадут почти такую же добычу, которую дают остальные 174 шахты, остающиеся нереконструируемыми.

Наконец исходя из того, что совокупная мощность действующих и строящихся шахт (тех из них, которые будут закончены и войдут в эксплуатацию в течение ближайших 3 лет) недостаточно для обеспечения добычи в размерах, намечаемых для последнего года текущего пятилетия, и что шахты, закладываемые в текущем и следующем годах, могут дать добычу только в последующем пятилетии,— намечается закладка в 1929/30 и 1930/31 гг. серии средних шахт со средней производительностью в 180—200 тыс. тонн и средней стоимостью в 2—2,5 млн. руб. Шахты мощностью в 200 тыс. тонн только теперь рассматриваются как средние. Всего несколько лет назад такие шахты рассматривались как крупные.

Как было указано, решение о постройке серии средних шахт недостаточно обосновано, так как опирается на недооценку добычных возможностей действующих шахт.

Намечаемая на 1930/31 г. программа шахтного строительства по всем угольным районам предусматривает сооружение 89 новых крупных шахт, из которых 57 продолжают строительством и 32 предполагается заложить вновь. Далее намечается реконструкция 62 шахт (47—продолжаемые работы, 15—начинаемые); 11 шахт предполагается включить как восстанавливаемые (7—продолжаемые работы, 4—начинаемые); наконец в план 1930/31 г. включается сооружение 113 средних шахт (88—продолжаемое строительство, 25—начинаемое вновь).

Для характеристики объема строительства текущего года и распределения по отдельным угольным районам приведем следующие данные:

Количество шахт, на которых работы ведутся в 1929/30 г.

	Новые круп. шахты	Восстана- вливаемые	Капит. рас- ширяемые и реконст- руируемые	Средние шахты	Всего
1. Донбасс	24	7	35	65	131
2. Уралуголь	5	—	6	11	22
3. Москвоуголь	8	—	2	7	17
4. Дальуголь	2	—	—	—	2
5. Средауголь	2	—	—	—	2
6. Закавказье	1	—	—	—	1
7. Сибуголь	15	—	4	5	24
Всего	57	7	47	88	199

Полная стоимость сооружаемых шахт (без жилстроительства) достигает 740 млн. руб., из которых около 450 млн. руб. падает на 57 крупных шахт; 155 млн. руб.—на средние шахты. Сумма затрат по строительству новых шахт, намеченная на 1929/30 г., достигает 120 млн. руб.; на 1930/31 г. намечается затратить уже свыше 310 млн. руб., из коих около 215 млн. руб. падает на продолжение начатого строительства и 95 млн. руб. на вновь начинаемое. При таком объеме капитальных затрат могут быть введены в эксплуатацию в ближайшие 3 года из объектов шахтного строительства текущего года все средние шахты, все шахты, находящиеся в капитальной реконструкции, а также 40 новых крупных шахт. Эти цифры дают достаточную характеристику объема капитального строительства в угольной промышленности и указывают на огромное значение этой области капитального строительства для каменноугольной промышленности. Справиться с таким объемом строительства и вести его в надлежащих темпах можно лишь при наличии хорошо организованного строительного аппарата. К сожалению с этим мы весьма сильно запоздали, вследствие чего и к настоящему времени шахтное строительство находится в неудовлетворительном состоянии.

V

О том, как ведется в настоящее время строительство новых шахт в самом крупном угольном бассейне—Донбассе, — достаточно яркую характеристику дают материалы обследовательской группы НКРКИ СССР. В этих материалах отмечено, что шахтное строительство до начала текущего хозяйственного года находилось в весьма неблагоприятных условиях, строительная техника находилась на самом низком уровне развития.

На строительстве применяется маломощное, технически устарелое оборудование, технически несовершенные методы работ. В процессе строительства имели место многочисленные переделки, длительные перерывы в работах, производство излишних работ, имели место даже случаи и полного прекращения работ, после того как бесполезно были затрачены значительные средства (шахта „Малая смолянка“,—нерационально затрачено 700 тыс. руб.). Переделки, перерывы и перебои вызывались просчетами в исчислении запасов, неправильным выбором места для заложения шахт, ведением строительства без проектов и чертежей и т. д. Прямым результатом ведения строительства без проектов и низкого уровня строительной техники, его распыленности между рудоуправлениями и неорганизованности был исключительно медленный темп прохождения шахт. Средняя скорость прохождения шахт за весь предыдущий период строительства колеблется от ничтожной величины в 2,5 метра (шахта „Новая Италия“) до 11 метров. В то же время на проходке шахты „№ 17“ в Рутченкове, где работы велись немецкой фирмой, скорость достигала 23 метров (по договору должна достигнуть 33 метров). Иностраный опыт не изучался; рудоуправления даже не позаботились командировать своих проходчиков для ознакомления с методами работы на проходке шахты „№ 17“ в Рутченкове. Между тем этот опыт было легко перенести. Например он был быстро и с успехом использован на проходке вентиляционного ствола шахты „№ 17“, проходившегося рутченковским рудоуправлением и на шахте „№ 6“ буденовского рудоуправления.

Чрезвычайная медленность темпов привела к тому, что ввод новых шахт в эксплуатацию, начатых сооружением в 1924—26 гг., запоздал на 2—2½ года, а по отдельным шахтам на 3—4 года. Это же приводило и к значительному удорожанию строительства.

Строительная техника попрежнему остается на низком уровне. Строящиеся шахты не обеспечены проходческим оборудованием, вследствие чего на отдельных проходках бурение производится ручным способом, а извлечение пород—при помощи конной тяги.

За последнее время ведение шахтного строительства сконцентрировано в соответствии с постановлением СТО от 9 VIII 1929 г. в руках специальной организации «Шахтстрой», которая ведает проходкой и оборудованием новых шахт и реконструкцией старых. Однако несмотря на существование этой организации, с конца прошлого года заметных улучшений в строительстве шахт нет. Строительная техника попрежнему остается на низком уровне.

Выполнение плана шахтного строительства в первом полугодии текущего года даже по Донбассу показывает исключительное неблагоприятное с шахтным строительством. В денежном выражении план шахтного нового строительства выполнен за полугодие всего в размере 31,8% к годовому плану.

Выполнение плана в объемном выражении еще ниже, так как плановая стоимость в первом полугодии превышена на 27,9%, причем по отдельным шахтам, как по „№ 17/17 бис“, это превышение составило 101,4%; „½ Чайкино“—62,4%; „16/17“—53,3%; „Карл“—48,2%, „№ 6“—35,4%.

Превышение сметной стоимости имеет место систематически из года в год, и в настоящее время перерасход против проектных исчислений стоимости шахт достигает значительного процента. Так, отчетные данные на I/IV 1930 г. показывают, что по горловской шахте „№ 19/20“ израсходовано 112,3% от проектной стоимости шахты, а сооружение шахты не закончено. По шахте „Американка“ израсходовано 99,7% сметы, но еще до сего времени значительная часть работ по установке сортировочных устройств не выполнена.

По существу выполнена только первая часть шахтного строительства—горные работы. Вторая, более дорогая, более сложная и ответственная—оборудование новых шахт—эта часть работы задерживается. Совершенно очевидно, что с такими черепашьими темпами намеченных обширных планов шахтного строительства выполнить нельзя. Надо скорее укрепить руководящий аппарат строительства—Шахтстрой. Надо быстрее применить в шахтном строительстве новейшие методы работы, распространенные за границей.

Но вместе с тем надо также помочь шахтному строительству оборудованием. Оборудование сейчас наиболее узкое место. Проходческим оборудованием шахтное строительство не обеспечено. Проходка шахт, намеченных к закладке в текущем году (в Донбассе), обеспечена проходческим оборудованием на 60%, а проходка средних шахт только на 20%. Вопрос об обеспечении проходческим оборудованием шахт, подлежащих заложению в 1930/31 г., пока совершенно не ясен. Весьма неудовлетворительно обстоит дело и со снабжением материалами. В тяжелом положении находится также обеспечение нового шахтного строительства эксплуатационным оборудованием. Потребность угольной промышленности в оборудовании удовлетворяется в текущем году по Донбассу не более чем на 50%. В результате оттягиваются и без-

того затянувшиеся сроки окончания строительства шахт и ввода их в эксплуатацию. Помимо общего недостатка в оборудовании на удлинении сроков строительства влияет также и длительность сроков, которые даются заводами для изготовления оборудования.

Недостаточное внимание к шахтному строительству, небезопасность строительства проходческим оборудованием, напряженное положение с квалифицированными рабочими и слабость технического руководства—вот что обуславливает медленный темп строительства.

Горные работы по строящимся шахтам уже опережают другие работы. В результате шахты, полностью законченные проходкой, строящиеся уже 4—5 лет, не могут еще в течение длительного периода времени быть введены в эксплуатацию вследствие разрыва между сроками окончания горных работ и производством других работ (поверхностные сооружения, монтаж оборудования).

Первоочередной задачей, которую необходимо разрешить совместно с предприятиями, производящими оборудование, является максимальное сокращение сроков окончания сооружения шахт, строящихся с 1923, 1924, 1925, 1926 и 1927 гг.

По большинству из них сроки окончания строительства намечены на 1931/32 и 1932/33 гг. Вполне возможна передвигка намеченных сроков в сторону сокращения. Изучение состояния, в котором находятся шахты, показывает, что при жестком сокращении сроков изготовления оборудования и его монтажа и ускорения работ по изготовлению рабочих чертежей срок пуска новых шахт можно сократить на 6—12 месяцев.

VI

Большой интерес представляет вопрос о степени нашей подготовленности к эксплуатации новых механизированных шахт.

Однако и в этой части у нас далеко не все обстоит благополучно. Пущенные в эксплуатацию в начале текущего года две крупных новых и полностью механизированных шахты „Американка“ и „Новая Щербиновская“ работают крайне неудовлетворительно. Первая вместо суточной добычи в размере 1 тыс. тонн дает всего 500 тонн, а вторая вместо 1 тыс. тонн дает пока всего 100 тонн. На шахте „Американка“ до настоящего времени не урегулирован вопрос с управлением кровлей, благодаря чему почти половина лав постоянно находится на завалах. Конвейеры по доставке угля из лав работают крайне плохо, часто портятся, а надлежащего ухода за ними нет.

На „Щербиновской“ шахте имеется целый ряд неполадок в оборудовании и установке механизмов. Бункеры для отгрузки угля устроены неправильно, неправильно расположены пути, благодаря чему уголь падает на крышу вагона, а не в люк вагона.

Очевидно по-настоящему мы научимся работать только тогда, когда получим необходимый опыт на практике. В ближайшее время должны вступить в эксплуатацию свыше 30 новых шахт. Угольная промышленность должна к этому подготовиться, дабы не платить дорогой ценой за „детские болезни“ первого периода работы шахт, как это имеет место на двух указанных шахтах.

Новые шахты предусматривают полную механизацию добычи, подземной и поверхностной откатки, что несомненно является крупным достижением нашей угольной промышленности. Следует также

указать, что в отношении механизации добычи уже имеются значительные достижения.

Механизированная добыча в 1928/29 г. по сравнению с 1927/28 г. увеличилась на 56,5%. В текущем году механизированная добыча сделала новый, еще более значительный скачок. В текущем году она возросла на 88%. Удельный вес механизированной добычи возрос до 30,4% в 1928/29 г. и до 36,8% в I полугодии 1929/30 г., повышается и производительность врубовых машин. В текущем году производительность тяжелых врубовых машин повысилась на 28,5%, легких—на 44%. Однако при всех успехах в деле использования механизмов, эффективность этого использования еще весьма недостаточна: 16—17% тяжелых врубовых машин остаются неиспользованными. В отношении использования легких машин в текущем году дело даже несколько ухудшилось. В 1928/29 г. было использовано 56% легких машин, в текущем—только 52%. Производительность врубовой машины также недостаточна. Тяжелая врубовая машина делает 18 циклов, в то время как можно добиться 24—25 циклов. Производительность тяжелой врубовой машины, составляющая 1 482 кв. м, не достигает вполне возможной (1 900 кв. м).

Недостаточно эффективно используются и конвейеры. На ряде шахт конвейеры большую часть времени находятся в ремонте. Плохое использование механизмов есть результат недостаточно удовлетворительной организации труда, отсутствия подготовленных квалифицированных рабочих и персонала, неорганизованности ремонта и снабжения запасными частями и т. д.

К сожалению и трудовая дисциплина остается на низком уровне; весьма высока текучесть и прогулы, выхождаемость растет чрезвычайно медленно.

Вопросы рациональной организации труда и рационального использования механизмов требуют серьезного внимания. При неудовлетворительной организации труда и неумении использовать механизмы нам не удастся поднять производительность труда и снизить себестоимость даже и на новых шахтах. Чем лучше мы научимся поднимать производительность труда и снижать себестоимость на старых шахтах, тем более подготовленными придем мы в новые механизированные шахты.

Однако первое полугодие текущего года показывает, что и в этой области каменноугольная промышленность еще не справляется с поставленными перед ней задачами. По всем основным количественным и качественным плановым показателям задания не выполнены. Так, по Донбассу добыча выполнена только на 90,5%, механизированная добыча—на 96,3%, производительность труда—на 96,8%. Себестоимость превышает плановую на 2,2%. Было уже указано, что действующие шахты располагают огромными резервами. При достаточно эффективном использовании оборудования (подъем, врубовые машины) и лучшей организации труда заданная программа по добыче и производству не только может быть выполнена, но может быть выполнена с превышением. Вполне можно также добиться и заданной себестоимости.

VII

Развитие каменноугольной промышленности такими темпами, при которых уже в 1930/31 г. добыча угля достигает размеров, запроек-

тированных для последнего года пятилетки, помимо преодоления узких мест требует также скорейшего преодоления трудностей, возникающих вследствие отставания энергетического хозяйства и жилищного строительства.

Медленный темп строительства электростанций в Донбассе уже в настоящее время приводит к дефициту в электроэнергии и тормозит развитие механизации добычи угля. 27 апреля 1930 г. СНК СССР обязал ВСНХ СССР и НКТорг принять решительные меры к форсированию строительства электростанций в Донбассе и скорейшему изжитию дефицита в электроэнергии.

Неблагополучно обстоит с обеспечением рабочих жилплощадью. Рост количества рабочих за истекшие 1½ года обгонял рост жилплощади. Поэтому норма обеспечения рабочих жилплощадью снизилась с 4,92 кв. м в 1927/28 г. до 4,71 кв. м. в текущем году. Процент обеспечения жилплощадью рабочих, занятых в угольной промышленности Донбасса, снизился с 78 до 73%. Постановлением СТО от 11/1 1930 г. намечены широкие мероприятия по улучшению жилищного положения рабочих Донбасса. Согласно этому постановлению норма обеспечения к концу пятилетия должна достигнуть 7 кв. м. Однако выполнение плана жилищного строительства в первом полугодии текущего года внушает сомнение в том, что директивы СТО будут своевременно выполнены. По отдельным районам до конца апреля не были отведены участки для постройки домов, запаздывают проектные материалы, недостаточно снабжение важнейшими строительными материалами (пиленый лес, гвозди и др.), стройорганизации не вполне подготовлены и т. п. Намеченные на 1930/31 г. затраты (150 млн. руб.) также не обеспечивают выполнения этого постановления.

Запаздывает разрешение вопросов водоснабжения, несмотря на исключительно важное их значение для Донбасса. Только в марте текущего года приступлено к организации специального треста—Донбассводтрест—и даны со стороны ВСНХ СССР директивы хозорганам о снабжении строительства донецкого водопровода в ударном порядке.

Директивы даны, организационные предпосылки созданы. Однако этого еще далеко недостаточно для того, чтобы шахтное строительство, строительство электростанций, жилищ и водопроводных линий пошло таким темпом, которого требуют жизненные интересы каменноугольной промышленности. Необходимо, чтобы не только угольные тресты, но и местные партийные и профессиональные организации взяли под свой контроль выполнение намеченных планов и чтобы они своевременно сигнализировали о всех задержках и прорывах по этой линии. Необходимо также, чтобы центральные планирующие и регулирующие органы отчетливо представляли себе действительное значение, которое имеет электростроительство, жилищное строительство и водоснабжение для угольных бассейнов и в особенности для Донбасса.

VIII

Угольная промышленность СССР несомненно имеет большие успехи как в отношении роста добычи каменного угля, так и механизации процессов добычи. Но в то же время новое шахтное строительство, несмотря на свою шестилетнюю историю, остается весьма слабым участком.

Правда, по сравнению с другими строительствами шахтное строительство сложнее и труднее, так как работы в большей своей части производятся под землей. Но это ни в коей мере не оправдывает настоящего положения.

Все возрастающая потребность народного хозяйства в угле требует, чтобы угольной промышленности было уделено надлежащее внимание, так как теперь уже стало очевидно, что угольная промышленность является узким местом в развитии других основных отраслей промышленности (металлургия, химия, транспорт, машиностроение). Несмотря на то, что угольной промышленности наряду с другими основными отраслями промышленности принадлежит ведущая роль, до настоящего времени не разработано перспективного пятилетнего плана ее развития. Но и пятилетний план не может обеспечить правильного развития этой отрасли промышленности. Совершенно очевидно, что для угольной промышленности нужен план на более длительный срок—генеральный или по крайней мере на десятилетие. К разработке такого плана необходимо приступить в ближайшее время. Своеобразие шахтного строительства и длительный срок этого строительства обязывают к тому, чтобы угольная промышленность постоянно располагала резервом производственной мощности шахт не менее как на 10—15%. Повышенное пятилетнее задание (150 млн. *т*) угольная промышленность, как было указано, выполнит, но выполнение этого задания будет проходить в условиях почти полного использования производственной мощности шахт. Такое положение конечно нельзя признать нормальным, так как в случаях форс-мажора (крупные аварии) неизбежны прорывы в выполнении планов добычи, а это чрезвычайно болезненно будет отражаться на всем народном хозяйстве. Особенно остро будет обстоит вопрос об обеспечении производственной мощности за пределами пятилетия, когда начнут выбывать из работы старые шахты. Только по одному Донбассу, в течение пятнадцати лет должны будут выйти из работы шахты производственной мощностью около 30 млн. *т*. Это обязывает к уделению самого серьезного внимания вопросам планирования в каменноугольной промышленности.

Чрезвычайно обострившимся для каменноугольной промышленности вопросом является вопрос о рабочих кадрах. Угольная промышленность до последнего времени на 50% пользовалась сезонной рабочей силой. В текущем году текучесть настолько возросла, что есть шахты, где ежемесячно около 85% рабочих обновляется. Понятно, что при таких условиях говорить о высокой производительности труда и высокой трудовой дисциплине крайне трудно. По некоторым подсчетам, быть может весьма ориентировочным, получается, что из-за отсутствия постоянных кадров угольная промышленность теряет от 10 до 15% добычи. Основной причиной отсутствия кадров и большой текучести является необеспеченность жилищами. Если нам удастся обеспечить шахтеров жильем, вопрос обеспечения угольной промышленности кадрами можно считать разрешенным, а это значит, что повысится добыча угля и производительность труда не менее как на 15%. Снизится также и себестоимость.

ПРОБЛЕМА ЭКСПОРТА КАПИТАЛА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА МАРКСА—ЛЕНИНА

Проблеме экспорта капитала не повезло в марксистской литературе. Ее касаются попутно, мимоходом, когда речь идет о характеристике монополистического капитализма, и по необходимости в тех курсах мирового хозяйства, которые в таком изобилии появляются на нашем книжном рынке. Между тем проблема экспорта капитала занимает важнейшее место в общей теории империализма. Экономический анализ этой проблемы распутывает один из сложнейших узлов в развитии капиталистического хозяйства последней формации и дает ключ к пониманию других сторон хозяйственной и политической экспансии монополистического капитализма ¹.

Совершенно не случайно, что буржуазная теоретическая мысль уделяет этой проблеме огромное внимание. Во время пребывания в Институте международных финансов (Нью-Йорк), основанного группой магнатов Уолл-Стрита, мне пришлось столкнуться с той большой научно-исследовательской работой, которую развертывают вокруг проблемы экспорта капитала апологеты империалистической экспансии. Я имею в виду прежде всего профессоров Джона Маддена и Маркуса Надлера, руководителей указанного Института, исполняющих в то же время обязанности „ответственных консультантов“ нью-йоркской фондовой биржи. На их новейших теориях и „открытиях“ мы остановимся в следующей статье. Здесь мы намерены закончить основные выводы марксистского теоретического анализа по плану, намеченному в нашей статье в „Проблемах экономики“ ¹.

Только опираясь на эти выводы, мы сможем в следующей статье перейти к выяснению конкретного процесса высвобождения общественного капитала для экспорта за границу. Эта вторая часть может быть сформулирована как проблема рынка экспортируемых капиталов и потребует выяснения конкретного движения накопления капитала в важнейших капиталистических странах,— иначе говоря, потребует изучения конкретно-экономического проявления общей тенденции современного капиталистического хозяйства в типичной для него форме экспансии—экспорте капитала.

В условиях глубочайшего кризиса в САСШ, развертывающегося в кризис мировой, марксистская разработка проблемы экспорта капитала приобретает особо важное значение, поскольку она отражает беспомощность капиталистической системы хозяйства разрешить раз-

¹ „Проблемы экономики“ № 7—8, 1929, „К методологии изучения проблемы экспорта капитала“.

дирующие ее внутренние противоречия путем внешней экспансии. Эти противоречия не только не устраняются, напротив они воспроизводятся в расширенном масштабе в пределах мирового хозяйства. Тем самым рушится пресловутая теория „организованного капитализма“, насквозь оппортунистическая в своей основе.

*
*

Большинство буржуазных экономистов, исследовавших проблему экспорта капитала, или мимоходом касаются выяснения источников экспортируемого капитала, или совершенно обходят этот важнейший вопрос.

Сарториус фон Вальтерсгаузен ограничивается общими рассуждениями о получающихся в народном хозяйстве „излишках“ и о заинтересованности собственников этих капиталов в помещении их за границей с целью получения повышенного дохода.

В первой и четвертой главах его труда, которые, судя по названию („Die Kapitalbildung in agraren und industriellen Ländern“, „Warum sucht das inländische Kapital das Ausland auf?“) должны дать теоретическое освещение вопросу источников экспорта капитала, мы встречаем лишь описание конкретных фактов хозяйственного прогресса важнейших стран Европы, голое констатирование того обстоятельства, что промышленные страны дают свой капитал тем менее охотно, чем лучше положение их собственного хозяйства. Сарториус отводит ссылкой на пример развития Северной Америки указание Маркса в III томе „Капитала“ на специфические условия развития капитализма в сельском хозяйстве, не замечая того значения, которое имеет для теоретического анализа его проблемы тот аспект исследования, который содержится в замечании К. Маркса². Он ограничивается поверхностью экономических явлений, когда приходит к окончательному суждению, что „народнохозяйственная конъюнктура, фазы подъема и упадка хозяйства, происходящие в различных странах часто, но не совпадая во всех в один срок, приводят к такому положению, когда избыток капитала в одной стране соответствует недостатку его в другой“. Тогда стремление получить повышенный доход стимулирует перелив капиталов из одной страны в другую³.

Гармс⁴, подчеркивая всю важность проблемы в главе „Kapitalanlage im Ausland und sonstige internationale Wertübertragungen“, упоминает о значении работы Госчен'a, The theory of foreign exchanges и Сарториуса, но сам не дает своего анализа вопроса об источниках и движущих силах экспорта капитала; он растворяет и без того скудные теоретические замечания в море фактического материала об исторической эволюции и величине заграничных инвестиций европейских стран и САСШ. В пяти основных группах, систематизирующих все важнейшие требования современного мирохозяйственного обмена, Гармс уделяет место и экспорту капитала, причем рассматривает его роль в плоскости выяснения прогресса международных экономических связей как основы мирового хозяйства. О специальном анализе проблемы экспорта капитала у Гармса нет и речи. Эдварде предпосылает своему

² Sartorius v. Waltershausen, Das Volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande, S. 24.

³ Ibid., S. 53.

⁴ B. Harms, Volkswirtschaft und Weltwirtschaft, S. 219.

труду о заграничных инвестициях небольшое теоретическое вступление „Principles of foreign investments“, где пытается разработать как теорию заграничных инвестиций, так и движущие силы экспорта капитала. Начиная с самого определения капитала, типичного для всех буржуазных экономистов, как „суммы товаров или бумаг, ищущих своего увеличения“, Эдварс неизменно скользит по поверхности экономических явлений, сводя весь вопрос к индивидуальной заинтересованности „деловых людей“ и к такому непреложному по его мнению фактору, как получение большей „жатвы“ (greater yield) от заграничных инвестиций в виде процентов⁵.

Представляет известный интерес проследить взгляды Каутского в области интересующей нас проблемы. В своей работе „Национальное государство, империалистическое государство и союз государств“ К. Каутский рассуждает следующим образом: капиталистическое производство с первых шагов рассчитано не только на удовлетворение внутренних потребностей государства, но и на вывоз. Если раньше предназначенный для вывоза товар служил за границей только для потребления, то в эпоху империализма вывозят „средства производства, служащие капиталом за границей, напр. материал для постройки и оборудования железных дорог, открывающих доступ к аграрным областям, машины для добычи руды, для обработки плантаций и наконец для всяких промышленных предприятий“⁶.

Прежде всего одно замечание по поводу перечисления Каутским различных материалов и оборудования, могущих служить за границей в качестве капитала. Спектатор правильно замечает, что железнодорожные инвестиции как раз особо типичны для доимпериалистического периода⁷. Ч. К. Гобсон, отмечая неослабевающее значение для экспорта капитала строительства железных дорог, указывает, что предприятия для разработки копей и плантаций играли первенствующую роль как раз в более ранние периоды заграничного инвестирования, последний же период характеризуется „тенденцией вкладывать капитал в производственные промышленные концерны“⁸.

Каутский не замечает того факта, что развитие экспорта капитала неизбежно влечет за собой для экспортирующей страны замедление промышленного роста и тенденции к загниванию и паразитизму. По этому вопросу Ленин выражался весьма резко, говоря, что „вывоз капитала есть паразитизм в квадрате“.

В концепции Каутского старательно затушевываются социально-экономические противоречия эпохи монополистического капитализма, отражающиеся в такой форме экспансии, как экспорт капитала.

Каутский специально подчеркивает то обстоятельство, что капиталистическое производство рассчитано не только на удовлетворение внутренних потребностей, но и на вывоз для того, чтобы объяснить экспорт капитала, как „тенденцию действительно непреодолимую“. „Она будет существовать,—пишет он,—пока будет существовать капиталистическое хозяйство; подавление ее было бы возможно только ограничением или изуродованием экономического развития“⁹. Итак

⁵ G. W. Edwards, Investing in foreign securities, p. 3—7.

⁶ К. Каутский, Национальное государство etc, с. 26.

⁷ Ч. Гобсон, Экспорт капитала, с. 20. Предисловие Спектатора.

⁸ Ibid., с. 146.

⁹ К. Каутский, Национальное государство, с. 27.

по Каутскому экспорт капитала вызывается необходимостью полного использования производительных сил экспортирующей страны и как тенденция непреодолим. Не случайно далее Каутский отрицает наличие империалистической экспансии „политики колониального расширения“, считая, что экспорт капитала может осуществиться без ожесточенной борьбы за сферы его приложения. Так разрешает проблему „марксист“ Каутский. Он пытается отрицать тот факт, что экспорт капитала как типичное явление империализма, вырастая из изменений производственной базы капитализма, неразрывно связан с борьбой за хозяйственную территорию, с капиталистической экспансией, которая в условиях антагонистического способа производства является неизбежным его следствием. На это прямо указывает Ленин: „Интересы вывоза капитала разным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а тогда единственно только и возможно) монополистическим путем устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие „связи“ и проч.“¹⁰. Гильфердинг находит, что „экспорт капитала действует в пользу империалистической политики“ („Финансовый капитал“).

Ч. К. Гобсон в своем „Экспорте капитала“ поставил специально вопрос о „причинах заграничного инвестирования“, на который не только не дал удовлетворительного решения, но по существу обошел его в проблеме экспорта капитала. Он даже не пытается вскрыть экономические причины, вызывающие на определенной ступени капиталистической эволюции страны систематический отлив капиталов за границу. Ограничиваясь лишь упоминанием, как и Вальтерсгаузен, о возможности получения от заграничных инвестиций большей нормы дохода, чем от применения капитала внутри страны, Гобсон дальше подробно развивает учение о рынке и о значении иностранных инвестиций для мелких сберегателей, слишком поверхностное и наивное, чтобы претендовать на роль экономического анализа причин экспорта капитала. И тут он апеллирует к всемогущему действию повышения процентной ставки внутри страны в результате отлива капиталов как фактора накопления, к аргументу, разбираемому нами ниже.

„В целом однако экономические мотивы,—пишет Гобсон,—играют преобладающую роль в определении инвестирования“. Далее он устанавливает положение, в силу которого подъем и падение цен влияют на накопление и следовательно на предложение капитала.

„Цены и процентная ставка движутся до известной степени параллельно. Наблюдение показывает, что когда цены поднимаются, прибыли предпринимательских компаний высоки, и в резерв поступает большая часть чистого дохода, чем при низком уровне цен и прибылей“¹¹. Другими словами, увеличится предложение капитала, что повлечет за собой снижение процентной ставки. Потому повышение цен невыгодно, по мнению Гобсона, для лиц, ссудивших деньги в прошлом за определенный процент, так же как и имеющим сбережения. Отлив капиталов за границу будет способствовать „увеличению способности лиц и предприятий к откладыванию сбережений“, так как вызываемое экспортом капитала „повышение процентной ставки создает более сильный мотив для откладывания“. Словом в

¹¹ Ленин, Империализм, с. 80.

¹⁰ Ч. Гобсон, Экспорт капитала, с. 68.

этом случае мы имеем налицо омоложенное издание известной гармонической теории вульгаризатора Сэя в применении ее к рынку капиталов. Повышение спроса на капитал увеличивает и его предложение. Нетрудно понять, почему Гобсон вообще отрицает наличие „избыточного“ капитала в современных передовых капиталистических странах.

Далее идет такая характеристика капиталистов-экспортеров капитала: „Большинство капиталистов признало бы, что в своем выборе они руководятся исключительно „деловыми“ мотивами; практически это означает, что они стремятся извлечь возможно большую материальную выгоду для самих себя, для своей семьи и в меньшей степени для своих друзей и близких. Злодеяния, связанные с некоторыми видами приложения капитала в отдаленных странах, мало пугают капиталиста: совесть капиталиста не смущается доходящими до него слухами, разве только злоупотребления будут особенно вопиющими и станут общеизвестными. Не играют сколько-нибудь заметной роли и патриотические соображения о месте инвестирования“¹².

Все же теоретического анализа причин экспорта капитала мы у Гобсона не видим.

Подобного рода анализ можно дать лишь на основе ясного представления о накоплении общественного капитала, на основе учета предпосылок и условий процесса расширенного воспроизводства в капиталистическом хозяйстве. Объективная закономерность возникновения и развития экспорта капитала может быть выведена из внутренних условий развития капиталистического хозяйства как исторически обусловленной формы общественного производства, как феномена, диалектически развивающегося.

Выше мы указывали, что, анализируя соотношение между внутренним накоплением капитала и заграничным инвестированием, Гобсон приходит к выводу, что можно установить общую зависимость между обоими этими процессами. Как общее правило, по его мнению „внутреннее инвестирование обнаруживает повышенную активность в те же годы, что и заграничное, хотя в середине 70-х гг. оживление в области первого совпало с депрессией в области второго“¹³.

Такой вывод весьма слабо обоснован. Мы считаем, что в этом вопросе более прав Вальтерсгаузен, который считает, что в различные фазы развертывания промышленного цикла соотношение между обоими этими процессами носит обратный характер: в фазе подъема развивается усиленная тенденция внутренних вложений, в фазе депрессии противоположная тенденция.

Когда в самой стране происходит процесс интенсивного развития основного капитала и развитие промышленности, то экспорт капитала конечно ослабляется, когда этот процесс заканчивается, то он значительно усиливается.

Поскольку та часть основного капитала, которая ежегодно реализуется в форме товаров, превышает ту часть, которая вновь капитализируется в форме основного капитала, постольку предложение будет превышать спрос на рынке, и в результате этого будет происходить или экспорт товаров или экспорт капитала. И обратно, интен-

¹² Ч. Гобсон, Экспорт капитала, с. 59.

¹³ Ibid, с. 188.

сивность экспорта будет ослаблена, если капитализируемая часть прибавочной стоимости превышает ту часть работающего основного капитала, которая ежегодно реализуется в форме товаров, т. е. спрос со стороны рынка будет больше, нежели предложение.

„Образование новых капиталов, — пишет Домбойс, — как быстро оно ни происходит, не поспевает за продолжающимися большими инвестированиями капитала: отсюда появляется постоянный недостаток в свободном ищущем приложения капитале, недостаток, который только временно, в периоды промышленного застоя, уступает место избытку капитала“¹⁴.

Проф. П. Момберт приводит интересные данные для выяснения зависимости между рынком капиталов и конъюнктурой. Считая, что спрос, предъявляемый к рынку капиталов, выражается с наибольшей ясностью в статистике эмиссий, Момберт берет за основу статистику эмиссий газеты „Frankfurter Zeitung“, как наиболее разработанную и точную для Германии за период 1900—1913 гг.¹⁵

Эта статистика эмиссий ясно показывает, что с улучшением конъюнктуры спрос, предъявляемый к рынку капиталов, возрастает, а с ухудшением ее сильно падает. Это сказывается не только на общей сумме эмиссий, но еще более заметно на эмиссии промышленных акций, в которых выражается спрос на капитал со стороны собственно промышленности. При этом наибольшее сокращение спроса на капитал происходит не всегда в том самом году, когда имел место поворот конъюнктуры, а часто в следующем году и в период депрессии, следующей за поворотом. Такими годами были напр. годы 1901—1903, 1907—1910 и 1913.

Поэтому вполне обосновано замечание Вальтерсгаузена о том, что „в общем промышленные страны дают свой капитал тем менее охотно, чем лучше положение их собственного хозяйства. Во время кризиса они совсем недостаточны для вывоза капитала, а во время депрессии они более склонны экспортировать капитал“¹⁶.

Тем не менее попытка Гобсона сопоставить относительные темпы движения внутренних и внешних инвестиций представляет большой интерес. Общие условия, влияющие на распределение капитала между внутренним и внешним рынком, формулированы им очень расплывчато. Цифры, на которые он опирается, опубликованные в „The Economist“, характеризуют рост прибылей и резервов промышленных компаний по годовым отчетам с 1907 по 1913 г. и имеют весьма условное значение в решении поставленной проблемы.

Трудность заключается в ряде вопросов, требующих опереться для их разрешения на анализ расширенного капиталистического воспроизводства, как напр. вопрос о причинах, удерживающих значительную долю накопления внутри страны, несмотря на то, что капитал привлекается более высокой нормой прибыли за границу, или вопрос об источниках избыточного капитала вообще, ищущего приложения за границей.

Необходимо признать, что и марксистская теория в этой области почти не разработана. Бухарин и Спектатор делают лишь весьма общий подход к проблеме источников экспорта капитала.

¹⁴ Dombois, Der, Kursstand der deutschen Staatsanleihen, S. 43.

¹⁵ Момберт, Введение в изучение конъюнктуры и кризисов, с. 95.

¹⁶ Сартorius, цит. соч.

Они привлекают в качестве исходного пункта разрешения проблемы анализ процесса расширенного воспроизводства. Ввиду важности этой теоретической отправной позиции, для последующих выводов и в интересах более отчетливого изложения теории воспроизводства мы приведем изложение процесса расширенного воспроизводства самим Марксом.

„Для того, чтобы упростить вопрос о накоплении капитала,— пишет Маркс,—предположим, что производительность труда остается прежней, что изменений в способе производства не происходит, следовательно остается необходимым прежнее количество труда, чтобы произвести такое же количество товара, и что следовательно увеличение капитала стоит столько же труда, сколько стоило производство капитала такой же величины в прошлом году... Капитализируемая часть прибавочной стоимости должна быть превращена частью в постоянный, частью в переменный капитал. Пропорция, в которой она делится на эти две различных части, зависит от предположенного органического состава капитала, так как способ производства не меняется и пропорция между стоимостью отдельных частей также остается неизменной. Чем выше развито производство, тем больше будет та часть прибавочной стоимости, которая превращается в постоянный капитал, сравнительно с частью прибавочной стоимости, превращающейся в переменный капитал“¹⁷.

Поскольку капиталистическое воспроизводство идет по возвышающимся ступеням, т. е. капитал не только возобновляется, но и происходит накопление капитала, часть прибавочной стоимости идет на увеличение дальнейшего производства.

Деление капиталистического производства на два больших отдела (I и II) является одной из основных предпосылок теории воспроизводства Маркса. Является вопрос, почему такое деление продуктов по их натуральной форме необходимо именно теперь при анализе воспроизводства общественного капитала, тогда как анализ производства и воспроизводства индивидуального капитала обходился без такого разделения, оставляя совершенно в стороне вопрос о натуральной форме продукта. При анализе производства индивидуального капитала подлежал рассмотрению только вопрос о стоимости отдельных элементов производства и о результате производства, при анализе воспроизводства общественного капитала мы имеем не только „возмещение стоимости, но и возмещение натуральной формы продукта“ (Stoffersatz)¹⁸, и поэтому безусловно необходимо различие продуктов, играющих совершенно разнородную роль в процессе общественного хозяйства. Раз принята во внимание эта предпосылка и кроме нее принимается, что весь продукт капиталистической страны, подобно единичному продукту, состоит из трех частей ($c + v + m$), то вопрос о воспроизводстве общественного капитала не представляет уже трудности.

Чтобы процесс воспроизводства протекал гладко, нужно, чтобы увеличенный капитал II подразделения ($c + 4/5 m_1$) равнялся переменному капиталу плюс $1/5$ капитализированной прибавочной стоимости I подразделения. Таким образом возможность беспрепятственного развития всего процесса расширенного воспроизводства зависит от равенства:

$$(v + 1/5 m_1) + M_2 = c + 4/5 m_1.$$

¹⁷ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. 2, с. 243.

¹⁸ Маркс, Капитал, т. II, с. 389.

Если I подразделение будет изготовлять больше средств производства, чем нужно для II, то часть из них останется нереализованной, так же как и избыточные предметы потребления, если они будут созданы во второй год. Нарушение равновесия капиталистического воспроизводства является регулярным и присущим капитализму явлением, ибо стремление капитализма заключается в накоплении все большей части прибавочной стоимости. Следствием таких нарушений является перераспределение общественного капитала в обоих подразделениях.

Маркс в своем анализе расширенного воспроизводства отвлекается от кредита, внешней торговли, считая, что весь процесс проходит внутри капиталистического общества. Он говорит, что при разборе вопроса о производстве „совсем не надо принимать во внимание внешнего рынка, внешней торговли, ибо введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее“¹⁹.

То же о кредите: „Кредит, о котором мы в дальнейшем говорить не будем, содействует тому, что накопленный капитал применяется не прямо в той сфере, где он произведен, а там, где он имеет больше всего шансов быть увеличенным в ценности“²⁰.

Фактически хотя и происходит перелив капиталов из одной сферы в другую, тем не менее Маркс не затрагивает этой проблемы в анализе хода накопления капитала. Маркс указывает, что он отвлекается от того случая, когда накоплено больше капитала, чем может быть потреблено в производстве. Вследствие этого капитал лежит у банкиров в денежной форме или ссужается за границу.

Предполагая всеобщее накопление, т. е. что во всех отраслях производства капитал накапливается, Маркс ставит вопрос о том, каковы условия этого всеобщего накопления и в чем оно находит свое разрешение. „Условия для накопления капитала,—пишет Маркс,—совершенно те же, что и условия для его первоначального производства и воспроизводства вообще. Эти условия заключаются в том, что на одну часть денег покупается труд, а на другую часть товары (машины, сырье и т. д.), которые могут быть производительным образом потреблены этим трудом. Это также рыночное условие при производстве и воспроизводстве капитала“.

И в другом месте: „Следовательно постоянное перепроизводство во всех отраслях кажется необходимым для того, чтобы возможно было накопление“.

Теория воспроизводства по замыслу Маркса должна служить выяснению формы движения капиталистического общественного производства.

Маркс строил свой анализ капитализма на строгом разграничении натурально-технических элементов общественного производства от той специфической формы их организации, в которой они выступают в капиталистическом обществе. И задача теоретического исследования капитализма состоит именно в том, чтобы, размежевав в рассматриваемом экономическом феномене натурально-техническое содержание от капиталистической формы, Fortbestimmtheit по выражению Маркса,

¹⁹ М а р к с, Капитал, т. II, с. 469.

²⁰ М а р к с, Накопление капитала и кризисы, с. 16.

выявить историческую обусловленность последней и ее социальное содержание, с одной стороны, и диалектически-сложную систему взаимодействий капиталистической формы и вещного содержания, с другой.

Марксова теория воспроизводства, изучая форму движения капиталистического общественного воспроизводства, а значит и накопления, отвлекается от конкретных условий капиталистического рынка, т. е. элиминируется от процессов образования и эволюции капиталистического рынка, а также от значения этих процессов для хода капиталистического развития.

Теория воспроизводства Маркса исходит из отсутствия затруднений в проблеме реализации, дабы наиболее четко выявить возможные затруднения на стороне общественного производства. Маркс исходит из условий „чистого капитализма“, не усложняя анализ привлечением докапиталистических формаций, хотя бы последние и диффундировали со всеми частями капиталистического организма. Вопрос о некапиталистических рынках встает лишь тогда, когда предметом исследования становится изучение реальных условий движения капиталистической системы хозяйства.

Вывод: теорию воспроизводства Маркса, как абстрактную теорию о форме движения капиталистического воспроизводства, нельзя привлекать непосредственно к объяснению конкретных явлений рынка, кризисов, экспорта капитала, империализма и т. д.

Роза Люксембург, связывающая эту теорию с своей теорией империализма, вводит промежуточное звено, выводя сначала из анализа марксовых схем невозможность „чистого капитализма“, чтобы затем невозможностью чистого капитализма обосновать империализм.

В ее концепции теория воспроизводства Маркса фигурирует в роли доказательства от противного: схемы Маркса служат доказательством возможности „чистого капитализма“, но они приводят к неразрешимым противоречиям, значит невозможен „чистый капитализм“. Так же поступает и Гильфердинг, когда выводит теорию кризисов непосредственно из анализа марксовых схем воспроизводства.

Для выяснения конкретных причин перепроизводства в качестве основной предпосылки имеет огромное значение та глубокая идея, которую Маркс положил в основу деления общественного воспроизводства на I и II отрасли, которая вскрывает до дна специфические особенности капиталистического воспроизводства. Теоретически плодотворно и другое деление, указанное Марксом: противопоставление элементов основного капитала элементам оборотного капитала.

В III томе „Капитала“ Маркс вышло и четко формулирует основные противоречия капиталистического хозяйства и корни периодического перепроизводства.

„...Условия реализации... ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Чем более развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления“. „Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и объединении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден принять для достижения своей цели и которые стремятся к безграничному расширению производства и к безуслов-

ному развитию общественных производительных сил, которые ставят себе производство как самодовлеющую цель... Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы, для создания соответствующего этой силе всемирного рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства“²¹.

Тенденция капиталистического производства к безграничному расширению сталкивается с тенденцией общественного потребления к относительному сокращению. Вот почему „последней причиной кризисов является все же бедность и ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительская способность общества“²².

„Пределы, в которых только и может происходить сохранение и увеличение капитальной стоимости, основывающиеся на экспроприации и обеднении широких масс производителей, эти пределы постоянно вступают поэтому в конфликт с методами производства, которые должны применяться капиталом ради своих целей и которые направляются к неограниченному увеличению производства, производству как самоцели, к безусловному развитию общественной производительной силы труда“²³.

Одной из огромных теоретических заслуг Маркса является освобождение проблемы воспроизводства от связи с воспроизводством докапиталистических и некапиталистических формаций: свою концепцию Маркс строит исключительно на анализе противоречий капиталистической формы производства: товарно-денежного обращения, обращения капитала и противоречий капиталистической эксплуатации. Неизбежность и закономерность кризисов устанавливается, исходя из анализа взаимодействий общественного производства с общественным потреблением, лишь на теоретической базе „чистого капитала“ Маркс выводит свой закон всеобщего капиталистического воспроизводства. Внешняя торговля, как справедливо замечает Маркс, оказывает лишь возмущающее влияние на процесс капиталистического воспроизводства, не нарушая основ его закономерной цикличности. Тем самым устраняется теоретическая абберация, переносящая проблему в плоскость внешней среды, могущей служить в качестве основы технического прогресса при капитализме.

После всего сказанного о проблеме воспроизводства, как она разрешается у Маркса, нетрудно понять методологическую несостоятельность непосредственного привлечения марксовских схем расширенного капиталистического воспроизводства для выяснения источников экспорта капитала в условиях современного хозяйства. Мы имеем в виду попытку Спектатора именно в этом направлении конструировать решение проблемы об источниках экспорта капитала²⁴. М. Спектатор берет формулу расширенного воспроизводства

$$v + 1/5 M + K = C_1 + 4/5 m_1$$

²¹ Маркс, Капитал, т. III, с. 194.

²² Маркс, Капитал, т. III, с. 22.

²³ Там же, с. 131.

²⁴ См. предисловие Спектатора к работе Ч. Гобсона, Экспорт капитала, с. 11

и поясняет, что „ $C_1 + 4\frac{1}{5}m_1$ “ составляются из предметов, служащих для личного потребления; вырученные за проданные продукты суммы предназначены на возобновление и расширение постоянного капитала „сельского хозяйства“; а $v + 1\frac{1}{5}M + K$ представляют собой израсходованные суммы на зарплату и предметы потребления предпринимателей, которые имеют после окончания производственного периода вид средств производства, сырья и машин, предназначенных для „сельского хозяйства“. C_1 состоит из двух частей: из сырья, потребляемого в течение производственного периода, оборотного капитала „без сумм на зарплату из амортизируемой части постоянного капитала, которая ежегодно освобождается, и $4\frac{1}{5}M_1$, идущих на расширение аппарата“.

Попутно мы указываем на неожиданную и теоретически неоправданную замену М. Спектатором того деления воспроизводства всего общественного капитала на I и II подразделения, которое было введено Марксом в его анализ, делением совершенно иного порядка и значения, — на промышленность и сельское хозяйство. Подробнее об ошибочности такого допущения мы будем говорить ниже.

„Если мы обозначим,—пишет М. Спектатор,—ту часть капитала, которая идет на возобновление оборотного капитала через U , а часть капитала, идущего на обновление аппарата (введение новых машин, постройку новых зданий и т. д.) буквой F , то формула равновесия примет следующий вид:

$$u + F = U_1 + F_1$$

Это равенство может быть представлено также и в следующем виде:

$$1) u + u_1; \quad 2) F + F_1^{25}$$

Далее М. Спектатор указывает, что первое уравнение возможно при пропорциональном производстве, т. е. когда происходит обмен без остатка между промышленностью и сельским хозяйством. Второе же равенство может иметь место только в том случае, если амортизационные суммы плюс добавочная часть капитала равны стоимости новых машин, зданий и т. д.

Если старый основной капитал значительно меньше освобождающейся суммы, то и „ежегодная амортизационная часть будет меньше стоимости нового оборудования... тогда формула примет вид: $F > F_1$. Наоборот, если он будет больше этой суммы, то формула выразится следующим образом: $F < F_1$, т. е. останется излишек над затратами по новому оборудованию.

По мнению Спектатора нормально развивающееся сельское хозяйство предъявляет спрос на капитал в большей мере, чем оно само его предлагает. Но отношение $F > F_1$ меняется с каждым днем. Основной капитал в сельском хозяйстве растет, и вместе с тем увеличивается амортизационная его часть. В то же время прогресс техники может привести к понижению стоимости орудий и машин, применяемых в сельском хозяйстве. Отсюда может создаться такое положение, в особенности при относительно медленном темпе расширения основного капитала, когда приток извне нового капитала в сельское хозяйство замедлится, потом совершенно прекратится (когда $F = F_1$) и наконец превратится в свою противоположность ($F < F_1$). Когда амортизационный капитал превышает новые инвестиции, получается избы-

²⁵ Ч. Гобсон, Экспорт капитала, предисловие Спектатора, с. 11.

ток, который образовался в результате более быстрого развития производства сельского хозяйства сравнительно с процессом применения основного капитала и уходит или в промышленность той же страны или за границу.

Исходя из того, что промышленность развивается нормально быстрее, нежели сельское хозяйство, в результате чего происходит быстрое накопление капитала и рост основной его части, М. Спектатор подчеркивает, что развивающаяся промышленность сначала черпает капитал из сельского хозяйства своей страны, а потом по мере накопления капитала и замедления темпа развития освобождающийся капитал растет, и свободные „излишки“ становятся настолько значительными, что уходят в свою очередь за границу.

„Итак,—заключает М. Спектатор,—экспорт капитала, если отвлечься от случайных неравномерностей в развитии народного хозяйства, связан с более медленным расширением основного капитала в сельском хозяйстве, чем рост продукции его. При этом сельское хозяйство все еще может иметь избыток продукции, который оно реализует представлением промышленности кредита. Последняя в свою очередь дает кредит другим странам, не имеющим сразу достаточно средств, чтобы сразу платить за всю машину и т. п.“²⁶

Такова концепция М. Спектатора в ее развернутом виде. Она является в высокой степени спорной и, несмотря на свои внутренние противоречия, заслуживает внимательного разбора и критики по существу. Прежде всего мы считаем необходимым заметить, что по всем приведенным выше соображениям нам кажется методологически неправильным непосредственно выводить необходимость экспорта капитала из схем марксова анализа расширенного воспроизводства, как напр. поступает М. Спектатор. Такой подход к теоретической трактовке проблемы приводит Спектатора к ряду ошибок:

1) К забвению того важнейшего обстоятельства, что экспорт капитала является специфической категорией новейшего этапа в развитии капитализма. В погоне за абстрактно-экономическим анализом экспорта капитала Спектатор проходит мимо определенной исторической формы капитала—монополистического капитала, придающего этому экспорту специфический характер и первостепенное значение в качестве орудия экспансии, и совершенно не объясняет качественных особенностей, присущих экспорту капитала в эпоху империализма.

2) В процессе развертывания своего анализа, как подчеркнуто выше, Спектатор делает одно неправильное как в теоретическом, так и методологическом смысле допущение, именно, заменяет классификацию марксова анализа общественного капитала на I и II подразделения (I—производство средств производства, II—производство предметов потребления) собственным делением на промышленность (I) и сельское хозяйство (II). Такое допущение влечет за собою включение предметов потребления в I подразделение общественного капитала (напр. продукции легкой индустрии, производящей промышленные товары массового потребления) и наоборот средств производства во II подразделение (отрасли, доставляющие сельскохозяйственное и промышленное сырье). Нетрудно понять, что такая схематика является значительным отступлением от основных предпосылок и условий

²⁶ Ч. Г о б с о н, Экспорт капитала, предисловие Спектатора, с. 11.

марксова анализа процесса расширенного воспроизводства и может привести к выводам, резко расходящимся с концепцией Маркса, что и получилось по существу с теоретическим экскурсом в этой области М. Спектатора.

3) В результате своего анализа проблемы источников экспорта капитала с точки зрения расширенного воспроизводства М. Спектатор приходит к выводу, что экспорт капиталов, „если отвлечься от случайных неравномерностей в развитии народного хозяйства, связан с более медленным расширением основного капитала в сельском хозяйстве, чем рост продукции его“. Вместо точного указания на прибавочную стоимость, образующуюся в процессе капиталистического производства и накапливаемую монополистическими объединениями, как на основной источник экспорта капитала, Спектатор неоднократно подчеркивает ту мысль, что сельское хозяйство является основным источником, поставляющим капитал для экспорта. В своей работе „Введение в изучение мирового хозяйства“ в разделе о „причинах экспорта капитала“ М. Спектатор дает такую концепцию, согласно которой экспорт капитала ставится в зависимость от требований возникающей промышленности в аграрных странах вследствие „предъявления большого спроса на капитал, извлекая его из сельского хозяйства своей страны“ (с. 202).

Такая концепция неверна и противоречит марксистско-ленинской, по которой активной стороной являются не отсталые аграрные страны, а передовые капиталистические с господством монополий, не говоря уже о том, что потребность отсталых аграрных стран в импорте капитала ничуть не объясняет источников для экспорта капитала. Искать же этот источник в прибавочной стоимости или прибавочном продукте, создаваемом сельским хозяйством, значит констатировать, что источник экспорта капитала лежит вне основ экономики капитализма. Поэтому имеет основание тот упрек, который часто делается М. Спектатору: если исходить из его концепции, то совершенно непонятно, почему экспорт капитала является специфической категорией монополистического капитализма, почему именно „для новейшего капитализма с господством монополий типичен стал вывоз капитала“ (Ленин).

Выше мы указали на неправильность выведения необходимости экспорта капитала непосредственно из схем марксова анализа расширенного воспроизводства. В этом непревзойденном анализе внутренней динамики капиталистического процесса производства мы можем усмотреть лишь главную тенденцию в развитии двух основных отраслей общественного производства, заключающуюся в колоссальном росте производства средств производства и отставании общественного потребления. Но там нет такого соотношения элементов общественного воспроизводства, такой диспропорции в распределении общественного капитала между основными отраслями, которые приводили бы к непрерывному росту „излишков“ основного капитала, т. е. средств производства. Если даже и допустить теоретически наличие такого „излишка“ основного капитала при условии более быстрого производства средств производства, то такое „допущение“ может и не привести к необходимости экспорта капитала, а просто к переливу избыточного капитала в другие отрасли капиталистического хозяйства.

Разрешить проблему источников экспорта капитала в ее конкретно-экономической форме мы можем, лишь усложнив марксов анализ расширенного воспроизводства в условиях „чистого капитализма“ такими моментами, как кредит, внешняя торговля, капиталистические монополии, погоня за большей нормой прибыли, эксплуатация некапиталистических и докапиталистических формаций.

Но такая постановка проблемы будет следующей более конкретной ступенью анализа, модифицирующей лишь особое историческое проявление капиталистической экспансии, но не ее социально-экономическую сущность, определенную Марксом в его анализе накопления капитала.

Следовательно анализ расширенного воспроизводства, данный Марксом в „Капитале“, является основной и единственно правильной предпосылкой, из которой нужно исходить при решении проблемы об источниках экспорта капитала, но отнюдь не конкретным решением самой проблемы. В этой связи достаточно подчеркнуть два определяющих момента.

1) Основой промышленного производства капиталистических стран является все большее и большее производство средств производства, что вместе с общим техническим прогрессом выражается в колоссальном росте размеров производства и главным образом основного капитала.

2) Если представить себе конкретный обмен между I и II подразделениями в современном капиталистическом хозяйстве, т. е. обмен между производством средств производства и производством предметов потребления в той общественно-специфической форме, в какой он происходит, то ввиду огромных размеров *C* будет неизбежным относительное перепроизводство капитала. Поэтому перенакопление капитала, колоссальный рост размеров производства и основного капитала вызывает к жизни одну из форм капиталистической экспансии— экспорт капитала.

У Ленина мы встречаем подтверждение именно этих моментов. „По общему закону капиталистического производства постоянный капитал растет быстрее переменного. Следовательно постоянный капитал в предметах потребления должен возрастать быстрее, чем переменный капитал и сверхстоймость в предметах потребления, а постоянный капитал в средствах производства должен возрастать всего быстрее, обгоняя и рост переменного капитала (плюс сверхстоймость) в средствах производства и рост постоянного капитала в предметах потребления. То подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно следовательно расти быстрее, чем то, которое изготовляет предметы потребления“²⁷.

Далее Ленин подчеркивает и второй указанный выше момент. „Это большее употребление постоянного капитала есть не что иное, как выраженная в терминах меновой стоимости большая высота развития производительных сил, ибо главная часть быстро развивающихся средств производства „состоит из материалов, машин, орудий, строений и всяких других приспособлений для крупного и специального машинного производства. Вполне естественно поэтому, что капиталистическое производство, развивая производительные силы общества, создавая крупное производство и машинную индустрию, отме-

²⁷ Н. Ленин, Собр. соч., т. III, с. 28.

чается и особенным расширением того отдела общественного богатства, который состоит из средств производства“²⁸.

Важно указать еще на одну сторону вопроса. С развитием капиталистического производства увеличивается размер основного капитала, в связи с чем увеличиваются различия отдельных отраслей по размерам того основного капитала, который в них применяется. Чем крупнее размер основного капитала, тем продолжительнее время, необходимое для нового оборудования предприятий, тем значительнее разница в сроках, потребных различным промышленным отраслям на расширение и обновление производства. Отсюда вытекает отставание предложения от спроса, повышение цен и все шире распространяющееся в таких промышленных отраслях стремление к накоплению.

С одной стороны, повышение органического состава капитала является основной причиной тенденции нормы прибыли к понижению, с другой стороны, вследствие перемен в соотношениях конкуренции, передвижек в соотношении спроса и предложения, влияния благоприятной конъюнктуры в отраслях, производящих средства производства, наступает сначала более сильное повышение цен, чем в других отраслях хозяйства. Прибыль не только не уменьшается, но изменение органического состава сначала сопровождается повышением цен и повышением прибыли, причем ценам присуща тенденция повышаться тем больше, чем выше органический состав капитала. Капитал устремляется в сферы с повышенной прибылью, вновь накапливаемый капитал будет отклоняться к этим сферам, и таким образом в отраслях с наивысшим органическим составом по сравнению с отраслями относительно низкого состава будет обнаруживаться тенденция к чрезмерному приложению, к перенакоплению капитала, ищущего приложения за границей.

Итак, исходя из марксовой теории воспроизводства и тех закономерностей, которые определяют динамику процесса воспроизводства общественного капитала, мы можем констатировать, что основным источником экспорта капитала является прибавочная стоимость, создаваемая в капиталистическом производстве, но не прибавочный продукт докапиталистических формаций, сожигательствующих и диффундирующих с господствующим типом данной исторической системы производства.

Выше мы указали на неравномерность развития, как на основное внутреннее противоречие капитализма. Нарастающие диспропорции в условиях национального воспроизводства капитала, т. е. воспроизводство, опирающееся на национальный рынок, не разрешаются капиталистической системой, а переносятся на арену мирового хозяйства. Этот выход за пределы национального рынка временно отсрочивает для капитализма необходимость выправления диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством, с одной стороны, и между отдельными отраслями промышленности, с другой. Реальный капиталистический процесс не ограничен рамками национального рынка, не замкнут исключительно в самом себе в смысле самостоятельного возмещения и расширения элементов общественного производства и потребления, напротив он всесторонне увязан отношениями внешнего обмена с окружающей его социально-экономической средой, охватывающей самые разнообразные общественно-производственные формации.

²⁸ Ленин, Собр. соч., т. III, с. 29.

Экспорт капитала и международный товарооборот осуществляют взаимное распределение определенных частей созданного в различных капиталистических системах общественного продукта, чтобы в результате подобной закономерной перегруппировки было обеспечено возобновление и продолжение процесса воспроизводства капитала.

В этой плоскости теоретического анализа экспорт капитала может трактоваться не только как выход для накапливаемой прибавочной стоимости, но как расширенный процесс воспроизводства в рамках мирового рынка более продолжительным периодом кругооборота капитала.

Маркс во II томе „Капитала“ с полной ясностью подчеркнул, что предположение, допускаемое при простом воспроизводстве, именно равенство $I(v + m) = IIc$ несовместимо с капиталистическим производством, так как накопление капитала, т. е. действительное капиталистическое производство, при этом было бы невозможно. Тот факт, что капиталистическое накопление совершается, исключает равенство IIc и $I(v + m)$; при капиталистическом производстве $I(v + m)$ не может быть равно IIc , и оба они при обмене не могут покрывать одно другое. Если $I \frac{m}{x}$ является той частью $I m$, которая как доход расхо-

дуется капиталистами I, то $I\left(v + \frac{m}{x}\right)$ может быть равно, больше или меньше IIc ; но $I\left(v + \frac{m}{x}\right)$ всегда должно быть меньше в $II(c + m)$ и притом меньше на ту часть $I m$, которую класс капиталистов в II должен потреблять сам при всяких условиях.

Это схематическое изображение дает ясное представление о неизбежном перепроизводстве капитала в I подразделении, но оно не точно обозначает стоимость постоянного капитала, поскольку он составляет часть стоимости товарного капитала, в производстве которого этот постоянный капитал принимает участие. Основная часть вновь накопленного капитала входит в товарный капитал лишь постепенно и периодически, соответственно природе этих основных элементов. При этом Маркс замечает, что превращение различных составных частей годового продукта, т. е. их обращение, которое должно охватывать и воспроизводство капитала и его восстановление в различных его формах: постоянного, переменного, основного, оборотного денежного капитала и товарного капитала, отнюдь не предполагает простой купли товара, дополняемой последующей продажей, или продажи, дополняемой последующей куплей, причем фактически происходил бы только обмен одного товара на другой, как это принимает политическая экономия, именно фритредерская школа со времен физиократов и Адама Смита. Основной капитал, раз затрата на него сделана, не возобновляется в продолжение всего времени своего функционирования, а продолжает действовать в старой форме, между тем как его стоимость постепенно осаждается в виде денег.

Как на фактор, способствующий появлению избыточного капитала, Маркс указывал на следующую особенность процесса кругооборота капитала. „Ясно, что как капитал, вложенный в многочисленных отраслях промышленности, составляющих I класс, так и различные индивидуальные капиталы в каждой из этих отраслей промышленности в зависимости от их возраста, т. е. от продолжительности и уже

истекшего функционирования,—мы совершенно оставляем в стороне их величину, технические условия, рыночные отношения и т. д.,—что эти капиталы находятся на различных ступенях процесса последовательного превращения прибавочной стоимости в потенциальный денежный капитал, для какой бы из двух форм расширения производства ни послужил впоследствии этот денежный капитал: для увеличения функционирующего капитала или для основания новых промышленных предприятий“²⁹.

При расширенном воспроизводстве имеет место производство потенциального дополнительного капитала, которое представляет не что иное, как явление самого процесса производства, т. е. производство элементов производительного капитала в определенной форме. Это производство дополнительного потенциального капитала, как показал Маркс, происходит в крупном масштабе во множестве пунктов на периферии обращения. Дополнительный денежный капитал есть результат и выражение многостороннего производства дополнительного производительного капитала, самое возникновение которого не предполагает никакого дополнительного денежного расхода со стороны промышленных капиталистов по той причине, что источником его является прибавочный труд рабочих I подразделения, израсходованный непосредственно на производство средств производства, на создание дополнительного капитала в I подразделении.

Чем больше производительный капитал, функционирующий в данной стране, чем более развита производительная сила труда, а вместе с тем и технические средства для быстрого расширения производства средств производства, чем больше масса прибавочной стоимости,—тем больше как дополнительный производительный капитал в руках капиталиста в I подразделении, так и потенциально дополнительный денежный капитал. Этот последний является избыточным, не могущим непосредственно участвовать в процессе производства капиталом, и в своей непродуцирующей форме он движется параллельно процессу производства, но лежит вне его. Стремление использовать в целях получения прибыли прибавочную стоимость, накапливаемую в форме потенциального денежного капитала, находит выход в кредитной системе и миграции капитала.

Эту мысль с достаточной ясностью выражает Маркс во II томе „Капитала“:

„Количество прибавочного продукта, превращенного в потенциальный денежный капитал, будет тем больше, чем больше была общая сумма уже функционирующего капитала, от функционирования которого образовался этот продукт. Но при абсолютном увеличении размеров ежегодно воспроизводимого потенциального денежного капитала становится более легкой его сегментация, так что он скорее может быть вложен в особое предприятие. Сегментация денежного капитала здесь понимается в том смысле, что он совершенно отделяется от первоначального капитала для того, чтобы в качестве нового денежного капитала найти помещение в новом самостоятельном предприятии. Благодаря этому денежный капитал в иной форме приобретает огромное влияние на ход и мощное развитие капиталистической системы производства“³⁰.

²⁹ Маркс, Капитал, т. II, ч. 2, с. 360.

³⁰ Маркс, Капитал, т. II, с. 365.

Формулируя основное противоречие капиталистической системы производства, Маркс указывает, что капиталистическому способу производства присуще стремление к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство. Специфической особенностью капиталистического способа производства является стремление к увеличению в возможно большей степени существующей капитальной стоимости, использование наличной капитальной стоимости как средства к дальнейшему максимально возможному увеличению этой стоимости.

Проблема источников избыточного капитала уже на этой ступени анализа получает достаточную теоретическую ясность. Капиталистическое производство постоянно стремится выйти из границ, определяемых общественными отношениями самой системы, ускоряет накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала и тем самым нарушает отношения, в которых совершается процесс воспроизводства капитала. „Средство—безграничное развитие общественных производительных сил,—замечает Маркс,—вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью—увеличением стоимости существующего капитала“.

Неизбежное появление избыточного капитала обуславливается в основном тем, что действительной границей капиталистического производства выступает сам капитал. Капитал и самовозрастание его стоимости являются исходным и конечным пунктом и целью производства; капиталистическое производство есть производство для капитала, а не для общества производителей. Пределы, в которых только и может происходить сохранение и увеличение капитальной стоимости, основывающиеся на экспроприации и обеднении широких масс производителей, постоянно вступают в конфликт с методами производства, направленными к неограниченному расширению производства, к безусловному развитию общественной производительной силы труда. На этом основании Маркс указывает, что если капиталистический способ производства есть „историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего ей мирового рынка, то он представляет вместе с тем постоянное противоречие между этой своей исторической задачей и соответствующими ей общественными отношениями производства“³¹.

Что же Маркс понимал под избыточным капиталом?

Характеристику „избыточного капитала“ Маркс связывает с анализом процесса концентрации капитала и законом тенденции нормы прибыли к понижению, когда за известными пределами крупный капитал с невысокой нормой прибыли накапливается быстрее, чем небольшой капитал с высокой нормой прибыли. Эта возрастающая концентрация, достигнув известного уровня, в свою очередь приводит к новому понижению нормы прибыли³².

Абсолютное перепроизводство капитала не означает абсолютного перепроизводства вообще. К этой мысли Маркс возвращается не раз, чтобы показать

³¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 231.

³² Там же, с. 232.

ограниченность, относительность, исторически переходящий характер капиталистической системы производства. Перепроизводство капитала является перепроизводством средств производства лишь постольку, поскольку последние функционируют как капитал и предполагают процесс самовозрастания стоимости. С другой стороны, перепроизводство заключается еще и в том, что капитал оказывается неспособным эксплуатировать труд в той степени, при которой с возрастанием массы применяемого капитала увеличивается и масса прибыли. Если возросший капитал производит такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения, то имеется абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $K + \Delta K$ производит прибыли не больше, чем капитал K до своего увеличения на ΔK .

Перепроизводство капитала рассматривается Марксом как перепроизводство средств труда и средств существования, которые могут функционировать как капитал, т. е. могут применяться для эксплуатации труда при данной степени эксплуатации. Поэтому нет никакого противоречия в том, что перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным, относительным перенаселением. Условно, ускоряющие накопление капитала как по массе, так и по стоимости, понижающие норму прибыли, постоянно создает и относительное перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы найти применение.

Маркс в III томе подчеркнул и другую сторону вопроса об избыточном капитале: обострение конкурентной борьбы вследствие понижения нормы прибыли, связанной с процессом накопления капитала. Компенсация понижения нормы прибыли увеличением массы прибыли имеет значение только для всего капиталистического общества и для крупных капиталистов с высокотехнически оборудованными предприятиями. Новый, самостоятельный функционирующий, дополнительный капитал действует не при условиях, которые дают возможность такой компенсации: он еще должен завоевать такие условия, и потому понижение нормы прибыли вызывает конкурентную борьбу между капиталами, а не наоборот. Говоря об относительности капиталистического перепроизводства, Маркс указывал на то, что весь капиталистический способ производства есть только относительный способ производства, границы которого не абсолютные границы, но абсолютные для него на его базисе. Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) В том, что развитие производительной силы труда создает в понижении нормы прибыли закон, превращающийся на известном пункте в препятствие для развития этого самого производства.

2) В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, а присвоением этого неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществленному труду, т. е. отношением прибыли к применяемому капиталу, следовательно высотой нормы прибыли.

При анализе движущих сил экспорта капитала мы не можем элиминировать значения такого фактора, как закон тенденции нормы прибыли к понижению. Привлечение этого фактора к теоретическому выяснению проблемы источников экспорта капитала с точки зрения

расширенного воспроизводства необходимо и закономерно. Ошибка Спектатора заключается в игнорировании этого важного момента в той части его концепции, где он разбирает вопрос об источниках эксплоатируемых капиталов.

Мы приведем лишь одно из многочисленных замечаний Маркса по интересующей нас стороне проблемы, не оставляющее повода для сомнений:

„Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посредством усовершенствованных методов и проч. мог понизить индивидуальную стоимость единицы своих товаров ниже их средней стоимости и получить таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает горячка, встречающая благоприятствующие условия в страстных попытках приложения новых методов производства, в новых применениях капитала, в новых авантюрах, преследующих одну цель: обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, которая была бы независима от общего среднего уровня ее и возвышалась бы над ним“.

„Норма прибыли, т. е. относительное возрастание капитала, имеет важное значение главным образом для всех новых самостоятельно группирующихся отвлечений капитала. И если бы создание новых капиталов стало совершаться исключительно при некоторых немногих и без того уже крупных капиталах, для которых масса прибыли уравнивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство“³³.

Таким образом экспорт капитала есть результат его накопления. Под накоплением капитала мы понимаем накопление производительного и товарного капитала, т. е. непосредственно процесс расширенного воспроизводства, а также накопление денежного капитала, отдаваемого в ссуду, накопление притязаний собственности на производимую в обществе прибавочную стоимость (ссудный капитал).

Проблема источников экспорта капитала требует прежде всего анализа накопления действительного, производительного капитала, т. е. процесса расширенного воспроизводства капитала, сопровождаемого высвобождением капитала в денежной форме. Определение хода накопления капитала представляет много трудностей даже в конкретно-экономическом разрезе. Критерии оценки национального богатства, принимаемые буржуазными исследователями—увеличение капиталов акционерных компаний, вкладов в кредитные и депозитные учреждения и т. п.—недостаточно основательны. В состав национального богатства входят кажущиеся статьи: напр. стоимость земли—капитализированная поземельная рента; благодаря системе взаимного участия в акционерных обществах и holding companies (общество держателей акций) один и тот же реальный имущественный объект фигурирует несколько раз (рост фиктивного капитала).

Буржуазные экономисты, трактующие проблему экспорта капитала под углом зрения накопления и помещения ссудного капитала, не обнаруживают связи накопления ссудного капитала с накоплением реального капитала. Главнейшие источники накопления ссудного капитала возникают на тех участках капиталистического хозяйства и в такие моменты, где и когда в силу самых разнообразных обстоя-

³³ Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 241.

тельств стоимость или капитал застывают в форме денег, оказываются праздными. Динамика предложения ссудных капиталов хотя и связана с динамикой накопления действительного капитала, под которым мы понимаем производительный и товарный капитал, тем не менее целиком с ней не совпадает.

Застывание стоимостей или капитала в денежной форме обусловливается процессом производства и воспроизводства капитала, что совершенно ясно обнаруживается при анализе любого источника ссудного капитала как капитала, так и дохода. В общем можно сказать, что увеличение действительного капитала должно обнаружить тенденцию к увеличению массы ссудного капитала, уменьшение действительного капитала—к сокращению ссудного капитала. Развитие капиталистического хозяйства характеризуется ростом накопления ссудного капитала: в качестве общей тенденции капиталистического хозяйства необходимо констатировать увеличение накопления денежных капиталов или, иначе, капиталов денежных капиталистов. Развитие капитализма есть процесс расширяющегося все в большем и большем масштабе воспроизводства капитала, стало быть все большего накопления действительного капитала, ищущего своего применения. Вместе с тем развитие капитализма характеризуется все большим накоплением капитала ссудного, далеко обгоняющего накопление действительного капитала.

Опираясь на приведенный выше теоретический анализ проблемы, мы в следующей статье дадим критику американской теории экспорта капитала (Мадден, Надлер) и разберем источники и основные направления экспортной экспансии САСШ.

О ТИПАХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ¹

К числу наиболее ярких страниц в марксистской экономической литературе относится тот раздел в „Введении в политическую экономию“ Розы Люксембург, где она едко критикует „Бюхеров, Зомбаров и их коллег“—господ цеховых ученых, упорно не желающих признать мировое хозяйство одной из новых фаз развития человеческого хозяйства.

Критические замечания Р. Люксембург, содержащиеся в этом разделе, применимы ко всей современной буржуазной и экономической литературе. Ибо, хотя некоторые из ее представителей на словах признают существование мирового хозяйства, единство последнего они видят лишь в некоторых поверхностных связях между различными странами (внешняя торговля, международные договоры и т. д.). Но этих связей не отрицают и Зомбарт и К⁰. В основном все буржуазные теоретики независимо от того, признают они наличие мирового хозяйства (Гармс, Сарториус фон Вальтерсгаузен) или не признают (Зомбарт, Бюхер), сходятся: они не понимают того, что мировое хозяйство есть система производственных отношений, что эта система едина (несмотря на разъедающие ее противоречия), что именно поэтому характер экономического развития в каждой стране определяется не только ее внутренними условиями, но и тем местом, которое данная страна занимает в системе мирового хозяйства.

Совершенно иной подход к проблемам мирового хозяйства должен быть у марксистов. Работы Ленина об империализме, труды конгрессов Коминтерна, работы Р. Люксембург и еще ряда теоретиков содержат основные элементы марксистско-ленинского учения о мировом хозяйстве. Однако эти источники у нас недостаточно используются для систематической разработки всех проблем, связанных с мировым хозяйством.

Возьмем например вопрос о типах тех связей, которые существуют между отдельными странами (и районами) в современном капиталистическом хозяйстве, в которых и выражается единство этого хозяйства. В нашей популярной литературе и прежде всего в учебниках экономической географии пользуется широким распространением схема, сводящая международные экономические связи к трем типам: перемещение товаров, перемещение капиталов, перемещение людей (рабочей силы) ². Нетрудно доказать, что эта схема неверная и немарксистская.

¹ Статья печатается в порядке обсуждения.

² См. вапр. Баранский Н. Н., Краткий курс экономической географии, М.-Л. 1929, с. 102—109; Вольф М. Б. и Мебус Г. А., Очерки по экономической географии иностранных государств, изд. 5-е, Л. 1929, с. 20.

Прежде всего, несмотря на кажущуюся стройность, эта схема ставит в один ряд явления совершенно различного порядка, причем основное внимание направляется не на существо производственных отношений, а на их внешнее, рыночное отражение. Перемещение товаров—это лишь видимый на поверхности факт, за которым могут скрываться самые различные экономические явления (товарообмен, связанный с географическим разделением труда, репарационные поставки или платежи, перемещение средств производства в связи с перемещением капиталов и т. п.). Включение в схему типов хозяйственных связей перемещения товаров неправильно и несовместимо с марксистской установкой, требующей вскрытия за поверхностью рыночных категорий, за перемещением вещей тех общественных отношений, которые составляют основу видимых на поверхности явлений.

Далее, неправильно отождествление перемещения людей с перемещением рабочей силы. Это правильно лишь в том случае, когда переселяется пролетарий. Но перемещение людей в современном хозяйстве не ограничивается переселением пролетариев. Оно охватывает и массовое переселение мелкой буржуазии (города и особенно деревни) и иные весьма различные по своему социальному облику людские потоки (напр. переселение из Англии в Индию оравы чиновников, олицетворяющих собой „хорошее управление“ этой величайшей колонией, переселение из ряда восточных стран торговцев и ростовщиков и т. д.). Экономическая значимость различных людских потоков при этом отнюдь не пропорциональна их численности.

Наконец при рассмотрении вышеприведенной трехчленной схемы бросается в глаза тот факт, что она совершенно обходит существеннейшую форму международных (и междурайонных) хозяйственных связей в современном капиталистическом хозяйстве—эксплоатацию трудящихся классов одной страны господствующими классами другой. Ниже будет показано, что эти отношения эксплуатации в современном капиталистическом хозяйстве играют громадную роль. Всяческое затуманивание этой формы международных (и междурайонных) „связей“ характерно для всей буржуазно-апологетической литературы. Но тем большее внимание должно уделяться этому явлению в литературе марксистской.

Если исходить не из поверхностно-рыночных категорий, а из существа производственных отношений, то все многообразие экономических связей между отдельными странами и районами можно свести к следующим трем основным типам:

1. Географическое разделение труда (и вырастающая на основе его борьба за рынки и сырье).
2. Отношения эксплуатации.
3. Перенесение элементов производства из одной страны (или района) в другую (и как одна из форм его—экспорт капитала, перерастающий в борьбу за сферы влияния).

Сами по себе эти рубрики недостаточны. Все эти типы экономических связей могут иметь место и действительно встречались на различных ступенях исторического развития, в различных экономических формациях. Однако при этом изменялись их форма и значение.

Маркс писал о разделении труда:

„Для Прудона разделение труда есть вещь совершенно простая. Но кастовый строй разве не был тоже определенным разделением

труда? Разве цеховой строй не был другим разделением труда? А разделение труда мануфактурного строя... разве не отличается самым решительным образом от разделения труда в современной крупной промышленности?... А в XIV и XV вв., когда еще не было колоний, когда Америка для Европы еще не существовала, а Азия существовала лишь через посредство Константинополя, разве тогда разделение труда не было совсем иным по сравнению с разделением труда в XVII в., когда имелись уже вполне развитые колонии?"^{2а}.

Это указание Маркса полностью применимо и к другим перечисленным типам экономических связей. Задача экономического анализа в отношении каждой из них заключается не столько в констатировании общих моментов, характеризующих разделение труда, эксплуатацию, переселение всегда всюду при любом экономическом строе, сколько в выявлении тех специфических форм этих явлений, которые вытекают из особенностей современного строя, когда основным субъектом во всех этих отношениях выступают мощные монополистические группировки, сросшиеся с империалистическими государствами.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА, ТОВАРООБМЕН, БОРЬБА ЗА РЫНКИ

Возьмем первую из указанных категорий — географическое и в частности международное разделение труда. В основе географического разделения труда всегда лежали природно-географические различия, с одной стороны, и различия в уровне развития производительных сил, с другой. Но знание этого одного еще недостаточно для понимания географического разделения труда в современном капиталистическом хозяйстве. Для этого прежде всего надо иметь правильное представление о том, чем в современных условиях определяется различие в уровнях развития производительных сил и как оно изменяется. А вот этот-то вопрос до сих пор недостаточно привлекал внимание наших экономистов.

Возьмем основной вопрос: приводит ли развитие капитализма к увеличению различий в уровнях производительных сил или к выравниванию этих уровней? По этому вопросу в нашей литературе можно встретить такое указание: „Линия выпрямления и сглаживания национально-экономических уровней, подтягивания отсталых аграрных стран к странам с развернутой индустриальной системой, уменьшения прежней огромной разницы в объеме производительных сил и степени производительности общественного труда различных территориально-политических комплексов — эта линия проходит через весь исторический процесс эволюции капитализма и с особенной четкостью и убедительностью дает себя знать в эпоху монополистического капитализма“³.

^{2а} Маркс К. и Энгельс Ф., Письма, М.-Л. 1929, с. 14.

³ Герценштейн А. К теории мирового хозяйства, в журн. „Мировое хозяйство и мировая политика“ № 1, 1929 г., с. 39. Правда, т. Герценштейн оговаривается, что абсолютное и всеобщее равенство уровней достигнуто быть не может, ибо „стихийное движение к нивелировке... идет дальше, принимая форму скачкообразного опережения одних стран другими“. Но эта оговорка ничего не исправляет. Индия и Китай все более отстают от развитых капиталистических стран, а не догоняют их. Ставить в один ряд США, Японию, Индию и Канаду, как это делает т. Герценштейн, может только тот, кто не имеет никакого представления о путях развития этих стран.

Совершенно ясно, что это утверждение ничего общего не имеет с ленинизмом и в частности с учением Ленина о неравномерности капиталистического развития. Эта теория нивелировки находится в явном родстве с пресловутой теорией деколонизации, и обе они, несомненно, противоречат действительности.

Возьмем напр. из сводки Дрезденского банка данные о душевой норме национального дохода ⁴:

Страна	Год	Доход на 1 жителя в герм. марках
Соединенные штаты Америки	. 1928	3113
Канада 1927	2521
Австралия 1926	2027
Великобритания 1928	1567
Германия „	1077
Франция „	998
Швеция „	1107
Дания „	1144
Австрия „	664
Италия „	593
Япония 1925	374
Румыния 1928	393
Польша 1926	317
Болгария „	258
Бразилия 1928	179
Индия 1922	108
Индонезия 1924	68
Китай 1928	58

Конечно эти данные весьма далеки от точности. Конечно различия в душевой норме национального дохода не вполне соответствуют различиям в производительности труда. И все же основной факт приведенная таблица отражает правильно. Различие в уровнях колоссально. Такой дистанции не было и не могло быть в начале капиталистической эры. Ее не было даже 2—3—4 десятилетия тому назад. Это потрясающее различие в уровнях создано капитализмом и под влиянием капиталистического развития оно все время увеличивается.

Основная ошибка теории выравнивания заключается в игнорировании основного деления современного хозяйства на страны с высоким уровнем капиталистического развития и страны колониальные. В силу неравномерности капиталистического развития может резко меняться соотношение сил внутри капиталистической верхушки: на равных эпохах капитализма в отдельных случаях могло иметь место и превращение колониальной страны (или полуколониальной) в самостоятельную страну с высоким уровнем капиталистического развития, но в целом пропасть, отделяющая империалистические центры и колониальную периферию, все растет. Несмотря на неравномерный рост отдельных капиталистических предприятий, несмотря на то, что отдельные пролетарии в исключительных случаях выбиваются „в люди“ и становятся предпринимателями,—развитие капиталистического хозяйства в целом неизбежно ведет к неуклонному углублению социального расслоения. Совершенно такую же картину мы видим в мировом капиталистическом хозяйстве в отношениях между странами и районами.

Мы несколько задержались на этом вопросе для того, чтобы показать, сколь недостаточно он разработан, несмотря на то, что он

⁴ „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, 3 Aufl., Berlin. 1930.

представляет исключительный теоретический интерес в то же время и громадное практическое значение для революционной практики. Конечно само по себе указание на растущий разрыв уровней производительных сил недостаточно. Наряду с этой наиболее общей закономерностью конкретный экономический анализ должен выявить ряд иных. И только тогда будет сделан первый крупный шаг на пути к пониманию современного размещения производства и географического разделения труда.

Основной порок буржуазных теорий штандорта и их полная непригодность для объяснения современной конкретной действительности вытекает из лежащего в основе их предположения, будто капиталистическое производство размещается рационально (хотя бы с частнокапиталистической точки зрения). Критерием рациональности является величина издержек производства. Там, где в силу природно-географических и социальных условий могут быть достигнуты минимальные издержки производства, там сосредоточивается соответственное производства⁵.

В действительности дело обстоит несколько иначе. При монополистическом капитализме различие в издержках производства далеко не всегда определяет размещение производства и лежащую в основе его систему географического разделения труда. Демпинг—вот типичная форма международной торговли в наше время, приводящая сплошь и рядом к победе районов и стран с высокими издержками производства над районами и странами с низкими. Но дело не только в демпинге.

В австралийском парламенте представители местной буржуазии неоднократно возмущались тем, что Австралия закупает черный металл по чрезвычайно высоким ценам в Англии, в то время как владельцы металлообрабатывающих заводов в самой Англии предпочитают покупать дешевый чугун и сталь на континенте. Но как ни вызывают австралийские парламентарии к теории минимальных издержек, эта последняя им помочь не может. И Австралия попрежнему продолжает покупать дорогую английскую сталь, поддерживая этим систему географического разделения труда, противоречащую всякой рациональности, но зато соответствующую интересам английского капитала. Еще более яркие примеры в этом отношении дает Индия. Ее сталелитейные и паровозо-вагоно-строительные заводы закрываются один за другим, а заказы на оборудование для индийских железных дорог передаются английским заводам, которые выполняют эти заказы по более высоким ценам. Таких примеров можно привести сколько угодно. Они характеризуют не какие-либо исключительные явления, а факты, типичные для современного хозяйства.

⁵ В качестве примера мы можем указать на крупнейшего представителя буржуазной экономической географии в СССР—А. Рыбникова, по мнению которого географическое разделение труда „осуществляется на основе хозяйственного расчета, стимулирующего снабжение потребительских рынков продуктами из местностей, отличающихся наиболее низкими производственными и транспортными издержками“. (А. Рыбников, Основные вопросы экономической географии, М. 1930, с. 9). К сожалению, аналогичные утверждения часто попадаются и в марксистских работах. По существу на этой же позиции стоит и Н. Бухарин, когда он основу географического разделения труда и обмана видит в различии издержек производства, в различии индивидуальных (для каждой страны) ценностей, которые в международном обмене сводятся к общественно-необходимому труду в мировом объеме. Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм. СПб. 1922, с. 9).

Но империалистические страны не только всемерно препятствуют развитию обрабатывающей промышленности в зависимых и прежде всего в колониальных странах. Они в то же время форсируют там развитие ряда сырьевых отраслей для того, чтобы обеспечить дешевым сырьем свою промышленность. И с этой стороны географическое разделение труда не подчиняется рациональным теориям штандорта и осуществляется вопреки интересам самих колоний исключительно на основе экономического и внешнеэкономического давления метрополий. Англия принуждает египетских и суданских феллахов заменять все прочие отрасли их хозяйства хлопком, США форсируют создание каучуковых плантаций в Бразилии и Либерии не потому, что эти страны имеют для такой специализации наиболее благоприятные условия, а потому, что и Англия и США стремятся обеспечить себя во всех важнейших отраслях своим сырьем, добываемым в своих колониях. Ибо в условиях монополистического капитализма только этот путь обеспечивает экономическое могущество, а вместе с тем и высокую прибыль.

В рамках данной статьи мы не можем останавливаться на всех тех средствах, в результате применения которых создается указанная „иррациональная“ система географического труда. Для нас важно было лишь подчеркнуть всю вздорность теорий о рациональном размещении капиталистического производства, о тех благих последствиях, которые несет для всех географическое разделение труда. В настоящее время нет ни одной экономической категории, которая бы не отражала противоречий современного капитализма. И географическое разделение труда в этом отношении не является исключением.

В еще большей степени это относится к современному товарообмену. В основе товарообмена лежит географическое разделение труда, специализация отдельных стран и районов. Но специфическая особенность капитализма заключается в том, что он отрывает товарообмен от этой его основы.

Уже Роза Люксембург, борясь с „закостеневшей схемой мирового товарообмена, которой оперируют проф. Бюхер и большинство его коллег“⁶, обратила внимание на то, что во внешней торговле развитых капиталистических государств (в частности в Германии) ввоз и вывоз одних и тех же товаров занимает значительное место. Отчасти это бывает связано с различным направлением ввоза и вывоза. Англия напр. (как уже указывалось) ввозит чугун и сталь из Германии, Бельгии, Франции, а вывозит свои железопродукты в колонии и доминионы. Однако если проанализировать состав внешней торговли между любыми двумя капиталистическими государствами, то и здесь нетрудно выявить значительные встречные товаропотоки одних и тех же товаров. Так, в 1929 г., по данным статистики специальной внешней торговли Франции⁷, ввоз во Францию из Германии составил 6 620 млн. фр., а вывоз из Франции в Германию—4 732 млн. фр. Если же выделить из этих цифр встречные потоки одних и тех же товаров, то они составят около 1,5—2 млрд. фр. в каждую сторону, т. е. от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всего товарооборота между этими странами. Крупнейшие встречные статьи приведены в следующей таблице:

⁶ Люксембург Р., Цит. соч., с. 68.

⁷ „Statistique mensuelle du commerce extérieur de la France“, 1929, № 12, p. 324—27.

Ввоз во Францию из Германии (А)		и вывоз из Франции в Германию		(В) в 1929 в млн. франков		
Товарные группы	А	Б	Товарные группы	А	Б	
Кожи и шкуры необра- ботанн.	74,6	205,7	Лесоматериалы	165,4	21,3	
Кожи обраб. и кож. из- делия	136,6	171,7	Мебель и др. дерев. из- делия	47,2	32,5	
Меха	209,2	71,5	Бумага и картон	199,8	12,8	
Шерсть	36,6	309,8	Уголь	1 390,7	160,4	
Хлопок	76,6	47,0	Железо и сталь	89,7	635,4	
Шелк (и охлопки)	10,7	54,1	Медь	121,3	20,3	
Ткани бумажные, шерст. и шелковые	145,3	349,0	Двигатели	1 031,8	72,8	
Галантерея	34,4	30,9	Машинные части	284,2	225,0	
Жемчуг	21,6	54,6	Металлоизделия	390,2	225,0	
Керамика, стекло, хру- сталь	119,4	98,1	Гудрон, асфальт	67,7	9,1	
Краски	70,7	34,2	Строит. материалы	81,3	32,1	
Парфюмерия и мыло . . .	18,2	29,6				
				Итого по указанным статьям .	4 823,3	2 743,3
				Весь оборот	6 620,4	4 732,1

Совершенно ясно, что значительная часть этих громадных встречных потоков однородных товаров никакого рационального основания не имеет и в непосредственной связи со специализацией стран, с географическим разделением труда между ними не находится. Мы видим здесь, как, несмотря на высокие таможенные барьеры и прочие препятствия, создаваемые современными государствами для искусственного разделения национальных хозяйств, осуществляется единство мирового рынка. Но оно осуществляется в свойственных капитализму противоречивых формах, в виде ожесточенной борьбы капиталистов в с е х странах за к а ж д ы й участок мирового рынка.

Если иррациональность капиталистического товарооборота ярко выявляется в международных отношениях, то неизмеримо большее значение имеют встречные однородные товаропотоки во внутренних междурайонных отношениях любой капиталистической страны. В этом нетрудно убедиться при просмотре данных транспортной статистики. А пролетариат СССР с этим столкнулся и в своей практической строительной работе. В унаследованной им от капитализма организации народного хозяйства встречные грузопотоки имели чрезвычайно широкое распространение и поглощали немалое количество народного труда, без всякой нужды загромождая транспорт. Сколь значительная экономия получается от первых же мероприятий по рационализации товаропотоков, видно из того, что проводящее эту работу акц. об-во „План перевозок“ действует на хозрасчете, и использование его услуг оказывается коммерчески выгодным для хозорганов.

Общеизвестно, что одной из первых мер, которые пытаются проводить капиталистические монополии, является районирование сбыта, рационализация товарораспределения по территории. И именно здесь особенно ярко выявляется органическая неспособность капитализма преодолеть разъедающие его противоречия, приостановить бессмысленное расходование громадных масс труда. Это в одинаковой степени выявляется как в отношениях между целыми странами, так и внутри отдельных стран, и это служит лучшим доказательством вздорности всяких теорий „организованного капитализма“.

Возьмем для примера автомобильную промышленность—отрасль, в которой процесс концентрации и монополистической организации зашел наиболее далеко. Производство, вывоз и ввоз автомобилей в 1928 г. составляли (в тыс. штук) ⁸:

Страны	Производство	Вывоз	Ввоз
США . . .	4 358,7	515,8	0,6
Канада . .	242,4	79,4	40,2
Англия . .	212,0	32,8	32,9
Германия .	137,2	7,9	18,0
Франция .	210,0	44,1	9,6
Италия . .	55,0	28,3	5,7

За исключением США, все остальные страны, являющиеся крупными производителями и экспортерами автомобилей, сами в свою очередь ввозят значительное их количество. Общая сумма ввоза автомобилей в перечисленные страны составляет 107 тыс. шт., поглощая 15% всего количества их, поступающего на мировой рынок.

В сводке Дрезденского банка, из которой заимствованы приведенные цифры, имеются аналогичные данные и по другим важнейшим отраслям промышленности: химической, электротехнической, машиностроительной и т. д. И все они показывают то же самое, выявляя чрезвычайно сложный и в то же время противоречивый характер капиталистического товарооборота, отражающего не только размещение производства, но и характерную для капиталистического хозяйства всеобщую борьбу за рынки, приводящую к бессмысленным встречным потокам однородных товаров.

ОТНОШЕНИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Говоря выше об отрыве капиталистического товарообмена от лежащего в основе его географического разделения труда, мы до сих пор имели в виду лишь товарообмен в точном смысле этого слова, двухсторонние или встречные потоки взаимно обмениваемых товаров. Правда, в современном хозяйстве, основанном на денежном обращении и на охвате разделением труда многих стран и районов, покупки (ввоз) и продажи (вывоз) географически часто не совпадают. Если страна А стране В много пропадает, мало у нее покупая, а стране С наоборот мало продает, много у нее покупая, и если при этом страна С соответственно больше покупает у В, чем продает ей, то при таком положении общая сумма покупок и продаж каждой страны должны сбалансироваться, товарообмен хотя и усложнится, но не потеряет своего двухстороннего характера. Несмотря на то, что в современном хозяйстве географическое разделение труда имеет чрезвычайно сложный характер, связывая воедино массу стран и районов и тем самым создавая в высшей степени запутанную систему товаропотоков, сущность самого разделения труда от этого не меняется. Если бы все страны и районы были связаны между собой только разделением труда, то ввоз и вывоз каждой страны и каждого района были бы равны между собой (по стоимости). В действительности же этого нет. Ввоз и вывоз почти всех стран и районов значительно расходятся. Это значит, что наряду с географическим разделением труда, создающим двухсторонние товаропотоки, между странами и районами существуют какие-то иные отношения, выражающиеся в односторонних потоках товаров.

⁸ См. цитированную сводку Дрезденского банка, с. 146—147.

Среди таких отношений наибольшее значение имеет эксплуатация трудящихся классов одних стран эксплуатирующими классами других. Уже Р. Люксембург показала, как отражаются в международной торговле отношения эксплуатации.

„Как может... народное хозяйство совершить такой фокус и ввозить длительно из-за границы больше, чем оно вывозит из своих „излишков“?... Длительно получать из других стран больше продуктов, чем отдавать им из собственных продуктов, может, очевидно, лишь такая страна, которая имеет по отношению к этим странам экономические притязания, весьма отличающиеся от обмена между равными контрагентами... Великобритания получает ежегодно из своей самой крупной колонии—Британской Индии—свыше 1 млрд. марок дани в самых различных формах. И соответственно этому мы видим, что товарный вывоз Индии ежегодно на 1,2 млрд. марок превышает ее ввоз. Этот „излишек“ есть не что иное, как экономическое выражение колониальной эксплуатации Индии английским капитализмом“⁹.

По сводке т. А. Мухарджи (относящейся к 1921/22 г.) „регулярные вычеты из индийского национального дохода“ в пользу иностранцев составляли¹⁰:

Платежи, посылаемые в Англию (имперская дань) . . .	—475 млн.	рупий
Проценты на вложенный в Индию иностранный капитал—700	700	”
Банковские и иные комиссии	150	”
Частные посылки европейцев	532	”
Итого	1 857 млн.	рупий

Эта сумма вместе с доходами, получаемыми в Индии иностранными транспортными предприятиями (417 млн. рупий), значительно превышает активное сальдо торгового баланса Индии. Это объясняется главным образом тем, что часть прибавочной стоимости, присваиваемой иностранным капиталом, не вывозится из Индии в виде материальных стоимостей, а вновь инвестируется в самой стране, представляя собой как бы импорт нового капитала (а отчасти и фактически происходит ввоз нового капитала).

Анализ платежных балансов большинства современных государств показывает, что географическое перемещение прибавочной стоимости из эксплуатируемых стран по размеру значительно превышает перемещение вновь инвестируемых за границей капиталов.

Англия до войны была крупнейшим экспортером капитала. Размеры ее экспорта капитала, а также сумма прибылей, получаемых английским капиталом за границей, составляли (в млн. ф. ст.)¹¹:

⁹ См. Люксембург Р., цит. соч. с. 78—79.

¹⁰ Приводимые в тексте цифры далеко не исчерпывают всех форм эксплуатации Индии, ибо они не охватывают эксплуатацию этой страны на основе неэквивалентного обмена (что учесть крайне трудно), стоимость содержания государственного аппарата, функционирующего прежде всего в интересах английского капитала (общая тяжесть налогового бремени достигла 3 021 млн. рупий, одни только военные расходы и полиция поглощали почти 1 млрд. рупий), заработок европейских служащих, находящихся в привилегированном положении (250 тыс. европейских служащих получают 1,3 млрд. рупий жалованья в то время, как 4 080 тыс. индусских—1,8 млрд. рупий) и т. д.

¹¹ См. Гобсон, Экспорт капитала.

Показатели	1881—85	1886—90	1891—95	1896—900	1901—05	1906—10
1. Доходы от зарубежных инвестиций.	56,0	82,1	90,1	96,4	109,2	147,1
2. Экспорт капитала.	29,9	70,9	33,6	28,5	27,6	127,1
3. Пассивное сальдо торгового баланса.	99,1	88,3	132,9	159,4	178,0	144,9

В течение всего охваченного таблицей периода доход, получаемый Англией от прежде вывезенных ею капиталов, превышал новые ее вложения за границей. Значительная часть этого дохода шла, таким образом, в потребительский фонд английской буржуазии, раздувая пассивное сальдо торгового баланса страны. После мировой войны паразитический характер английского капитализма выявился еще более резко ¹²:

Показатели	1913	1925—27	1928	1929
Доход от зарубежных инвестиций.	210	263	285	285
Экспорт капитала.	198	113	143	94
Пассивное сальдо торг. баланса	158	418	358	366

Еще более показательны данные по США, которые до войны были крупнейшим импортером капитала, а затем превратились в крупнейшего экспортера ¹³:

Годы	Выплата и поступление процентов и дивидендов (сальдо)	Ввоз—вывоз капитала (сальдо)	Сальдо торг. баланса
(В миллионах долларов в среднем за год)			
1850—71	—38	+ 42	— 16
1874—95	—85	+ 45	+ 108
1896—914(30/VI)	—164	+ 54	+ 491
1914(I/VII)—1918	+144	—2 409	+2 395
1919—24	+235	— 667	+1 647
1925—28	+653	— 576	+ 469

В течение последних 40 лет до мировой войны ввоз капитала в США был меньше, чем выплата ими процентов и дивидендов на уже инвестированные в стране иностранные капиталы. Во время мировой войны и в первые послевоенные годы США развернули громадный экспорт капитала (включая реэкспорт) при помощи выбрасывания в Европу значительных товарных масс. В последующий период экспорт капитала из США продолжается, но уже в настоящее время он перекрывается теми процентами и дивидендами, которые эта крупнейшая капиталистическая страна получает из-за границы. Таким образом в условиях всеобщего кризиса капитализма США быстро пределали путь превращения в паразитическое государство рантье. Таковы данные по двум крупнейшим капиталистическим странам. Выше были приведены данные и по крупнейшей колонии—Индии. Мы не будем приводить данных по другим странам, т. к. они в большинстве случаев показывают по существу то же самое.

Все имеющиеся цифровые данные, несмотря на явную фальсификацию их, сознательно проводимую официальными статистическими органами буржуазных государств, дают яркую картину роста отношений эксплуатации в современном капиталистическом хозяйстве. М а с с ы

¹² Составлено по публикациям Board of Trade.

¹³ По сводной работе Горвардского экономического бюро, а за последние годы по публикациям департамента торговли.

¹⁴ Включая продажу судов и ввоз и вывоз благородных металлов.

прибавочной стоимости, извлекаемой сильнейшими империалистическими хищниками из стран, им подчиненных, все в большей степени превращают обратный поток ценностей, связанный с экспортом капитала¹⁵. В мировом капитализме все резче выступают паразитические черты. Здесь именно заложены корни все обостряющегося противоречия между метрополиями и колониями, между империалистическими центрами мирового хозяйства и эксплуатируемой ими периферией.

Формы, в которые выливаются отношения эксплуатации в современном капиталистическом хозяйстве, чрезвычайно многообразны. Совершенно не поддается никакому учету, но несомненно достигает колоссальных размеров эксплуатация отсталых стран развитыми на основе неэквивалентного обмена. Торговля с колониями и вообще с отсталыми странами с самых первых ее шагов тесно переплеталась с открытым грабежом. По существу и в настоящее время ничего не изменилось в этом отношении.

Другие формы эксплуатации, выявление и изучение которых значительно легче, в основном сводятся к двум типам: а) получение за границей прибыли в результате предшествовавшего вывоза туда капитала и б) эксплуатация, основанная на непосредственном экономическом принуждении. Роль этой последней формы эксплуатации обычно недооценивается. Между тем в экономике колониальных стран (что отчасти видно из вышеприведенных данных об Индии) непосредственная эксплуатация, не связанная с экспортом капитала, имеет чрезвычайно большое значение. Иностранные капиталы, инвестированные в Индии, по видимому в полтора раза меньше, чем в Австралии, и раза в два меньше, чем в Канаде. Суммы же прибавочной стоимости, извлекаемой империалистами из Индии, по видимому, значительно больше, чем из Австралии, и вряд ли меньше, чем из Канады. Объяснение этих фактов следует искать в прямом грабеже Индии английским капиталом, с одной стороны, и исключительно высокой норме прибыли, получаемой в Индии иностранным капиталом, что в свою очередь также связано с внеэкономическим давлением.

Мировая война 1914-1918 гг. внесла колоссальные пертурбации в процесс распределения выколачиваемой из мирового пролетариата прибавочной стоимости. Ежегодная выплата Германией 2,5 млрд. марок репараций—такова форма эксплуатации германского пролетариата (а отчасти и экспроприации мелкой буржуазии) иностранным капиталом, эксплуатации, основанной исключительно на силовом давлении и ни с каким импортом капитала не связанной. Перераспределение прибавочной стоимости на основе так наз. междусоюзнических долгов имеет по существу такую же природу.

¹⁵ Приблизительные подсчеты, основанные на официально публикуемых платежных балансах, позволяют думать, что чистый ежегодный экспорт капитала из всех важнейших экспортных стран не превышает 2 млрд. долл. (Главными экспортными странами являются США и Англия, данные по которым приведены в тексте). Обратный поток прибавочной стоимости по видимому в 1½—2 раза превышает указанную сумму экспорта капитала (одна Англия получает ежегодно из-за границы за покрытием встречных платежей 1,4 млрд. долл. от своих долгосрочных вложений и 0,3 млрд. долл. от краткосрочных вложений в виде комиссий, США получают из-за границы процентов и дивидендов на 0,7 млрд. больше, чем сами платят; если прибавить сюда получение процентов и дивидендов Францией и рядом мелких европейских стран, а также получение из-за границы всех иных форм прибавочной стоимости, то получится сумма в 3—4 млрд. долл.).

Эксплоатация в различных ее формах, таким образом занимает весьма существенное место в международных и междурайонных отношениях в современном капиталистическом хозяйстве, выражаясь в многообразных перемещениях прибавочной стоимости. Было бы однако в корне неправильно думать, будто перенесение отношений эксплуатации на международную (и междурайонную) арену приводит к смягчению классовых противоречий внутри отдельных стран и районов. Дело обстоит обычно как раз наоборот. Вовлечение отсталых стран в сферу влияния империалистических держав, превращение первых в колонии, эксплуатируемые вторыми, всегда форсирует социальное расслоение как в тех, так и в других. То, что получение добавочных прибылей из-за границы усиливает социальную дифференцию в получающих странах,—это факт, подтверждаемый экономической историей любой империалистической страны. Этому отнюдь не противоречит и повышение заработной платы (подкуп) верхушки рабочего класса, так наз. рабочей аристократии, имеющее целью заинтересовать последнюю в колониальной политике. Подавляющее большинство пролетариата от этого ничего не получает, и, наоборот, отвлечение капиталов за границу и связанное с этим замедление накопления в стране ухудшают в ней условия продажи рабочей силы. Столь же несомненно развитие отношений эксплуатации и усиление классовой дифференциации в странах эксплуатируемых. При этом в колониальных странах внедрение иностранного капитала не только форсирует развитие капиталистической эксплуатации, но усиливает и всевозможные докапиталистические формы эксплуатации (об этом см. ниже).

КОЛОНИЗАЦИЯ, ЭКСПОРТ КАПИТАЛА, БОРЬБА ЗА СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ

Наряду с географическим разделением труда и эксплуатацией в числе важнейших форм связи между различными странами и районами нами был указан процесс перенесения элементов производства из одной страны в другую, или, короче говоря, процесс колонизации.

Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами... Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение (рабочих и средств производства), различает отдельные экономические эпохи¹⁶. Колонизация и представляет собой перемещение из одного района в другой рабочих и средств производства, соединенных тем или иным способом, свойственным данной системе производства.

Строй мелких товаропроизводителей характеризуется соединением рабочей силы семейной ячейки с принадлежащими ей средствами производства. Перемещение мелкого товарного хозяйства (напр. мелкого крестьянского хозяйства) происходит в виде переселения семьи, перевозящей вместе с собой и принадлежащие ей средства производства. В зависимости от степени развития рыночных отношений перевозка средств производства *in natura* может заменяться продажей их на месте выезда, перевозкой или переводом вырученной суммы и покупкой новых средств производства на месте вселения. Но от этого сущность рассматриваемого явления не меняется. И в этом случае происходит одновременное перемещение и рабочей силы и материальных условий производства.

¹⁶ Маркс К., Капитал, т. II, с. 10, М.—Л. 1929.

Современная статистика эмиграций не уделяет внимания социальной характеристике переселяющихся. В одной из работ известного экономиста Вайнера имеется попытка определения тех сумм, которые привозили с собой эмигранты, приезжавшие в Канаду до мировой войны. Его подсчеты могут быть сведены в следующую таблицу¹⁷:

Иммиграция в Канаду в 1900—1913 (всего):

Группа иммигрантов	Число иммигрант. в тыс.	Привезено ими в тыс. долл.	В среднем на 1 иммигранта в долл.
Из США: фермеры и с.-х. рабочие	517,3	258,7	500
прочие	476,4	47,6	100
„ стран: прибывшие I-м классом	60,1	30,1	500
приб. низшими классами из Англии	1 112,5	53,6	50
приб. „ „ „ др. стран.	792,9	19,8	25
	2 959,2	411,8	139

Эти данные весьма сомнительны в смысле точности и явно неудовлетворительны с точки зрения принципа классификации. Но они все же позволяют сделать несколько выводов:

а) брать за одни скобки фермера, перебирающегося в Канаду из США и привозящего с собой некоторый „капитал“, и пролетариев, приезжающих из Европы с пустыми карманами, это значит отрезать себе путь к пониманию значения современных миграционных потоков;

б) суммы, привезенные эмигрантами в Канаду в начале XX в., в целом представляли собой солидную величину (импорт капитала в Канаду за тот же период превысил их лишь в 6 раз, составив 2 506,4 млн. долл.).

Еще более показательны в этом отношении данные по США. Сюда иммигранты привезли за 1821—73 гг. 416 млн. долл., а импорт капитала в тот же период составил 1 165 млн. долл.¹⁸ Для последнего периода исследователи платежного баланса США не показывают сумм, привезенных иммигрантами. Это связано, очевидно, с изменением социального состава иммиграции: мелкобуржуазная иммиграция во второй половине XIX века сменяется преимущественно пролетарской.

Капиталистическое производство отличается от мелкобуржуазного тем, что в нем средства производства отделены от рабочего. В связи с этим расщепляется надвое и процесс колонизации, процесс перемещения капиталистического производства. Он разделяется на два самостоятельных процесса: перемещение капитала и перемещение пролетариев—носителей рабочей силы. Так же, как и при перемещении средств производства, принадлежащих мелкому производителю, перемещение капитала или выливается хотя бы отчасти в форму перевозки средств производства из одной страны в другую (напр. постройка австрийских железных дорог на английские капиталы и из материалов, привезенных из Англии), или же происходит в форме перевода денежной суммы, которая на месте обменивается на средства производства (напр. покупка акций и облигаций уже существую-

¹⁷ См. J. Viner, *Canada's balance of international indebtedness, 1900—13*, Cambridge 1924.

¹⁸ См. уже упомянутую работу Горвардского экономического бюро: Bullock C. Y., Williams J. N. and Tucker R. S., *The balance of trade of the U. S.* „The Review of economic statistics“, 1919.

щих за границей предприятий или постройка новых предприятий, но из местных материалов или из материалов, привезенных из третьей страны. В обоих случаях мы имеем дело в основном с явлениями одного и того же порядка. Гораздо существеннее различие другого рода: остается ли владелец перемещенного капитала в той стране, где прежде находился его капитал, или он переезжает вместе со своим капиталом. Во втором случае импортированный капитал быстро акклиматизируется, превращаясь в туземный капитал, но никаких новых отношений между страной, экспортировавшей, и страной, импортировавшей капитал, не возникает. В первом случае прибыль, приносимая ввезенным капиталом, вывозится на родину последнего полностью или частично. Но даже в том случае, когда эта прибыль присоединяется к первоначальному капиталу и т. о. остается для накопления на месте, это приводит к увеличению внешней зависимости импортировавшей капитал страны, к увеличению суммы ее „обязательств перед заграницей“¹⁹.

Разрыв между перемещением капитала и перемещением рабочей силы в капиталистическом хозяйстве идет настолько глубоко, что каждый из этих двух процессов получает совершенно самостоятельный характер. Повсеместное наличие при капитализме резервной армии труда и аграрного перенаселения приводят к тому, что перемещение рабочей силы в капиталистическом хозяйстве не получает такого развития, как перемещение капитала (это является результатом и ряда других факторов), а вместе с тем не совпадают и направления этих двух потоков. Можно привести много примеров, когда страна, экспортирующая капитал, не экспортирует рабочую силу (Франция), или наоборот, страна, экспортирующая рабочую силу, не экспортирует капитал (страны южной Европы). Можно привести вместе с тем примеры того, как страны, ввозящие капитал, почти или совершенно не ввозят рабочей силы (дореволюционная Россия²⁰, современная Германия).

Послевоенный период разложения всей капиталистической системы наряду с обострением всех других противоречий характеризуется и углублением указанного выше разрыва между перемещением капитала и перемещением рабочих: экспорт капитала происходил чрезвычайно усиленным темпом, в то время как иммиграционные потоки значительно сократились. И то и другое связано с общим резким замедлением роста капиталистического производства, с необычайным обострением борьбы за сферы наиболее прибыльного вложения капитала, с одной стороны, и повсеместным созданием обширной резервной армии пролетариата, с другой.

¹⁹ Гильфердинг, а за ним и другие экономисты (напр. Спектатор) понятие экспорта капитала распространяют лишь на те случаи, когда владелец не переезжает вместе со своим капиталом, те же случаи, когда не только капитал, но и владелец его переезжает, называет денационализацией капитала. Мы сомневаемся в целесообразности такой терминологии, т. к. в экономической действительности разграничение этих двух форм перемещения капитала часто бывает провести невозможно.

²⁰ Дореволюционная Россия, так же как и другие отсталые страны, благодаря аграрному перенаселению была с лихвой обеспечена неквалифицированной рабочей силой. Но квалифицированную рабочую силу, необходимую для организации капиталистического производства, Россия сама воспроизводить полностью не могла. Наиболее квалифицированную верхушку рабочего состава, так же как и капитал, она ввозила с Запада.

Поскольку в современном мировом хозяйстве капиталистические отношения являются господствующими, постольку и колонизационные процессы в нем происходят преимущественно в капиталистической форме—миграции рабочих, с одной стороны, и перемещения капитала—с другой. Но поскольку наряду с господствующими капиталистическими отношениями еще сохраняются пережитки докапиталистических формаций, постольку и колонизация часто принимает иной характер. Мы уже останавливались выше на перемещении мелкобуржуазных форм хозяйства. В частности переселение мелкого крестьянства как внутри отдельных стран, так и из одной страны в другую, происходит и в настоящее время в сравнительно широких размерах. Наряду с хозяйством мелких товаропроизводителей главным образом в колониях еще широко сохранились остатки докапиталистических форм эксплуатации — феодально-крепостнической, рабовладельческой и т. д. Перевозка несвободных или полусвободных рабочих, напр. законтрактованных кули, в экономике современных колоний занимает весьма видное место. Достаточно вспомнить те методы, при помощи которых происходит доставка рабочей силы на строящиеся в колониях железные дороги, на вновь учреждаемые плантации и рудники. В качестве наиболее свежего примера можно указать хотя бы на те формы, в которых происходит в настоящее время снабжение рабочей силой широко развертываемых американским капиталом каучуковых плантаций в Либерии. Необходимо однако отметить, что перевозка и использование несвободных рабочих имеет место не только в колониях. Можно указать хотя бы Японию, где работа текстильных предприятий Осаки и других промышленных районов основана не на свободном притоке рабочих, а на доставке агентами из районов наиболее сильного аграрного перенаселения партий девушек, купленных у их родителей и на годы заключаемых в полутюремные условия.

Крупнейшим поставщиком полусвободной рабочей силы в настоящее время является Китай. Но интересно отметить, что Китай является поставщиком и других элементов докапиталистической системы эксплуатации — торгово-ростовщического капитала. Во всех странах южной и юго-восточной Азии (в Индокитае, Сиаме, Индонезии и даже отчасти Индии) а также в Вест-Индии ростовщиками и торговцами являются обычно китайцы²¹. Экспортерами ростовщического капитала является однако не только Китай. Когда российские крепостники при посредничестве своего государства или своих банков получали займы у французских ростовщиков, а суммы, необходимые для оплаты этих займов, выколачивали при помощи отработков из „своих“ крестьян, разве это было не явление такого же порядка? А когда английский капитал через созданные им в Индии ипотечные банки финансирует индийских помещиков и магараджей и таким образом приобретает право на долю прибавочного продукта, извлекаемого последними, разве это не то же самое?

Когда отсталые колониальные и полуколониальные страны вовлекаются в сферу влияния высоко развитых капиталистических стран, это приводит в отсталых странах не только к развитию капиталистических отношений, капиталистического производства, основанного на эксплуатации „свободных“ пролетариев, но и к „усугублению докапиталистических методов эксплуатации путем закаба-

²¹ См: Мадьяр Л., Экономика сельского хозяйства в Китае, М.-Л. 1928, с. 234.

ления крестьянского хозяйства под иго бурно развивающегося торгового ростовщического капитала, и усиления налогового бремени и т. д. и т. д.²² С этим связано и то, что ввезенный в колонии капитал „вливается здесь преимущественно в сферу торговли, функционирует главным образом в качестве ростовщического ссудного капитала“²³. Только при упрощенно оппортунистическом представлении о современном мировом хозяйстве можно думать, что связь между развитыми и отсталыми странами исчерпывается перенесением из первых в последние капиталистических отношений. В действительности эта связь приводит к консервированию и усилению в отсталых странах всех форм докапиталистической эксплуатации, а иногда даже к созданию новых форм (пример—насаждение английским капиталом помещичьего землевладения в ряде районов Индии, там, где до этого земля принадлежала крестьянам).

В экономической литературе принято различать экспорт промышленного и ссудного капитала. Но это деление по формам капитала менее важно, чем деление экспорта капитала, исходящее из того, во что вкладывается экспортируемый капитал, в каких хозяйствах будет создана прибавочная стоимость, в погоне за которой капитал эмигрировал. Будут ли эти хозяйства капиталистическими, или же речь идет о докапиталистических формах эксплуатации мелких производителей? Это разграничение особенно важно для правильного понимания основ колониальной политики современного империализма.

Мы видим таким образом, сколь различные формы может принимать и фактически принимает процесс колонизации— процесс перемещения элементов производства в современном капиталистическом хозяйстве. Для правильного понимания тех сдвигов, которые происходят в современном хозяйстве, далеко недостаточен голый количественный учет перемещения людей и средств производства (капиталов). Необходимо учитывать тот уровень производительных сил и ту систему производственных отношений, которые перемещаются вместе с людьми и вещами (а иногда и без них). Роль европейской колонизации в экономическом развитии Сев. Америки определялась не только тем, что туда было доставлено определенное количество людей и материальных ценностей, но и тем, что Европа эксплуатировала в Америке высокий уровень производительных сил—высокую технику, высокую квалификацию рабочей силы, с одной стороны и развитые капиталистические отношения,—с другой. Только учтя все эти моменты, можно объяснить рекордные американские темпы. Основное различие между двумя типами зависимых стран, сформулировано в резолюциях VI Конгресса Коминтерна, связано прежде всего с тем, что в одних странах хозяйство складывалось под влиянием чисто капиталистической колонизации, в других же на основе сохранения докапиталистических форм производства и их подчинения финансовому капиталу метрополии²⁴.

Подобно тому как перемещение товаров в капиталистическом хозяйстве отрывается от своей основы—географического разделения труда, перемещение капиталов также перестает служить только колониационным целям—заполнению капиталом недостаточно насыщен-

²² Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. 6, М.—Л 1929, с. 129.

²³ Там же, с 133.

²⁴ Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. 6, М.—Л. 1929.

ных им стран и районов. Экспорт капитала является в настоящее время важнейшим средством монопольного подчинения капиталистически отсталых стран, с одной стороны, и подрыва монополии конкурирующих группировок—с другой. Экспорт капитала в различных его формах обычно обеспечивает владельцам этого капитала целый ряд преимуществ в импортирующей стране—по линии сбыта товаров, приобретения сырья, участия во внеэкономической эксплуатации основных масс населения и т. д. Поэтому неправильно связывать экспорт капитала и исключительно с разницей в норме прибыли, как это делают многие экономисты. В условиях монополистического капитализма мощные капиталистические группировки часто вкладывают капитал в предприятия и районы, не обеспечивающие повышенной и даже обычной прибыли, подобно тому, как они часто продают товары по пониженным, а иногда даже убыточным ценам. И экспорт капитала, и экспорт товаров могут быть недостаточно прибыльны, или даже убыточны сами по себе, но в то же время повысить прибыль, получаемую экспортирующей организацией в других охваченных ею сферах. Одно из противоречий современного капитализма и заключается в том, что в погоне за повышением общей массы прибыли, капиталистические группировки вкладывают часть своего капитала в предприятия, заведомо убыточные, или во всяком случае недостаточно прибыльные.

К числу мало прибыльных предприятий относятся многие из колониальных железных дорог, являющихся важнейшей сферой вложения экспортируемых капиталов. „Постройка железных дорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения миллиарда людей (колонии плюс полуколонии)“²⁵.

Только учтя все эти тысячи нитей, связывающих экспорт капитала со всеми иными средствами политики монополистического капитала (а не только различие в нормах прибыли в различных районах), можно полностью понять это явление. Только учтя это, можно объяснить и те встречные капиталопотоки, которые занимают значительное место во взаимоотношениях капиталистических стран и которые во многом аналогичны вышеохарактеризованному встречным товаропотокам.

Чрезвычайное обострение борьбы монополистических группировок за сферы влияния в условиях общего кризиса мирового капиталистического хозяйства значительно усилило встречные капиталовложения. Это подтверждается данными об иностранных инвестициях по любой капиталистической стране. Мы можем сослаться хотя бы на интересно подобранный материал о проникновении американского капитала в Англию и обратно—английского капитала в американскую промышленность (гл. обр. нефтяную) в известной книге Денни об англо-американском соперничестве²⁶.

²⁵ Ленин В. И., Соч., 3-е изд., том XIX, с. 74.

²⁶ Денни Л., Америка побеждает Британию, М.—Л. 1930.

* * *

Географическое разделение и борьба за рынки сбыта, эксплуатация, перемещение элементов производства и прежде всего перемещение капитала, связанное с борьбой за сферы влияния,— таковы основные типы экономических отношений в современном капиталистическом хозяйстве. Все остальные формы связи легко могут быть сведены к этим основам. Современная торговля — перемещение товарных масс, может скрывать за собой любой из указанных типов отношений. Международные (и междурайонные) кредитные отношения или бывают связаны с товарообменом или же представляют собой экспорт капитала и т. д. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что экономические отношения всех трех типов тесно связаны между собой и все они тесно связаны с политическими отношениями. Для того, чтобы получить полное представление о связях между отдельными частями современного хозяйства, недостаточен анализ отдельных типов этих связей. Необходима еще синтетическая характеристика всей совокупности экономических (и политических) отношений, увязанная с разделением современного капиталистического хозяйства на части, на типы стран и районов. Но это уже тема для другой статьи ²⁷.

²⁷ Размеры статьи не позволили нам остановиться на роли политической надстройки и ее влиянии на экономические отношения. В связи с этим остался не освещенным и вопрос об отличиях междугосударственных экономических отношений от экономических отношений междурайонных — внутри отдельных государств.

ФОРМУЛЫ СХЕМ ПРОСТОГО И РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

В 1923 г. в журнале „Под знаменем марксизма“ (№ 4-5, с. 245) помещена заметка т. Познякова „Формула схемы простого воспроизводства“. Выведенная автором этой заметки формула приходит в конфликт с основными положениями марксовой схемы воспроизводства и поэтому является в корне неверной. Постараемся это доказать.

По крайней мере, если неточность данной формулы была замечена автором, то ни в указанном номере, ни в последующих номерах журнала „Под знаменем марксизма“ не было сделано оговорки,— следовательно, сконструированная механически, к тому же очень неправильно, формула т. Познякова, как им самим, так очевидно и другими, до сего времени считается правильной.

Для ясности приведем полностью заметку т. Познякова. Заранее просим читателя извинить нас за некоторую длину цитаты, но мы полагаем, что сделать это необходимо.

Итак т. Позняков пишет ¹:

„Тот, кому приходилось иметь дело со схемами простого воспроизводства Маркса, а в особенности тот, кому по ходу работы приходилось прибегать к этим схемам и видоизменять исходные данные последних, наверное знает, с какими практическими затруднениями приходится встречаться. Между всеми количественными элементами схемы — между величинами *c*, *y* и *m* в обоих подразделениях, существует определенная зависимость, а эта зависимость должна позволить составить схемы данных; теоретически это так, но практически иной раз чрезвычайно трудно вычислить эти элементы; но в то же время это бывает иной раз необходимо“.

В самом деле, возьмем схему, данную Марксом:

$$\begin{array}{l} \text{I } 4000 \text{ c} + 1000 + 1000 \text{ m} \\ \text{II } 2000 \text{ c} + 500 + 500 \text{ m}. \end{array}$$

Здесь, во-первых, предположена известная величина капитала; предположена определенная норма прибавочной ценности—100%; предположен также определенный органический состав капитала—4:1. Но представьте себе, что вам нужны другие исходные данные: такой же по величине капитал, но норму прибавочной ценности вам нужно взять не 100%, а 300, 375, 432 и т. д., вам нужен другой органический состав капитал—2:1, 3:1, 4, 7:2¹/₃ и т. д. Какой вид примут схемы в этих случаях, какие величины будут представлять из себя *c*, *y* и *m* в первом и во втором подразделениях, выраженные в условных, но

¹ См. „Под знаменем марксизма“ № 4-5 за 1923 г., с. 245.

прежних единицах. Безусловно, такие схемы составить возможно, но практически это очень трудно осуществить.

Здесь я хочу дать алгебраическую формулу, позволяющую весьма легко делать подобные вычисления. Что такая формула вообще возможна, это можно сказать а priori, ибо в схемах, как я сказал, отдельные элементы находятся друг от друга в определенной зависимости: определенное по величине не c требует — раз дан органический состав капитала — такого же определенного v , a , а раз даны зависимости, то их можно выразить математически.

Исходные данные формулы будут таковы:

Пусть x будет весь совокупный общественный капитал в начале цикла: он будет равен сумме постоянных и переменных капиталов обоих подразделений (прибавочная ценность сюда не входит), т. е.

$x = c + y$. Норма прибавочной ценности пусть будет p , т. е. $\frac{m}{v} = P$ (выраженное не в процентах, а в целых единицах или в виде дробного выражения). Органический состав капитала пусть будет q , т. е. $\frac{c}{v} = q$.

Формула схемы простого воспроизводства будет иметь такой вид:

$$I \quad \frac{q^2 x}{\omega} (c) + \frac{qx}{\omega} (q) + \frac{pqx}{\omega} (m)$$

$$II \quad \frac{\alpha}{\omega} qx(c) + \frac{\alpha}{\omega} x(q) + \frac{\alpha}{\omega} px(m)$$

где $\omega = (1 + q)$, $(1 + p + q)$, $\alpha = 1 + p$.

Эта формула позволяет быстро получить схемы простого воспроизводства при любых значениях x , p и q :

Итак эта сконструированная формула схемы простого воспроизводства „позволяет весьма легко делать подобные вычисления“ и „позволяет быстро получать схемы простого воспроизводства при любых значениях x , p и q “.

В самом деле, проверим формулу на примере. Возьмем марксову схему простого воспроизводства:

$$I \quad 4000 c + 1000 v + 1000 m$$

$$II \quad 2000 c + 500 v + 500 m$$

Органический состав капитала здесь равен 4:1, т. е. $q = y$. Норма прибавочной ценности здесь = 100%, или что то же самое, $p = 1$.

Весь совокупный общественный капитал в начале цикла = 7500 ($4000 c_1 + 2000 c_2 + 1000 v_1 + 500 v_2$), т. е. $x = 7500$. Но так как мы взяли уже готовую схему, а нам нужно проверить формулу при построении схемы простого воспроизводства при данных цифровых значениях x , p и q , то мы возьмем только цифровые значения x , p и q , которые имеются в марксовой схеме простого воспроизводства, и должны на основании формулы т. Познякова получить ту же самую схему, которая дана Марксом.

Итак $x = 7500$, $p = 1$, $q = 4$.

Следовательно, нам необходимо определить величину.

Для этого берем формулу т. Познякова и вычисляем.

Для c_1 формула = $\frac{q^2 x}{\omega}$ или $\frac{q^2 x}{1 + q}$.

Подставив цифровые значения, мы получим:

$$\frac{4^2 \cdot 7500}{1+4} = \frac{16 \cdot 7500}{5} = \frac{120000}{5} = 24000 \ c_1.$$

Может быть знаменатель ω в данном случае равен не $1+q$, $1+p+q$?
Проверим

$$\frac{q^2 x}{1+p+q} + \frac{4^2 \cdot 7500}{1+1+4} = \frac{16 \cdot 7500}{6} = \frac{120000}{6} = 20000 \ c_1.$$

Читатель, конечно, удивляется: как это возможно, чтобы $c_1 = 20000$ (или 2400), тогда как $x = 7500$? Да, только приходится удивляться. Но проверим формулу до конца.

Для v_1 формула выражена так: $\frac{qx}{\omega}$ или $\frac{qx}{1+p+q}$.

Подставив цифровые значения, мы получим:

$$\frac{4 \cdot 7500}{1+1+4} = \frac{30000}{6} = 5000 \ v_1.$$

При $\omega = 1+q$ мы получим:

$$\frac{4 \cdot 7500}{1+4} = \frac{30000}{5} = 6000 \ v_1.$$

Для m_1 формула выражена так: $\frac{pqx}{\omega}$. Подставив цифровые значения, мы получим:

$$\frac{1 \cdot 4 \cdot 7500}{1+q} = \frac{30000}{1+4} = \frac{30000}{5} = 6000 \ m,$$

При $\omega = 1+p+q$ мы получим:

$$\frac{30000}{1+1+4} = \frac{30000}{6} = 5000 \ m_1.$$

Следовательно, для первого подразделения мы имеем:
 $1 = 20000 \ c + 5000 \ v + 5000 \ m.$

Проверяем дальше.

Для II c формула выражена так:

$$\frac{\alpha}{\omega} \ qx, \ \alpha = 1+p, \ \omega = 1+q.$$

Подставив цифровые значения, мы получим:

$$\frac{1+p}{1+q} \ qx = \frac{1+1}{1+5} \cdot 4 \cdot 7500 = \frac{2 \cdot 30000}{6} = \frac{60000}{6} = 10000 \ c_2.$$

Для II v формула $= \frac{\alpha}{\omega} \ x$, или $\frac{1+p}{1+q} \ x$, что при цифровом значении будет выражать:

$$\frac{1+1}{1+5} \cdot 7500 = \frac{2 \cdot 7500}{6} = \frac{15000}{6} = 2500 \ v_2$$

$$II \ m = \frac{\alpha}{\omega} \ px = \frac{1+1}{1+5} \cdot 1 \cdot 7500 = \frac{2 \cdot 7500}{6} = 2500 \ m_2.$$

В итоге получаем:

$$I \ 20000 \ c + 5000 \ v + 5000 \ m$$

$$II \ 10000 \ c + 2500 \ v + 2500 \ m.$$

Тогда как мы должны были получить:

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m$$

$$II \ 2000 \ c + 500 \ v + 500 \ m.$$

Но возьмем другие произвольные цифровые значения.

Предположим, что $x = 500$, $q = 3$, $p = 5$.

Для первого подразделения мы получим:

$$\frac{3^2 \cdot 500}{1+3} (c) + \frac{3 \cdot 500}{1+3} (v) + \frac{5 \cdot 3 \cdot 500}{1+3} (m)$$

или:

$$\frac{4500}{4} (c) + \frac{1500}{4} (v) + \frac{7500}{4} (m) = 1125 c_1 + 375 v_1 + 1875 m_1.$$

Для второго подразделения мы получим:

$$\frac{1+p}{1+q} q (c) + \frac{1+p}{1+q} x (v) + \frac{1+p}{1+q} px (m)$$

или:

$$\frac{(1+5) \cdot 3 \cdot 500}{1+3} (c) + \frac{(1+5) \cdot 500}{1+3} (v) + \frac{(1+5) \cdot 5 \cdot 500}{1+3} (m) = 2250 c_2 + 750 v_2 + 3750 m_2.$$

В данном случае, хотя пропорциональность и налицо ($c_2 = v_1 + m_1$), но $x = (1125 c_1 + 2250 c_2 + 375 v_1 + 750 v_2) = 4500$, тогда как в нашем условии $x = 500$.

Несмотря на заявление т. Познякова, что „эта формула позволяет быстро получать схемы простого воспроизводства“ при любых значениях x , p и q , несмотря на это мы имеем обратное. И происходит это потому, что формула составлена неверно, она не продумана до конца автором.

* * *

Теперь мы попытаемся дать свою формулу, проверенную нами на многих примерах составления схем простого воспроизводства. Эта формула явится конечно совершенно необходимой для каждого, кто хочет построить схему простого воспроизводства, имея в своем распоряжении только цифровые значения всего совокупного общественного капитала, его органического строения и норму прибавочной ценности ².

Введем следующие обозначения:

x — совокупный общественный капитал в начале цикла. Он равен сумме постоянных и переменных капиталов обоих подразделений, т. е. $= c_1 + c_2 + v_1 + v_2$.

y — норма прибавочной ценности как в I, так и во II подразделениях. $\left[y = \frac{m}{v} \right]$. Причем эта норма (т. е. y) выражена не в процентах, а в целых единицах, или в виде дробей.

z — органический состав капитала как в I, так и во II подразделениях. $\left[z = \frac{c}{v} \right]$. Следовательно, z означает ту цифровую величину, которая указывает во сколько раз постоянный капитал больше переменного, или наоборот — во сколько раз переменный капитал меньше постоянного.

² Мы пока что имеем в виду то обстоятельство, что органическое строение капитала и норма прибавочной ценности в обоих подразделениях одинаковы.

Для индивидуального капиталиста, при разнообразнейших цифровых значениях x, y, z (причем под x в данном случае мы понимаем весь капитал данного капиталиста в начале цикла), формула примет следующий вид:

$$\frac{xz}{z+1} + \frac{x}{z+1} + \frac{xy}{z+1} \quad \text{или} \quad \frac{\overset{c}{xz}}{a} + \frac{\overset{v}{x}}{a} + \frac{\overset{m}{xy}}{a},$$

где $a = z + 1$.

Проверим. Предположим, что один капиталист имеет в своем распоряжении $c + v = 10000$, другой — 54000, третий — 9954 (и т. д. — можно взять любые цифровые значения). Нам необходимо определить $c + v + m$ каждого капиталиста при следующих условиях:

для первого капиталиста

$$\begin{aligned} x &= 10000 \\ y &= 2 \\ z &= 4; \end{aligned}$$

для второго капиталиста

$$\begin{aligned} x &= 54000 \\ y &= 3 \\ z &= 5; \end{aligned}$$

для третьего капиталиста

$$\begin{aligned} x &= 9954 \\ y &= 1\frac{1}{2} \\ z &= 2\frac{1}{2}. \end{aligned}$$

В итоге (применяя нашу формулу) получим:

для первого капиталиста

$$\frac{10000 \cdot 4}{5} + \frac{10000}{5} + \frac{10000 \cdot 2}{5}$$

или

$$8000 c + 2000 v + 4000 m;$$

для второго капиталиста

$$\frac{54000 \cdot 5}{6} + \frac{54000}{6} + \frac{54000 \cdot 3}{6}$$

или

$$45000 c + 9000 v + 27000 m;$$

для третьего капиталиста

$$\frac{9954 \cdot 2\frac{1}{2}}{2\frac{1}{2} + 1} + \frac{9954}{2\frac{1}{2} + 1} + \frac{9954 \cdot 1\frac{1}{2}}{2\frac{1}{2} + 1}$$

или

$$7110 c + 2844 v + 4266 m.$$

Отсюда мы можем сделать вывод, что при всяком цифровом значении x, y, z наша формула для индивидуального капитала остается верной.

Теперь составим формулу схемы простого воспроизводства для всякого общественного капитала.

Эта формула при тех же алгебраических обозначениях (т. е. x — совокупный капитал в начале цикла, y — норма прибавочной стоимости, z — органический состав капитала) примет следующий вид:

$$I = \frac{\overset{c}{z^2x}}{a} + \frac{\overset{v}{zx}}{a} + \frac{\overset{m}{zxy}}{a},$$

$$II = \frac{\overset{c}{zx(1+y)}}{a} + \frac{\overset{v}{x(y+1)}}{a} + \frac{\overset{m}{xy(y+1)}}{a},$$

где $a = z(z+y+2) + y + 1$

Проверим эту формулу.

Возьмем маркову схему простого воспроизводства:

$$I = 4000c + 1000v + 1000m,$$

$$II = 2000c + 500v + 500m,$$

которая и должна у нас получиться при применении нашей формулы.

В данном случае $x = 7500 (c_1 + c_2 + v_1 + v_2)$; $y = 1$; $z = 4$ (y и z одинаковы для обоих подразделений).

Так как знаменатель в данной формуле один и тот же, то мы для облегчения сначала определили его. Он $= z(z+y+2) + y + 1$ или $4(4+1+2) + 1 + 1 = 30$.

Теперь, применяя нашу формулу и заменив алгебраические обозначения цифровыми, мы получим:

$$I = \frac{\overset{c}{4^2 \cdot 7500}}{30} + \frac{\overset{v}{4 \cdot 7500}}{30} + \frac{\overset{m}{4 \cdot 7500 \cdot 1}}{30},$$

$$II = \frac{\overset{c}{4 \cdot 7500(1+1)}}{30} + \frac{\overset{v}{7500(1+1)}}{30} + \frac{\overset{m}{7500 \cdot 1(1+1)}}{30}$$

или

$$I = 4000c + 1000v + 1000m$$

$$II = 2000c + 500v + 500m.$$

Как видно, перед нами маркова схема простого воспроизводства.

Итак, какие бы мы цифровые значения для x , y , z ни взяли, всегда мы можем с помощью данной формулы построить схему простого воспроизводства. Формула же т. Познякова эту возможность не дает и только потому, что она (формула) составлена т. Позняковым неверно.

Итак, нашу формулу мы можем изобразить следующим образом:

$$I \frac{\overset{c}{z^2x}}{a} + \frac{\overset{v}{zx}}{a} + \frac{\overset{m}{zxy}}{a},$$

$$II \frac{\overset{c}{zx(1+y)}}{a} + \frac{\overset{v}{x(y+1)}}{a} + \frac{\overset{m}{xy(y+1)}}{a},$$

где

$$a = z(z + y + 2) + y + 1,$$

Отсюда

$$\frac{zx(1 + y)}{a} = \frac{zx}{a} + \frac{zxy}{a}.$$

При условии, что y и z в обоих подразделениях одинаковы. Весь постоянный капитал I и II подразделений, т. е.

$$c_1 + c_2 = \frac{xz}{z + 1}.$$

Весь переменный капитал I и II подразделений, т. е.

$$v_1 + v_2 = \frac{x}{z + 1}.$$

Но эта формула схемы простого воспроизводства применима только при том условии, если в обоих подразделениях общественного капитала мы имеем одинаковое органическое строение капитала и одинаковую норму прибавочной стоимости. Если же нам дан общественный капитал (в начале цикла), при различном органическом строении капитала и различной норме прибавочной стоимости в каждом подразделении, то составить правильную схему простого воспроизводства по вышеприведенной формуле мы не сможем. Здесь требуется другая формула, поскольку мы имеем иные цифровые соотношения.

Эта составленная нами формула схемы простого воспроизводства в основе своей имеет алгебраические выражения вышеприведенной формулы. Но поскольку формула, ниже предлагаемая вниманию читателя, имеет совершенно иные алгебраические соотношения; поскольку она применима и при условии одинакового органического строения капитала и одинаковой нормы прибавочной стоимости, и при условии различного органического строения капитала и различной нормы прибавочной стоимости, т. е. при различных условиях — постольку эта формула отменяет вышеприведенную нашу формулу. Но отмена указанной формулы конечно не исключает возможности пользования ею, если нам дано одно и то же органическое строение капитала и одна и та же норма прибавочной стоимости в обоих подразделениях общественного капитала. При данных условиях, пользуясь указанной формулой, мы все же составим правильную схему; несостоятельность этой формулы проявляется тогда, когда мы имеем совершенно иные условия.

Но несмотря на ее отмену указанная формула является основой, на которой и благодаря которой мы смогли логически сконструировать новую формулу, применимую в составлении схем простого воспроизводства, при любых условиях.

Эта формула схемы простого воспроизводства следующая:

$$\begin{array}{l} \text{I} \quad \frac{\overset{c}{xyz}}{a} + \frac{\overset{v}{xy}}{a} + \frac{\overset{m}{xyq}}{a}, \\ \text{II} \quad \frac{\overset{c}{xy(q+1)}}{a} + \frac{\overset{v}{x(q+1)}}{a} + \frac{\overset{m}{xp(q+1)}}{a}, \end{array}$$

где

$$a = y(z + q + 2) + q + 1,$$

x — совокупный общественный капитал в начале цикла.

z — органическое строение капитала в I подразделении.

y — " " " " II "

q — норма прибавочной стоимости " I "

p — " " " " II "

Для проверки данной формулы возьмем один пример. Предположим, что $x = 10000$; $z = 5$; $y = 3$; $q = 2$; $p = 3$.

Определим c_1 .

$$\text{Формула для } c_1 = \frac{xyz}{a} = \frac{10000 \cdot 3 \cdot 5}{y(z + q + 2) + q + 1}$$

или

$$\frac{xyz}{a} = \frac{10000 \cdot 3 \cdot 5}{3(5 + 2 + 2) + 2 + 1} = \frac{150000}{30} = 5000 c$$

Определим v_1 . Для этого берем формулу $\frac{xy}{a}$, заменяем алгебраические знаки соответствующими цифровыми обозначениями — получаем:

$$\frac{xy}{a} = \frac{10000 \times 3}{30} = \frac{30000}{30} = 1000 v_1.$$

Определим M_1 , для чего берем формулу $\frac{xyq}{a}$.

$$M_1 = \frac{xyq}{a} = \frac{10000 \times 3 \times 2}{30} = \frac{60000}{30} = 2000 m_1.$$

Определим $c + v + m$ второго подразделения.

$$C_2 = \frac{xy(q + 1)}{a} = \frac{10000 \cdot 3(2 + 1)}{30} = \frac{90000}{30} = 3000 c_2$$

$$U_2 = \frac{x(q + 1)}{a} = \frac{10000 \cdot (2 + 1)}{30} = \frac{30000}{30} = 1000 v_2$$

$$M_2 = \frac{xp(a + 1)}{a} + \frac{10000 \cdot 3(2 + 1)}{30} = \frac{90000}{30} = 3000 m_2.$$

В итоге получаем схему:

$$\begin{array}{l} \text{I } 5000 c + 1000 v + 2000 m, \\ \text{II } \frac{3000 c + 1000 v}{10000} + 3000 m. \end{array}$$

Какие бы мы ни взяли цифровые обозначения для x, y, z, q, p , всегда, пользуясь этой формулой, мы сможем составить правильную схему простого воспроизводства, тогда как этого сделать нельзя при нашей прежней формуле, которая может быть использована только при том условии, если $y = z, q = p$.

* * *

Теперь предложим вниманию читателя составленную нами формулу схемы расширенного воспроизводства.

Возьмем следующие обозначения:

x — совокупный общественный капитал в начале цикла.

z — органическое строение капитала в I подразделении.

y — " " " " II "

q — норма прибавочной стоимости " I "

p — " " " " II "

α — часть M_1 , идущая на личное потребление капиталистов I подразделения.

β — часть M_1 , идущая как дополнительный капитал в $c_1 + v_2$ (т. е. капитализируемая часть m_1).

Как z, y, q, p , так и α, β выражает не процентное соотношение, а цифровое.

Общая формула схемы расширенного воспроизводства будет такова:

$$I \frac{\overbrace{xyz}}{n} + \frac{\overbrace{xy}}{n} + \frac{\overbrace{xyq}}{n}$$

$$II \frac{\overbrace{xy(q\alpha + 1)}}{n} + \frac{\overbrace{x(q\alpha + 1)}}{n} + \frac{\overbrace{xp(q\alpha + 1)}}{n},$$

где

$$n = y(z + q\alpha + 2) + q\alpha + 1.$$

Проверим эту формулу хотя бы на одном примере. Предположим, что

$$x = 13000; z = 3; y = 4; q = 2; p = 3; \alpha = \frac{1}{2}; \beta = \frac{1}{2}.$$

Составим общую схему расширенного воспроизводства.

Определим $c_1 + c_2 + v_1 + v_2 + m_1 + m_2$.

Для облегчения работы определим n , который является общим знаменателем.

$$n = y(z + q\alpha + 2) + q\alpha + 1,$$

или

$$n = 4 \cdot \left[\left(3 + \left(2 \cdot \frac{1}{2} \right) + 2 \right) + \left(2 \cdot \frac{1}{2} \right) + 1 \right],$$

или

$$n = 4 \cdot (3 + 1 + 2) + 1 + 1 = 26.$$

$$C_1 = \frac{xyz}{n} = \frac{13000 \cdot 4 \cdot 3}{26} = \frac{156000}{26} = 6000 C_1,$$

$$V^1 = \frac{xy}{n} = \frac{13000 \cdot 4}{26} = \frac{52000}{26} = 2000 V_1;$$

$$M_1 = \frac{xyq}{n} = \frac{13000 \cdot 4 \cdot 2}{26} = \frac{104000}{26} = 4000 M_1.$$

$$C_2 = \frac{xy(q\alpha + 1)}{n} = \frac{13000 \cdot 4 \cdot (1 + 1)}{26} = \frac{104000}{26} = 4000 C_2.$$

$$V_2 = \frac{x(q\alpha + 1)}{n} = \frac{13000 \cdot (1 + 1)}{26} = \frac{26000}{26} = 1000 V_2.$$

$$M_2 = \frac{xp(q\alpha + 1)}{n} = \frac{13000 \cdot 3 \cdot (1 + 1)}{26} = \frac{78000}{26} = 3000 M_2.$$

В итоге мы составили, пользуясь нашей формулой, следующую схему расширенного воспроизводства, при условии, что $\alpha = \frac{1}{2}, \beta = \frac{1}{2}$:

$$I \frac{6000 c + 2000 v + 4000 m}{13000}$$

$$II \frac{4000 c + 1000 v}{13000} + 3000 m$$

Какие бы обозначения для $x, y, z, q, p, \alpha, \beta$ мы ни взяли, мы всегда можем составить, пользуясь данной формулой, любую схему расширенного воспроизводства.

На основе этой формулы мы составили и другие, также необходимые формулы.

Предположим, что нам необходимо определить дополнительный капитал, идущий на увеличение c_1, c_2, v_1, v_2 .

Но нам известны только x, y, z, q, β . Схемы мы не имеем и при разрешении только этого вопроса (т. е. определить дополнительный капитал к началу следующего цикла) мы сможем обойтись и без нее, используя только следующие формулы:

Определение дополнительного капитала к началу след. цикла:

$$\begin{array}{l} \text{I} \left\{ \begin{array}{l} \text{Дополн. } C_1 = \frac{xyzq\beta}{n(z+1)} \\ \text{Дополн. } V_1 = \frac{xyq\beta}{n(z+1)} \end{array} \right. \\ \text{II} \left\{ \begin{array}{l} \text{Дополн. } C_2 = \frac{xyq\beta}{n(z+1)} \\ \text{Дополн. } V_2 = \frac{xyq\beta}{ny(z+1)} \end{array} \right. \end{array}$$

Проверим. Возьмем те же самые цифровые обозначения для x, y, z, q, β, n , что и при составлении общей суммы расширенного воспроизводства.

Зная, что в начале цикла общество располагало капиталом $= 13000$, мы, не разбивая этот капитал на $c + v$ и на подразделения, пользуясь нашей формулой, сможем определить дополнительный капитал в I и II. При условии, что $\beta = \frac{1}{2}$; $z = 3$; $y = 4$; $q = 2$; $n = 26$,

так как во всех этих формулах $n = y(z + q\alpha + 2) + q\alpha + 1$,

$$\text{дополн. } C_1 = \frac{xyzq\beta}{n(z+1)} = \frac{13000 \cdot 4 \cdot 3 \cdot 2 \cdot \frac{1}{2}}{26(3+1)} = \frac{156000}{104} = 1500,$$

$$\text{дополн. } V_1 = \frac{xyq\beta}{n(z+1)} = \frac{13000 \cdot 2 \cdot 2 \cdot \frac{1}{2}}{26(3+1)} = \frac{52000}{104} = 500,$$

$$1500 + 500 = 2000, \text{ т. е. } \frac{1}{2} m_1.$$

$$\text{Дополн. } C_2 = \frac{xyq\beta}{n(z+1)} = \frac{13000 \cdot 4 \cdot 2 \cdot \frac{1}{2}}{26(3+1)} = \frac{52000}{104} = 500,$$

$$\text{дополн. } V_2 = \frac{xyq\beta}{ny(z+1)} = \frac{13000 \cdot 4 \cdot 2 \cdot \frac{1}{2}}{26 \cdot 4(3+1)} = \frac{52000}{416} = 125.$$

Как видим, капитализируемые части M_1 и M_2 , не составляя специально схемы расширенного воспроизводства, мы, пользуясь формулами, разбили части на $c + v$ согласно тому органическому строению капитала, которое соответствует каждому подразделению.

Не составляя также схемы расширенного воспроизводства, мы можем определить размер $c_1 + c_2 + v_1 + v_2$ к следующему циклу. Для этого пользуемся следующими формулами:

$$\begin{array}{l}
 \text{I} \left\{ \begin{array}{l} C_1 = \frac{xyz(z + q\beta + 1)}{n(z + 1)} \\ U_1 = \frac{xy(z + q\beta + 1)}{n(z + 1)} \end{array} \right. \\
 \text{II} \left\{ \begin{array}{l} C_2 = \frac{xy(zq\alpha + z + q\alpha + q\beta + 1)}{n(z + 1)} \\ U_2 = \frac{x(zq\alpha + z + q\alpha + q\beta + 1)}{n(z + 1)} \end{array} \right. .
 \end{array}$$

В данном случае нам известны только:

x (общий капитал в начале цикла), $y, z, q, \alpha, \beta, n$.

Проверим на примерах. Цифровые обозначения алгебраических знаков возьмем те же самые.

$$C_1 = \frac{13000 \cdot 2 \cdot 3(3 + 1 + 1)}{26(3 + 1)} = \frac{780000}{104} = 7500 \text{ с},$$

$$U_2 = \frac{13000 \cdot 4(3 + 1 + 1)}{26(3 + 1)} = \frac{260000}{104} = 2500 \text{ в}.$$

В начале цикла было:

$$\text{I } 6000 \text{ с} + 2000 \text{ в};$$

к началу следующего цикла:

$$\text{I } \frac{6000 \text{ с} + 1500 \text{ с}}{7500 \text{ с}_1} + \frac{2000 \text{ в} + 500 \text{ в}}{2500 \text{ в}_1}.$$

$$C_2 = \frac{13000 \cdot 4(3 + 3 + 1 + 1 + 1)}{26(3 + 1)} = \frac{46 \cdot 8000}{104} = 4500 \text{ с}_2,$$

$$U_2 = \frac{13000(3 + 3 + 1 + 1 + 1)}{26(3 + 1)} = \frac{117000}{104} = 1125 \text{ в}_2.$$

В начале цикла было:

$$\text{II } 4000 \text{ с} + 1000,$$

к началу следующего цикла:

$$\text{II } \frac{4000 \text{ с} + 500 \text{ с}}{4500 \text{ с}_2} + \frac{1000 + 125}{1125_2}$$

Весь совокупный капитал к началу следующего цикла можно определить по следующей формуле: (см. схему).

Можно также определить капитал в начале предыдущего цикла, имея цифровые значения капитала в начале данного настоящего цикла. Для этого можно пользоваться следующими формулами:

Определение капитала в начале предыдущего цикла:

$$C_1 = \frac{mzy(z + 1)}{k}; \quad U_1 = \frac{my(z + 1)}{k},$$

$$C_2 = \frac{my(zq\alpha + q\alpha + z + 1)}{k}; \quad U_2 = \frac{m(zq\alpha + q\alpha + z + 1)}{k},$$

где: $m = x$

$$K = q\beta(yz + 2y + 1) + nz + n.$$

Для определения всего совокупного капитала в начале предыдущего цикла можно пользоваться формулой:

$$\frac{mn(z + 1)}{k},$$

где m и k имеют то же самое значение.

Б. Раскин.

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ И ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Анализ „воспроизводства и обращения всего общественного капитала“ в переходном хозяйстве предполагает представление об общественном воспроизводстве в условиях социалистического общества, так как переходное хозяйство есть хозяйство, превращающееся в хозяйство социалистическое.

Еще недавно в кругах советских экономистов господствовало пренебрежительное отношение к проблемам социалистического или вообще так наз. организованного хозяйства. Считалось, что организованное хозяйство не подлежит теоретическому изучению. В последнее время мы имеем перелом в этом отношении, что вполне естественно, так как социалистическое хозяйство, его построение становится задачей сегодняшнего дня. При таких условиях весьма кстати оказалось опубликование заметок Ленина на книгу Бухарина „Экономика переходного периода“.

Несколько замечаний Ленина, как известно, касаются вопроса о предмете политической экономии. Так, к выводу Бухарина, что „политическая экономия изучает товарное хозяйство“, Ленин замечает: „Не только“. Там, где Бухарин заявляет, что „конец капиталистического общества будет концом и политической экономии“, Ленин приписывает: „Неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $I v + m$ к $II c?$ и накопление?“ Ясно, что и организованное хозяйство имеет свои специфические и общие законы, которые подлежат теоретическому изучению и выяснению.

Но было бы в высшей степени ошибочно и плохим пониманием Ленина, если бы кто-нибудь попытался просто перенести законы и категории товарного хозяйства за пределы этого хозяйства. Специфически организованное социалистическое хозяйство требует конечно и особых методов его изучения. Политическая экономия капитализма и политическая экономия социализма¹ различаются между собой так же, как различаются их предметы: стихийное, товарное хозяйство от организованного социалистического.

Когда мы говорим об „отношении $I v + m$ к $II c$ “, то в этой сжатой формуле мы ведь выражаем все отношения, противоречия и антагонизмы капиталистического хозяйства, капиталистической формы процесса „обмена веществ между человеком и природой“. Капиталистическая форма труда конечно предполагает некоторую „общую природу“, присущую и другим формам. Сохране-

¹ Лично я предпочитаю не распространять этот термин на теорию социалистического хозяйства.

ние пропорциональности между отдельными частями и моментами социалистического воспроизводства необходимо так же, как и в капиталистическом хозяйстве. Но не только сам способ установления этой пропорциональности, а даже и „части и моменты“, между которыми устанавливается пропорциональность в социалистическом хозяйстве, не совпадают с „частями и моментами“ капиталистического воспроизводства.

Возьмем напр. н а к о п л е н и е; это термин капиталистического хозяйства, выражающий капиталистическое отношение: присоединение части прибавочной стоимости к функционирующему капиталу. В форме накопления капитала происходит расширенное воспроизводство в капиталистическом обществе. Социалистическое хозяйство также предполагает расширенное его воспроизводство, часть продукции этого общества постоянно должна будет направляться на расширение объема процесса производства. Социалистическому обществу придется решать, какую часть всей общественной продукции можно применить таким образом и как, в каких отраслях ее применить.

Эта задача в капиталистическом хозяйстве разрешалась усмотрением отдельных капиталистов в результате их борьбы из-за прибыли. Капиталист накапливал часть своей прибавочной стоимости. Можно ли аналогично этому считать, что в социалистическом обществе накопление есть часть прибавочного продукта? При ближайшем рассмотрении оказывается, что проблема здесь ставится совсем в иную плоскость. Конечно и в социалистическом хозяйстве остается различие между производительным и непроизводительным трудом. Следовательно часть продукции этого общества должна быть уделена в индивидуальное (и коллективное) потребление представителей этого непроизводительного труда. Кроме того необходимо содержать нетрудоспособных членов общества. Необходим следовательно прибавочный продукт. Другая часть прибавочного продукта направляется на нужды расширенного производства. Весь продукт общества за определенный период, вся вновь произведенная за этот период „стоимость“ распадается следовательно на три части: 1) потребление производительных работников, 2) потребление непроизводительных работников и нетрудоспособных и 3) расширение производства или „накопление“. Обе последних части мы можем по аналогии с прибавочной стоимостью объединить в одну категорию: прибавочный продукт.

Но разделение на заработную плату (стоимость рабочей силы) и прибавочную стоимость есть деление, имеющее классовую основу. Эта основа исчезает при разделении продукта в социалистическом обществе на необходимый и прибавочный. Представители непроизводительного труда непосредственно обслуживают общество, точно так же как и производительные работники. С точки зрения последних непроизводительные работники являются их собственным „обслуживающим персоналом“. Так же как капиталист относил издержки по содержанию своих услуг к своему личному потреблению, так же трудно в социалистическом обществе разграничить потребление производительных от непроизводительных работников, тем более, что вообще грань между физическим и „умственным“ трудом будет все более и более стираться. Отсюда следует, что в социалистическом хозяйстве хотя и возможно деление продукта на необхо-

димый и прибавочный продукт, но гораздо актуальнее там деление его на часть, идущую в индивидуальное (непроизводительное) потребление, и на часть, потребляемую производительно. Таким образом мы приходим к заключению, что „накопление“ в социалистическом хозяйстве может и должно в первую очередь рассматриваться как часть всего вновь созданного продукта, а не как часть прибавочного продукта.

Степень, норма накопления в социалистическом хозяйстве определяется не отношением накопления к прибавочному продукту, а отношением его ко всей вновь созданной „стоимости“ или всему народному доходу. Этого не понял Арк. Виткуп, который считает: „Если мыслить равновесие народного хозяйства не как статическое, а как равновесие динамическое, то „параметры“ этой динамики, лицо структурных изменений, даст нам категория „норма накопления“, освобожденная от специфически капиталистических черт. „Основа“ этой категории—это отношение непроизводительно потребляемой части прибавочного продукта и накапливаемой в целях расширенного воспроизводства“². Думая, что он „освобождает“ категорию от специфически-капиталистических черт“, т. Виткуп в действительности перенес в социалистическое хозяйство отношения капиталистического.

Только в капиталистическом хозяйстве накопление является непосредственно частью прибавочной стоимости, которая в социалистическом хозяйстве непосредственно является частью всего народного дохода. По отношению к социалистическому хозяйству оказывается гораздо более правильным положение Я. Герчука „...истинным измерителем интенсивности процесса накопления на наш взгляд должна являться... доля национального дохода или общественного продукта, обращаемая на нужды накопления“³. Но этот автор безбожно напутал в другой стороне проблемы, к которой я сейчас перейду.

Я. Герчук полемизирует против буржуазных экономистов, отождествляющих народный доход с фондом личного потребления, и доказывает, что накопление является частью народного дохода. Но далее он продолжает: „Народнохозяйственное накопление представляет собой таким образом процесс превращения части живого труда общества в накопленный мертвый труд или накопленные материальные вещи. Этот процесс материализуется в приросте того фонда непотребленных материальных вещей, который всегда существует в распоряжении общественного производства. „Народнохозяйственное“ накопление—связано таким образом с непотреблением в течение данного отрезка времени части общественного продукта, с отложением его в запас (!—Б. Р.), некоторую отсрочку в потреблении продукта живого труда общества.... С точки зрения результата хозяйственной деятельности, материализующегося в объеме текущего потребления, накопление представляет собой следовательно определенного рода затрату общественного труда, не увеличивающую в течение данного времени объема реального потребления“⁴.

² Арк. Виткуп, статья в „Плановом хозяйстве“ № 7, 1929, с. 179.

³ Я. Герчук, статья в „Вестнике финансов“ № 10, 1929, с. 56—57, разрядка моя—Б. Р.

⁴ Там же, с. 56.

По Смиуту и Рикардо, как известно, все накопление состоит из фонда потребления добавочных рабочих. Маркс показал ошибочность такого понимания. По Герчуку же накопление совершенно не увеличивает в течение данного времени объема реального потребления. Такое понимание накопления как будто непосредственно вытекает из приводимой им цитаты из Маркса, в которой говорится, что „прибавочная стоимость, превращающаяся в капитал... как и первоначально авансированная стоимость, разделяется на постоянный и переменный капитал, на средства производства и рабочую силу“⁵. Это называется—понял!

Расширение производства предполагает добавочное количество средств производства, но кроме того и добавочное количество рабочей силы, ведь новый капитал, точно так же как и старый, состоит из постоянного и переменного капитала. „Рассматриваемый с материальной стороны, он (переменный капитал—*В. Р.*) состоит из самой рабочей силы, проявляющейся в деятельности, т. е. из живого труда, приводимого в движение этой капитальной стоимостью“⁶. Но капиталист рабочую силу покупает, оплачивая ее по ее стоимости. Последняя выражается в средствах потребления, потребляемых рабочими. Таким образом при капитализме потребление средств потребления добавочными рабочими совпадает с накоплением капитала. Вся прибавочная стоимость капиталистического общества делится на фонд потребления самих капиталистов и (в той ее части, которая накапливается) на добавочные средства производства и добавочный фонд потребления для добавочных рабочих. Это ясно само собой.

Но если так, то абсурдно считать, что при капитализме накопление „не увеличивает в течение данного отрезка времени объем реального потребления“. Это—неверно, так как накопление выражается в наиме добавочного количества рабочих и увеличении фонда потребления рабочего класса. Все дело в том, что заработная плата, являясь доходом рабочего, для капиталиста является частью его капитала. Увеличение капитала предполагает рост фонда зарплаты и с общественной точки зрения рост потребления средств потребления производительными рабочими. Когда А. Смит и его последователи под накоплением понимали расширенное потребление средств потребления производительными рабочими, то в известной мере они конечно были правы; ошибка их заключалась в том, что по их мнению вся накапливаемая часть прибавочной стоимости превращалась в зарплату. Только в этих пределах они не правы: „Следовательно, в этих пределах классическая политическая экономия вполне права, когда она подчеркивает, как характерный момент процесса накопления то обстоятельство, что прибавочный продукт потребляется рабочими производительными, а не рабочими непроизводительными. Но здесь же начинается и ее ошибка“⁷. Дальше Маркс показывает, что накапливаемая часть прибавочного продукта состоит не только из средств потребления добавочных рабочих, но и из добавочных средств производства. Герчук же, как мы видели, совершенно не понял того, что в капита-

⁵ Я. Герчук, цит. соч., разрядка моя—*В. Р.*

⁶ Маркс, Капитал, т. II, с. 370.

⁷ К. Маркс, Капитал, т. I, с. 464, разрядка моя—*В. Р.*

листических условиях потребление прибавочного продукта производительными рабочими является „моментом процесса накопления“.

Нужно сказать, что Герчук далеко не одинок в своем понимании накопления; в кругах экономистов очень распространено отождествление накопления с приростом „народного имущества“. Напр. у А. Петрова⁸ находим следующее разъяснение: Если предположить столь же упрощенные условия воспроизводства, как это имеет место в схемах Маркса, то статистическая реализация этих схем примет следующий вид (случай расширенного воспроизводства):

Схема № 1 (цифры произвольные)

Типы производства	Производство за год	П о т р е б л е н и е						Накопление
		Производственное		Л и ч н о е				
		В I подразделении	Во II подразделении	В I		Во II		
				рабо-чих	буржу-азии	рабо-чих	буржу-азии	
I. Производство средств производства	6 000	4 000	1 500	—	—	—	—	500
II. Производство средств потребления	3 000	—	—	1 000	500	750	600	150
Итого	9 000	4 000	1 500	1 000	500	750	600	650

Тов. Петров конечно не раз критиковал наивность Р. Люксембург, не понимавшей, что накопление выражается в расширенном производственном и личном потреблении, но его схема, как это ни странно, является выражением именно люксембургского понимания (вернее непонимания) воспроизводственных процессов. В самом деле: весь продукт общества равен 9 000, из него потребляется производственным и личным потреблением 8 350, спрашивается, куда деть фонд накопления, равный 650? Ясно, что т. Петрову надо будет коренным образом переделать свою схему, чтобы она стала „статистической реализацией“ схем Маркса, а не ошибок Р. Люксембург.

Но эта ошибочная схема имеет один плюс: она показывает нам, что фонд накопления состоит из 500 средств производства и 150 средств потребления. Отсюда вывод, что процесс накопления выразится в потреблении этих 150 средств потребления наряду с 500 средств производства. Но при попытке конкретизировать свою схему т. Петров как раз этот момент упускает из виду. Конкретизация проводится по линии введения в схему запасов, торговли и транспорта: „Вводя в нашу основную схему эти дополнения, мы получим следующее сказуемое⁹“:

⁸ См. „Большая советская энциклопедия“, т. XIII, с. 266.

⁹ Там же, с. 267.

С х е м а № 2

Народное имущество к началу года	Производство по ценам производства	Торговые и транспортные надбавки	Импорт	Итого	Потребление		Экспорт	Народное имущество к концу года	Итого	Накопленне
					Производственное	Непроизводственное				

Здесь накопление уже не висит в воздухе, а выражается в приросте „народного имущества“, понятия хотя и расплывчатом, не выражающем никаких социальных форм этого „имущества“, но все же кое-что выражающем: производственные и потребительские запасы, орудия производства, сырье и полуфабрикат, здания и т. д. Накопление может выразиться в приросте каждого из этих родов „имущества“ в отдельности и суммы их в целом.

При таком понимании накопление может выразиться в приросте, скажем, запаса ядовитых газов и амуниции у военного ведомства или клистирных трубок в лечебницах, но конечно всякого рода потребление никогда не может явиться моментом накопления: ведь потребление только уменьшает размер „народного имущества“. Ясно, какая путаница вносится таким пониманием „накопления“.

Когда т. Петров учитывает потребление, то он различает „производственное“ и „непроизводственное“ потребление. Когда же он учитывает „народное имущество“, то это деление для него как будто не существует; и токарный станок на заводе и свисток милиционера и портрет какого-нибудь вождя одинаково являются „народным имуществом“. Стоит только взять самый элементарный пример, чтобы показать всю нелепость такого смешения: предположим, что „народное имущество“ к началу года равно 100, из них 70 средств „производственного потребления“ и 30 средств „непроизводственного потребления“, к концу года „народное имущество“ выросло до 120, из них 60 средств „производственного потребления“ и 60 средств „непроизводственного потребления“. Предоставим самому т. Петрову решить, произошло ли здесь накопление в размере 20 или уменьшение капитала в размере 10? Думаю, что т. Петрову придется согласиться с тем, что негоже мешать в одну кучу „производственное“ с „непроизводственным“ „имуществом“.

Насколько недоучитывание этого момента распространено в наших статистико-экономических кругах, показывает пример „контрольных цифр народного хозяйства“. Мы были бы в очень большом затруднении, если бы попытались на основе таблиц „контрольных цифр“ составить себе представление о народнохозяйственном „капитале“ или „производительных фондах“, таких рубрик мы в КЦ не найдем. В „сводной таблице контрольных цифр народного хозяйства на 1929/30 г.“ на с. 421 находим следующий подотдел:

„IV. Фонды (к концу года в млн. руб.)

1. Основные фонды (млн. руб.), в том числе обобщественный сектор
2. Оборотные фонды (в млн. руб.) (без сельского хозяйства)“

Из таблицы мы узнаем, что „основные фонды“ к концу 1925/26 г. равнялись 62 375 млн. руб., а в конце 1929,30 г. должны по плану вырасти до 85 163 млн. руб., „оборотные фонды“ соответственно— 6 700 и 10 099 млн. руб. Эти данные конечно интересны, но читателям КЦ не менее интересно было бы узнать удельный вес в этих „фондах“ производственных и непроизводственных фондов“.

По отношению к „основным фондам“ такое деление КЦ проводят в специальной таблице, анализирующей движение „основных фондов народного хозяйства“ (см. с. 446). „Основные фонды“ даны по следующим „показателям“: I—промышленность, II—электрификация, III—сельское хозяйство, IV—транспорт, V—связь, VI—торгово-складское дело и сельскохозяйственная индустрия, VII—просвещение, VIII—здравоохранение, IX—управление, X—коммунальное хозяйство, XI—жилфонд в городах. По всем этим группам подводится итог, о котором указывается, что он разделяется:

„В т. ч. Б. По экономическим категориям
Фонды производственные
„ распределительные
„ потребительские“.

Из таблицы нам совершенно не виден принцип деления „основных фондов“ по „экономическим категориям“ (нельзя судить напр.— о том, куда отнесен транспорт, как распределяются „основные фонды“ сельского хозяйства, куда отнесена сельскохозяйственная индустрия и т. д.) Но хотя бы такое недостаточное представление о том, что собой представляют эти „основные фонды“, мы из таблицы все же получаем. Относительно же 10 млн. руб. „оборотных фондов“, о которых говорит сводная таблица, мы даже и такого представления получить не можем, их разбивки „по экономическим категориям“ мы в КЦ не находим.

В КЦ легко найти данные о промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, управлении и т. д. Но чтобы получить ясное представление о движении общественного „производственного аппарата“ пришлось бы над КЦ проделать очень серьезную „исследовательскую“ работу. Не будучи специалистом-статистиком, я может быть ошибаюсь, но мне думается, что этот недостаток КЦ объясняется не трудностью соответствующей разбивки материала, а просто недоучитыванием составителями КЦ важности этого момента.

Но даже если мы выведем накопление как прирост только производственного „имущества“, то и этом случае остается неясность со средствами потребления рабочего класса. Есть ли это производственное „имущество“ или „непроизводственное“? При методе т. Петрова правильного ответа на этот вопрос дать невозможно, так как без анализа социальной формы этого „имущества“ в данном случае, как и во всех экономических проблемах, обойтись нельзя.

Нужно сказать, что на эту проблему натолкнулись и буржуазные авторы. Так С. А. Фалькнер в статье „Идея народнохозяйственного баланса и ее элементы“¹⁰, приводит следующее возражение П. Гермберга против метода составления народнохозяйственного баланса: „Может ли считаться балансовое сальдо, которое показывает, насколько возрос в течении года материальный производственный аппарат народ-

¹⁰ „Планирование хозяйства“ № 9, 1928, с. 161.

ного хозяйства, действительно при всех условиях масштабом успешности последнего в этом году? А если это увеличение произошло за счет необходимого потребления человека, если люди гибли и умирали в то время, как машинный аппарат постоянно расширялся? Не необходимо ли включить в расчет также и людей? (!) Фалькнер с этим замечанием Гермберга соглашается и делает из него следующий вывод: „Механическое перенесение формулированного только что критерия эффективности частного хозяйства на народное, безусловно невозможно. В этом также П. Гермберг безусловно прав. Но это значит только, что для народного хозяйства нужно сконструировать другой критерий. И сделать это совсем не так трудно. При этом безусловно необходимо отрешиться от каких бы то ни было представлений о должном или желательном. Нужно брать народнохозяйственный процесс таким, как он протекает в действительности, и в частности потребление населения в целом нужно рассматривать как условие воспроизводства живой рабочей силы и суммы трудовых ресурсов данного общественного хозяйства“ (разрядка моя—*Б. Р.*)... „Поэтому, если в балансе частного хозяйства сальдо состоит из одного лишь элемента—изменений в сумме материальных ценностей или величине производственного аппарата в конце балансового периода по сравнению с его началом, то сальдо народного хозяйства может быть правильно построено лишь с учетом еще второго элемента—изменений в сумме потребления в течение данного балансового периода по сравнению с предшествующим.

„Лишь сумма обоих сальдо (или разность, если одно из них имеет знак плюс, а другое знак минус) может дать сводное сальдо народнохозяйственного баланса“¹¹.

Недостаток точки зрения Фалькнера заключается в том, что хотя он и заявляет, что „нужно брать народнохозяйственный процесс таким, как он протекает в действительности“, однако сам он не делает этого, так как он берет потребление населения „в целом“, а „в действительности“ мы имеем население, состоящее из разных классов; разве можно ставить на одну доску потребление рабочего и потребление капиталиста? Разве отсутствие „морального“ подхода заключается в том, чтобы представить потребление капиталиста и рабочего как одинаковый процесс „воспроизводства живой рабочей силы и суммы трудовых ресурсов данного общества“? Фалькнер думает, что „этот момент, совершенно не учитываемый в частнокапиталистическом хозяйстве, для которого рабочая сила является лишь покупаемым извне элементом производственного процесса, в балансе народного хозяйства должен играть совершенно равноправную роль с показателями суммы материальных ценностей, составляющих его фонд дальнейшего воспроизводства“¹². И поэтому он.... соединяет вместе потребление капиталиста и потребление рабочего и противопоставляет их движению „производственного аппарата“. Но разве народное хозяйство, состоящее из „частнокапиталистических хозяйств“, не является само капиталистическим же народным хозяйством? Разве не является рабочая сила в капиталистическом хозяйстве частью „производственного аппарата“?

¹¹ „Плановое хозяйство“ № 9, 1928, с. 164.

¹² Там же.

Конечно потребление капиталиста должно быть учтено балансом народного хозяйства, так же как и потребление рабочего, но совсем не как равноправные моменты „воспроизводства рабочей силы“. Потребление рабочего составляет элемент „издержек производства“, часть примененного капитала, а потребление капиталиста является непроизводительной тратой прибавочной стоимости. Рост потребления рабочего класса означает превращение прибавочной стоимости в капитал, ее накопление, в то время как потребление капиталиста является „напроизводительной“ тратой прибавочной стоимости. Зачем вообще должен увеличиваться производственный аппарат хозяйства? В конечном счете только для того, чтобы лучше снабжать людей¹³. Так думает Гермберг, но ведь это не имеет ничего общего с капиталистическим хозяйством, цель которого—прибыль и ее увеличение. „Снабжение людей“, поскольку дело касается рабочих в этом хозяйстве, ведь происходит лишь постольку, поскольку это „снабжение“ необходимо для процесса производства прибыли. „Снабжение“ рабочего ведь является таким же элементом издержек производства как и „снабжение“ паровой машины углем. Разница только та, что рабочий сам покупает необходимые ему средства потребления и что при благоприятных стечениях обстоятельств рабочие могут воздействовать на увеличение стоимости своего товара.

Но именно последний момент особенно ярко показывает, что потребление рабочего является моментом в накоплении капитала. Предположим, что при всех прочих равных условиях воспроизводства рабочим удалось добиться повышения зарплаты, напр. что вместо затраты 20 V для приведения в движение 80 c , капиталистам приходится теперь тратить 25 V . Создаваемая рабочими стоимость от этого конечно не изменилась, примем ее равной 40. Тогда в первом случае продукт будет равен $80C + 20V + 20m$, а во втором— $80c + 25V + 15m$. Если раньше, чтобы произвести стоимость равную 120, капиталисты применяли капитал, равный 100, то теперь им пришлось увеличить его до 105. Эти лишние 5 должны были быть взяты из прибавочной стоимости и присоединены к капиталу. Если раньше все 20 прибавочной стоимости тратились капиталистом непроизводительно, то теперь 5 из них должны быть превращены в капитал, должны быть накоплены. Этот гипотетический пример конечно не соответствует реальному движению капиталистического воспроизводства, где рост V сопровождается еще большим ростом C и повышением нормы эксплуатации. Однако этот пример хорошо показывает, что рост потребления рабочих в капиталистических условиях составляет „момент процесса накопления“. Этот „момент“ является необходимым условием для увеличения размера присваиваемой капиталистами прибавочной стоимости.

Если попытаться на основе вышеизложенного построить схему, аналогичную схеме I Петрова, то получим следующее: (См. след. стр.).

В этой схеме накопление включено в потребление, и весь продукт обоих подразделений распределяется между „производственным“ и „личным“ потреблением. Но даже и в таком виде схема не годится, так как потребление капиталистов и рабочих здесь объединено в одну рубрику „личного“ потребления, которому противопоставляется „про-

¹³ „Плановое хозяйство“ № 9, 1928, с. 161.

С х е м а № 1-а (цифры не изменены)

Т и п ы производства	Производство за год	П о т р е б л е н и е						Накопление
		Производ- ственное		Л и ч н о е				
		В I	В II	В I		Во II		
				рабочие	буржуа- зия	рабочие	буржуа- зия	
I подразделение.	6 000	4 400	1 600	—	—	—	—	500
II „	3 000	—	—	1 100	500	800	600	150
Итого . . .	9 000	4 400	1 600	1 100	500	800	600	650

изводственное“ потребление, а накопление растворено в „потреблении“. Схема не отражает того, что накопление составляет часть прибавочной стоимости, другой частью которой является личное потребление буржуазии. Одним словом, схема не отражает капиталистического характера воспроизводства, так как для этого недостаточно только противопоставить личное потребление рабочих и буржуазии. Схема должна быть дополнена несколькими графами, показывающими производство прибавочной стоимости и ее распределение. Получаем:

С х е м а № 1-б

Т и п ы производ- ства	Капитал		Прибавочная стоимость	Продукция за год	П о т р е б л е н и е						Н а к о п л е н и е			
	Постоянный	Переменный			Производ- ственное		Л и ч н о е				Средств про- изводства	Средств но- требления	Всего	%
					В I	Во II	В I		Во II					
	Рабо- чне	Бур- жуаз.					Рабо- чне	Бур- жуаз.	Средств про- изводства	Средств но- требления	Всего	%		
I подразде- ление . . .	4 000	1 000	1 000	6 000	4 400	1 600	—	—	—	—	400	100	500	50%
II подразде- ление . . .	1 500	750	750	3 000	—	—	1 100	500	800	600	100	50	150	20%
Итого . . .	5 500	1 750	1 750	9 000	4 400	1 600	1 100	500	800	600	500	150	650	37

В этой схеме норма накопления (50% прибавочной стоимости в I и 20%—во II) нами взята условно. Статистический же учет накопления в действительном воспроизводстве какой-нибудь страны может быть только вычислен на основании сравнения производства и потребления двух каких-нибудь периодов. Накопление выразится как прирост капитала в течение этих периодов, напр. как разница между капиталами на начало и конец года. Кроме того, схема № 1 не отражает движения основных капиталов и существования обращения и запасов. Все эти моменты требуют развития схемы соответ-

ственно схеме № 2 у Петрова, но конечно со всеми теми исправлениями, которые нами были выше оговорены.

Но все эти таблицы совершенно не применимы по отношению к социалистическому хозяйству. Что продукция там не состоит из $C + V + m$ — это ясно. Ни о каком „капитале“ и „прибавочной стоимости“ там речи быть не может. Там продукцию по ее составу придется делить только на состоящую из „перенесенного труда“ и из „вновь затраченного труда“. Далее, отдел „личное потребление“ также сильно меняется, никакой буржуазии там конечно нет и, в сущности говоря, нет даже глубоких оснований к тому, чтобы вообще делить „личное потребление“ на подгруппы. Только учитывая „остатки буржуазного права“ и идеологии в социалистическом обществе, мы с очень большой степенью условности можем провести различия между личным потреблением „производственных работников“, работников, занятых непродуцительным трудом, неработоспособных, и содержанием общественных учреждений.

С этой необходимостью различения не только социальной формы категорий, но также и их материального содержания столкнулись в своей практической работе работники Госплана, работающие над построением перспективных планов и в особенности генерального плана: „Мы считаем необходимым строить генплан (которым будут пользоваться и через 10 лет) в категориях социализма“¹⁴. Для этого оказалось необходимым выработать особую систему коэффициентов-показателей. Одним из таких показателей является так наз. „коэффициент воспроизводства“ — $\frac{D}{\Phi}$, представляющий „отношение чистой годовой продукции страны к ее наличным ресурсам, выраженным как в средствах производства, так и в потребительских запасах, которыми располагает страна, вступая в данный производственный год“¹⁵. Причем Ковалевский заявляет: „Этот показатель (коэффициент воспроизводства) я считаю настолько же специфическим и характерным для социалистического хозяйства и социалистического мышления, насколько специфическим и характерным для капиталистического хозяйства и капиталистического мышления является показатель нормы прибыли. Там отношение $\frac{m}{K}$, здесь отношение $\frac{D}{\Phi}$ (где самое содержание K и m различно)... Коммунара будет интересоваться не прибылью“. Это слово ему действительно придется разыскивать в лексиконе умерших слов, ибо самое это понятие абсолютно чуждо и неуместно в социализме. Коммунара будет интересоваться размером всего созданного им продукта; и сопоставлять его он сможет не с каким-то „капиталом“, который надо уплачивать за „рабочую силу“ и пр., а с теми материальными ресурсами, которыми вооружило его общество в процессе его труда“¹⁶.

То же самое с показателем накопления: „Всю чистую годовую продукцию страны мы делим на: 1) долю, идущую на расширение воспроизводственного процесса (расширение основных и оборотных материальных фондов), обозначаемую как „Др“, и 2) на долю,

¹⁴ Ковалевский, К построению генерального плана, „Плановое хозяйство“ № 3, 1930, с. 186 (разрядка моя — Б. Р.).

¹⁵ Там же, с. 123.

¹⁶ Там же, с. 187—188.

идущую в данном году в потребление и обозначаемую как „Дн“. Отношение доли, идущей на расширение „Ф“, ко всей чистой продукции страны является показателем того, какую меру производственного накопления в течение каждого данного года мы осуществляем в стране“¹⁷.

Как видим, накопление здесь понимается как часть чистой продукции, а не прибавочной „стоимости“, а норма накопления есть отношение его ко всей чистой продукции, а не к прибавочной „стоимости“ (или „капиталу“).

Выдвигая необходимость для понимания социалистического хозяйства мыслить его в особых, специфических категориях, Ковалевский конечно полностью прав и находится на правильном пути. К сожалению недостаточная продуманность выработанных им и его сотрудниками показателей в значительной мере дискредитирует эту правильную установку.

Нет ни одного из выработанных ими показателей, который бы не возбуждал весьма основательных сомнений и недоразумений. Напр. накопление определяется как часть чистой продукции, идущей „на расширение воспроизводственного процесса (расширение основных и оборотных материальных фондов)“, в противоположность другой ее части, идущей „в данном году в потребление“. Неясно, является ли уделение части чистой продукции общества на содержание добавочного количества рабочих накоплением или нет? Из текста как будто вытекает, что вообще „потребление“ к накоплению не относится. К этому же заключению можно прийти и при чтении другого места, где расшифровывается понятие „Ф“ фонды: „Необходимо подчеркнуть, что понятия — нормы прибыли и коэффициента воспроизводства—совершенно различны. В первом вы имеете отношение m ко всему вложенному в дело капиталу, в том числе и идущему на зарплату, здесь же, во втором—отношение чистой продукция страны, т. е. $V + m$ к ее совокупному трудовому вооружению, к фондам, созданным трудом, которыми располагает страна как в форме средств производства, так и в форме запасов для потребления. Та часть капитала, которая затрачивается капиталистами на непосредственный наем рабочей силы v , отсутствует здесь в знаменателе, но зато это v присутствует в ином качестве и значении—в числителе“¹⁸. Ясно, что если „фонды“ не включают „части капитала, затрачиваемой на непосредственный наем рабочей силы v , то рост V не означает роста „фондов“ и не представляет накопления, „расширения воспроизводственного процесса“.

Но, с другой стороны, в этой же цитате говорится, что „фонды“ являются „совокупным трудовым вооружением“ страны и находятся, как в форме средств производства, так и в форме запасов для потребления. Чем этот „запас для потребления“ отличается от фонда заработной платы, от V —одному Ковалевскому ведомо. Если бы т. Ковалевский попытался вычислить K , капитал какой-нибудь страны на определенное какое-нибудь число, то он увидел бы, что это K состоит из запаса денег, зданий, машин, материалов и готовых товаров (как средств производства, так и средств потребления) и, что хотя

¹⁷ Ковалевский, цит. соч., с. 123.

¹⁸ Там же, с. 131.

переменный капитал общества, общественное V , уже включен в стоимость этих элементов, но таким мгновенным учетом это V не может быть выявлено. Только учтя стоимость средств потребления, потребленных рабочим классом в течение целого периода оборота переменного капитала общества, мы сможем учесть и общественное V . Но это не означает, что в сумме элементов, из которых состоит общественный капитал в каждый данный момент, переменный капитал отсутствует. Точно так же нельзя сказать, что в „Ф“—„фондах“—нет той части, которая соответствовала бы переменному капиталу, „той части капитала, которая затрачивается капиталистами на непосредственный наем рабочих“.

Почему же в таком случае рост фондов означает накопление, а рост потребления работниками средств потребления не означает накопления?

Очевидно, вся сила здесь в слове „запас“: предполагается, что заработная плата „потребляется“, а фонды в форме средств потребления лежат „в запасе“; прирост этого „запаса“ и означает накопление „фондов“. Напр. если в течение года запас потребительских „фондов“ возрос на сумму X , то это есть накопление, если же в течение этого года произошел рост „зарплаты“ на сумму $10 X$, то это к накоплению не относится, ибо эти $10 X$ были ведь „потреблены“. Как видим, мы здесь имеем дело с тем „статическим“ пониманием накопления, которое мы разобрали в начале статьи.

Но „фонды“, оказывается, включают в себя не только те средства потребления, которые „лежат в запасе“, но и такие „запасы“, как жилые дома, больницы, театры и т. д. Прирост этого рода имущества также следовательно будет накоплением. Такое расширительное толкование понятия „фондов“, „совокупного трудового вооружения“ страны показалось подозрительным даже т. Петрову, который, как мы знаем, сам грешит по этой части. Все же он в прениях по докладу Ковалевского заявил: „Укажу на следующую ошибку т. Ковалевского. Он оперирует понятием фондов, причем, как мне удалось выяснить, я сопоставил эту цифру с имеющимся исчислением в пятилетке,—оказывается, из этих 88 млрд. к фондам относятся 55 млрд., а остальное есть потребительное имущество—жилищный фонд. Я думаю, что потребительное имущество не следует относить в капитал. Здесь нужно условиться о том, что мы относим к категории фондов“¹⁹. К этому замечанию можно только присоединиться: и при социализме нельзя смешивать фабрику со школой или жилым домом. Иначе думает Ковалевский, заявив в заключительном слове: „Рассматривать жилище как частное имущество—это установка от старого мира. Уже сейчас мы не мыслим крупного индустриального строительства без жилищного строительства при нем. Для заводов-гигантов нам приходится строить целые города. Когда же по Ленину при социализме все общество становится „одной фабрикой и одной конторой, то и жилища становятся жилыми корпусами этой единой фабрики, и потому производственная точка зрения на жилфонд становится обязательной“²⁰. Таким путем легко превратить больницу и детский дом в производственные предприятия и члена социалистического общества в социалистическую „рабочую силу“. Куда ведет такой подход я показал

¹⁹ Ковалевский, цит. соч., с. 146.

²⁰ Там же, с. 186.

в статье, помещенной в № 2 журнала „Проблемы экономики“ за 1930 г. Думаю, что здесь нет никакой надобности еще доказывать, что даже при социализме смешивать производственные „фонды“ с потребительскими не приходится. Прирост жилых домов и т. п. ни в коем случае расширением производственных „фондов“ не является и следовательно к накоплению не относится.

Как видим, определенности в выдвигаемых т. Ковалевским „показателях“ мы не находим, что ничуть не удивительно, принимая во внимание природу теоретического обоснования этих показателей данную Г. А. Фельдманом²¹. Здесь мы, во-первых, находим заявление, что „марксова схема, анализирующая капиталистический процесс воспроизводства, по понятным причинам не отвечает требованиям социалистических соотношений“²². Против этого положения возражать не приходится. Что же выдвигает Фельдман взамен этой схемы? Вот что: „Естественно поэтому разбить всю схему общественного производства на две части народного дохода:

$$\begin{aligned} D &= D_n + D_y \\ D_n &= V_1 + V_2 + Mn_1 + Mn_2 \\ D_y &= \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta v_1 + \Delta v_2 = vC + vV \quad 23. \end{aligned}$$

D_n —означает часть народного дохода, идущую на непосредственное личное потребление, D_y —накапливаемую часть, Δ —означает прирост (разрядка моя—Б. Р.).

Дальше идут имеющие страшно „ученый“ вид схоластически-нудные доказательства того, что все производство на таких два подразделения можно разбить. Не вдаваясь в анализ того, насколько Фельдману удалось доказать возможность такой операции²⁴ посмотрим, во-первых, чем обосновал Фельдман необходимость такого деления и, во-вторых, что скрывается конкретно за выделенными им категориями?

Сам Фельдман делает такой вывод из своих рассуждений: „Таким образом мы считаем приведенную схему расширенного воспроизводства в условиях социалистических отношений обоснованной в пределах $У$ и $П$ применима схема Маркса, но наша заслуга состоит в том, что мы дали специфическую (разрядка автора) схему для расширенного воспроизводства (разрядка моя—Б. Р.), схему позволяющую легко установить не только статическое уравнение рыночного равновесия, но и динамических соотношений между всеми частями общественного производства“ (разрядка автора).

„Мы выделили те специфические элементы, от которых зависит расширение потребления, расширение накопления, расширение всего производства в целом в их взаимной связи и зависимости для наших условий“ (разрядка моя—Б. Р.)²⁵.

²¹ См. Г. А. Фельдман, Аналитический метод построения перспективных планов, „Плановое хозяйство“ № 12, 1929.

²² Указанная статья, с. 102.

²³ Там же.

²⁴ В конце концов при достаточной затрате статистического труда и средств можно выделить какое угодно подразделение в общественном производстве, напр.: можно разбить его на производство продуктов для детей („все для детей“) и для взрослых и т. д.

²⁵ Там же, с. 111—112.

В этих выводах поражает неясность вопроса, специфическим отражением чего схемы Фельдмана должны, в противоположность схемам Маркса, являться? Есть ли это специфические схемы расширенного воспроизводства или это специфические схемы „воспроизводства в условиях социалистических отношений“, или может быть т. Фельдман думает, что именно в расширенном воспроизводстве и лежит специфичность социалистического хозяйства и „наших условий“? При более близком знакомстве приходится притти к заключению, что верно именно последнее предположение. На с. 101-й Фельдман заявляет: „Мы считаем необходимым уточнить содержание приведенных элементов общественного воспроизводства в условиях социалистических отношений“ (речь идет о делении на C , V и M). Вот его „уточнение“: „В условиях социалистических отношений мы можем подойти к „капиталам“, потерявшим свое специфическое антисоциальное содержание, как к технически необходимым на данном уровне производительных сил производственным фондам, состоящим из средств производства и средств потребления независимо от того, в чьем временном владении и где они находятся в данный момент“²⁶. Там же разъясняется что при социализме „мы могли бы рассматривать деньги как орудие распределения“. Остается следовательно и C и M , только без их „антисоциального“ содержания, и содержание элементов общественного производства „уточнено“. А еще спорят с „законом трудовых затрат!“.

Для Фельдмана не только существует при социализме освобожденное от „антисоциального содержания“ деление продукции на C , V и M , но даже не подлежит никакому сомнению необходимость равенства: $V_1 + \Delta V_1 + Mn_1 = C_2 + \Delta C_2$. Но зато им подвергается большому сомнению правомерность разделения всего производства на производство средств производства и средств потребления, так как это деление... связано как будто с особенностями капиталистического хозяйства: „Специфическое противоречие капиталистического строя, постоянно вновь воспроизводимое несоответствие роста потребления росту производительных сил, что связано с природой постоянных и переменных капиталов, побудило Маркса разбить все производство на средства производства и средства потребления“²⁷.

Итак деление на V и m объясняется общими условиями производства вообще, а деление на производство средств производства и средств потребления коренится в специфических противоречиях капиталистического строя. Как не вспомнить при этом „доброе Догбери“, поучавшего, что „быть человеком приятной наружности есть дар обстоятельств, а уметь читать и писать дается природою“. При таких взглядах на природу деление на средства производства и средства потребления остается совершенно непонятна непоследовательность Фельдмана, допускающего, как мы видели выше, что „в пределах раздела V и M применима схема Маркса“: если деление на средства производства и средства потребления вызывается „специфическим противоречием капиталистического строя“, то как может это деление сохраниться и при социализме? Но мы знаем, что Фельдман очень просто разрешает такие проблемы, стирая „антисоциальную природу“ с капиталистических категорий.

²⁶ Р. А. Фельдман, цит. соч., с. 102.

²⁷ Там же, с. 100, разрядка моя — Б. Р.

Итак деление на подразделения средств производства и средств потребления—является делением буржуазного происхождения, социалистическому же обществу соответствует деление на производство накапливаемых продуктов и продуктов потребляемых в текущем периоде производства. Чем же объясняется необходимость такого деления? Послушаем еще т. Фельдмана: „Пролетариат стал субъектом производства, произвольно распределяющим свои силы между производством средств производства и производством средств потребления, между производством на удовлетворение потребностей сегодняшнего дня и работой на накопление новых производственных фондов для расширения производства“²⁸.

Здесь опять приходится только руками развести: что же это деление на средства производства и средства потребления совпадает с делением на накапливаемые и потребляемые в течение „сегодняшнего дня“ продукты? Если так, то зачем же было весь огород городить? Но оказывается, что это только оговорка, объясняющаяся конечно царствующим в голове Фельдмана туманом. Вообще же он, так же как и Ковалевский, считает, что „накопляться“ могут и средства потребления: „Часть народного дохода, идущая на увеличение производственных фондов (капиталов),

$$Dy = AC_1 + AC_2 + \Delta V_1 - \Delta V_2 = AC + \Delta V \quad 29.$$

Но чем все таки объясняется необходимость деления всего производства на производство потребляемых в этом периоде производства продуктов и на производство накапливаемых? Оказывается тем, что „пролетариат стал субъектом производства, произвольно распределяющим свои силы между“ этими подразделениями! Но ведь пролетариат также „произвольно“ распределяет свои силы между всеми другими подразделениями производства, почему же именно это должно быть выдвинуто на первый план, да еще в противовес делению на средства производства и средства потребления? Ответа у Фельдмана мы не найдем.

Но предположим, что Фельдману удалось доказать необходимость такого деления. Значит ли это, что для этого необходимо заменить схемы Маркса схемами Фельдмана? Ведь совершенно нелепо утверждать, что деление на производство средств производства и производство средств потребления вызвано специфическими противоречиями капиталистического строя. И недаром сам Фельдман смешал это деление с делением на накапливаемую и потребляемую продукцию. Разве в схемах Маркса затушеван факт накопления и расширенного производства? Ведь это же явные пустяки, всего 5—6 граф схемы Маркса дают гораздо большее представление о накоплении и его норме, чем десятки страниц и графических запутанных изображений статьи Фельдмана. Даже одни показатели C , V_1 , m и разделение m на m_1 , ΔC и ΔV дают такую яркую картину капитала и его расширенного воспроизводства, которую всякие схемы Фельдмана только затемняют и опошляют.

Правда, Фельдман приписывает как заслугу своей схеме то, что она позволяет легко установить еще и какие-то „динамические соотношения между всеми частями общественного

²⁸ Г. А. Фельдман, цит. ст., с. 102.

²⁹ Там же, с. 101, разрядка моя—Б. Р.

производства". Насколько удалось из текста выяснить, под этим подразумевается следующее: предположим, что из чистой продукции $\frac{9}{10}$ потребляется и $\frac{1}{10}$ накапливается, по Фельдману это значит, что на такие пропорции разбивается не только чистая продукция, но и все производство, $\frac{9}{10}$ всего производства работает на текущее потребление и $\frac{1}{10}$ на накопление: „Определив по цепной связи все те продукты и производственные процессы, которые так или иначе и образуют все элементы народного дохода, мы сможем с точностью определить все те производства, которые необходимы для производства всех этих вновь созданных ценностей, а следовательно и все необходимые для каждого из этих производств постоянные капиталы“³⁰. Если это рассуждение поставить на ноги, то в нем заключается правильная, хотя и довольно убогая идея, а именно, что родом производства определяется продукция и что если мы строим напр. металлургическое предприятие, то через некоторое время мы будем иметь железо, сталь и т. д., но чем-нибудь иным (напр, хлопком или хлопчатобумажной тканью) эта продукция не будет, хотя если взять более отдаленный период, то железо и сталь уже могут превратиться в прядильные и ткацкие машины и послужить орудиями производства хлопчатобумажной ткани.

Учитывать эти моменты при генеральном планировании конечно необходимо, но Фельдман поставил эту мысль на голову, и получилась чепуха: он думает, что соответственно разбивке чистой продукции мы можем разбить и все производство. Такое представление неправильно: если весь производственный аппарат общества представлен как производящий народный доход „чистый продукт“, то мы возвращаемся к ошибочному представлению А. Смита, ибо, если считать, что можно „разбить всю схему общественного производства на две части народного дохода“, если все производство общества разбить на группы *II* (т. е. личное потребление) и *У* (т. е. накопление), то здесь затушевывается тот факт что в продукции общества часть составляет не вновь созданную, а только перенесенную стоимость и что в общественном производстве помимо *II* и *У* должна бы быть и группа, производящая *С*.

Фельдман с большим самодовольством и при помощи научной „тяжелой артиллерии“ доказывает, что какую бы часть народного дохода мы ни взяли, мы всегда можем из суммы общественного производства выделить определенный комплекс производств так, „чтобы выделенная нами произвольно часть народного дохода (W_1) была равна вновь созданной стоимости всего таким образом выделенного комплекса производств“³¹. Он думает, что если он это положение докажет, „тогда станет ясно, каким образом можно выделить из всего общественного производства те капиталы, для которых Δu и Δn будут равны вновь созданным ценностям и как таковые в процессе реализации конкретно выделяться в состав народного дохода в виде определенных товаров“³². Предположим, что эту задачу действительно можно проделать, какое же это имеет значение? Ведь если нам известен размер народного дохода, его состав „в виде определенных товаров“, и деление на Δu и Δn , то зачем нам еще подбирать к этим частям определенные части общественного производ-

³⁰ Г. А. Фельдман, дпт. ст., с. 108.

³¹ Там же, с. 106.

³² Там же.

ства, ведь это же пустая затея. Вот если б Фельдман дал нам рецепт, как на основании структуры общественного производства в данный момент определить размер и „состав народного дохода в виде определенных товаров“ через определенный промежуток времени, тогда это имело бы громадное значение при перспективном планировании народного хозяйства. Но такого рецепта ни Фельдман, ни кто-нибудь другой конечно дать не смогут.

То же что предлагает Фельдман, составляет никчемную схоластическую затею, к тому же основанную на неверных теоретических предпосылках. Как бы он ни распаркивался перед „гениальной прозорливостью“ Маркса, который „раскрыл ошибочность представления А. Смита³³, что „потребители должны оплатить производителю всю стоимость продукта“³⁴, вся его теория показывает, что он эти страницы читал, но мало что в них понял. Разбивка всего производства на подразделение, производящее *II* (личное потребление) и производящее *V* (накопление)—это и есть смитовское представление; оно неправильно и вредно.

Имея перед собой производство определенного состава и структуры, мы не можем от него сделать заключение не только на несколько лет вперед, но даже и для данного года, о том, на какие части *II* и *V* распадется народный доход в этом году. Будет ли тот или иной продукт „потреблен“ в этом году или „накоплен“. Это зависит не только от физических свойств продукта: даже оставляя в стороне пока вопрос о потреблении производительных и непроизводительных работников, зерно напр. может быть „потреблено“ в этом году или „не потреблено“ (запас) и т. д. и т. п. Но все же если мы и можем по производству хотя бы более или менее приближенное представление получить о структуре народного дохода (распределение народного дохода между „потреблением“ и „накоплением“, то только на основании того, как распределяется производство на производство средств производства и средств потребления. Конечно средство потребления может быть сохранено в „запас“, но в общей картина производства средств производства и средств потребления более или менее определяет и распределение народного дохода между производством и накоплением: машину „потреблять“ нельзя, и из печеного хлеба фабричных зданий не строят. Повторяю, что хотя бы отдаленное приближенное представление, но его можно получить только на основании распределения производства на производство средств производства и средств потребления.

Это одна из причин, делающих значимым марксовское подразделение производства (*I* и *II*) не только для капиталистического строя, но и всякого иного, где только разделение труда и производительность труда более или менее развиты. В этом разделении не отражаются конечно специфические противоречия капиталистического строя, ибо эти противоречия выражаются в распадении вновь созданной стоимости на *V* и *m*, и с распределением производства на производство средств производства и производство средств потребления ничего общего не имеют; ибо второе подразделение включает не только производство средств потребления для рабочих, но также и производство

³³ К. Маркс, Капитал т. II, с. 410, 411 и т. д., Госиздат 1923.

³⁴ Там же, с. 107.

средств потребления для буржуазии. Нет производства, которое специально производило бы V , m или C , здесь может быть только деление на производства основных, оборотных средств производства, предметов „роскоши“, предметов „первой необходимости“ и т. д. Выделение большего числа подразделений только могло бы запутать и затруднить понимание происходящих здесь процессов, поэтому Марке и взял два основных подразделения. Что касается социальной характеристики, то она в схемах Маркса лежит не в горизонтальных, а в вертикальных графах, в разделении продукта каждого подразделения и всего производства в целом на C , V и m . Именно по линии этого подразделения схем воспроизводства и должно лежать отличие схем капиталистического воспроизводства от схем социалистического, которое не может быть выявлено методом сдирания „антисоциальной“ шкуры с этих категорий. Но прежде, чем перейти к этому пункту, необходимо еще закончить с проблемой, которая уже несколько раз перед нами возникала.

Выступивший в прениях по докладу Ковалевского Розентул заявил: „Если взять балансовое уравнение: производство=накоплению+потребление, то оно остается правильным при любой социальной структуре“³⁵. Мы знаем, что это уравнение неправильно для капиталистического строя. „Для того, чтобы накапливать, необходимо часть прибавочной стоимости превращать в капитал. Но, не совершая чуда, можно превратить в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и далее такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, т. е. средства существования. Следовательно часть годового прибавочного труда должна быть употреблена на изготовление добавочных средств производства и существования, избыточных по сравнению с тем их количеством, которое необходимо для возмещения авансированного капитала“³⁶. Часть накапливаемой прибавочной стоимости также „потребляется“, но не капиталистами, а производственными рабочими.

Более „просвещенный“ экономист соглашается с тем, что добавочный капитал также распадается на C и V и следовательно, что оплата добавочных рабочих совпадает с накоплением капитала, но проводит разницу во времени. Выше мы видели, как Ковалевский различал в чистой продукции часть, идущую „на расширение воспроизводственного процесса (расширение основных и оборотных фондов)“ и часть идущую „в данном году в потребление“. Фельдман также различает часть народного дохода, идущую „на увеличение производственных фондов (капиталов)“ (причем сюда включен и ΔV) и часть, идущую „в непосредственное личное потребление в текущем производственном обороте“³⁷. Если бы обороты отдельных элементов капитала совпадали и если бы мы рассматривали только один оборот, тогда такое понимание накопления было бы приемлемо, но действительное воспроизводство не идет по этой упрощенной схеме, отсюда ее непригодность.

Если под накоплением понимать прирост запасов, тогда конечно можно считать, что народный доход=накоплению+потребление.

³⁵ „Плановое хозяйство“ № 3, 1930, с. 170.

³⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1930, с. 456, разрядка моя—Б. Р.

³⁷ См. статью в „Плановом хозяйстве“ № 12, 1929, с. 101, разрядка моя—Б. Р.

Но так как накопление капитала не есть накопление запасов³⁸, а превращение прибавочной стоимости в капитал или расширенное воспроизводство, то противопоставлять потребление накоплению нельзя, ибо в течение отчетного периода могло быть потреблено больше, чем потреблено в прошлом периоде, а чтобы больше потреблять, надо было больше и произвести (не говоря уж о том, что за счет потребления непродуцированных лиц могло быть усилено потребление производителей).

Может показаться, что если в течение какого-либо периода потреблен труд большего количества рабочих, чем в предыдущий такой же период, что означает расширенное воспроизводство, то к концу этого периода производственные фонды (включая запас средств потребления) будут непременно больше, чем к концу первого периода, и разница определит объем накопления. Но у нас нет гарантий, что прирост фондов будет соответствовать, не говоря уже о совпадении, приросту производства. При прочих равных условиях, чем больше производится, тем больше должен в каждый данный период быть фонд орудий и средств производства: „С течением времени все больше производится и больше потребляется, следовательно — больше продукта превращается в средства производства“³⁹. Это только при прочих равных условиях, в действительности же условия меняются: меняются орудия и средства производства, меняется производительность труда, меняется загрузка (коэффициент использования) орудий труда, меняется следовательно быстрота оборота всего капитала и следовательно отношение производственных фондов (включая запасы средств потребления) к размеру производства также изменятся. Возможно следовательно и такое соотношение, когда производство и потребление растут, а капиталы не изменяются вовсе или изменяются, но не в той же пропорции.

В своем докладе и заключительном слове Ковалевский этот пункт именно и выдвигал, разъясняя важность показателя, коэффициента воспроизводства $\frac{Д}{Ф}$. Но в таком случае необходимо связать концы с концами и внести ясность в понимание накопления. Мы должны различать рост основных и оборотных фондов от роста воспроизводства, хотя и охватывая их общим термином — накопление капитала или расширенное воспроизводство. И тем более мы не должны смешивать накопление с ростом запасов. Накопление капитала за определенный период может быть высчитано путем определения разницы между размерами капиталов (во всех формах — денежной, производственной и товарной), занятых на начало и конец этого периода. Но всегда следует помнить, что вследствие указанных выше причин „капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые повидимому его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств

³⁸ Политической экономии приходилось бороться с народным предрассудком, который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ и считает по этому накопленное богатство за богатство, огражденное от разрушения в его данной натуральной форме и следовательно изъятое из сферы потребления и даже из сферы обращения“ К. Маркс, Капитал, т. I, с. 463.

³⁹ К. Маркс, Капитал, т. I, с. 471, разрядка моя.—Б. Р.

производства, в которых реализуется бытие капитала“⁴⁰. О действительном накоплении капитала можно только очень приблизительно судить на основании роста размера капитала на то или иное число.

Далее в капиталистическом обществе, если и можно противопоставлять потребление накоплению, то только потребление капиталиста, его слуг и вообще непроеизводительных работников. Рост же потребления производительных рабочих, превращение прибавочной стоимости в добавочный переменный капитал, означает накопление капитала, расширенное его воспроизводство.

При социализме также, при прочих равных условиях, чем больше лиц занято в процессе производства, тем больше средств потребления им необходимо. Но социалистическое общество не может смотреть на потребление работника как на плату за его труд, как на издержки производства, это потребление здесь действительно есть цель производства. Социалистическое хозяйство будет расширять потребление не потому, что ему нужно расширять производство, а наоборот, расширять производство для того, чтобы расширить потребление.

Потребление члена социалистического общества не ограничено и не определяется тем, что он является рабочей силой, элементом производства, который нужно поддерживать в рабочем состоянии и поддерживать в меру его работы. Член социалистического общества снабжается средствами потребления как таковой. Будучи не только рабочим, но и хозяином производства, член социалистического общества ограничен в своем потреблении только рамками размеров производства этих средств потребления. С другой стороны, хотя при социализме также производительный труд отличается от непроеизводительного, но там будут стираться различия между производительным работником и непроеизводительным, так как одним лицом будет исполняться разного рода работа.

Если собственнику капиталистического производства—капиталисту—приходилось решать вопрос о том, как распределить прибавочный продукт между своим потреблением и накоплением, часть которого должна была пойти на потребление добавочных производительных рабочих, то социалистическому обществу придется разрешать проблему разделения всего продукта (чистого) между всем потреблением и накоплением. Если исходить из определенного размера чистой продукции, то здесь, действительно, потребление противопоставляется накоплению; накапливается только та часть продукта, которая не потребляется. Поскольку нельзя отделить рост потребления, вызванный необходимостью расширить производство, от роста потребления вообще, постольку нет смысла выделять часть прироста потребления как элемент накопления. Поэтому для социалистического общества действительно правильным является положение, что чистый продукт равен накоплению + потребление. Следовательно под накоплением здесь придется подразумевать только прирост производственных фондов („постоянного капитала“). Ни о каком накоплении V , части продукции, идущей в потребление добавочных „рабочих“, здесь говорить не придется, ибо это „накопление“ растворяется в общем росте потребления.

⁴⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, с. 477.

Такой же подход здесь должен быть и к запасам. Бесперебойный ход производства требует наличия того или иного уровня запаса средств производства, имеющегося в каждый данный момент. Учитывая производственные фонды, приходится учесть и эти производственные запасы. Но эти запасы не аналогичны той части общественного капитала, которая в капиталистическом обществе находилась в каждый данный момент в форме *I*, товарной форме. Не говоря уже о других отличительных особенностях, вытекающих из социальной формы этих „запасов“ при капитализме, здесь нас интересует и тот факт, что товарный капитал включал в себя как средства производства, так и средства потребления. Социалистическое же общество будет отличать запас средств производства от запаса средств потребления; запас средств потребления там не может рассматриваться как производственный фонд. Точно так же, как социалистическое общество не может включать рост потребления в накопление, точно так же и рост запаса средств потребления не может рассматриваться там как такой же показатель накопления, как рост запаса средств производства. Рост запаса средств потребления есть тоже „накопление“, но накопление средств потребления, не больше. Если мы действительно хотим выделить производственные фонды социалистического хозяйства, не смешивая их с „фондами“ вообще, то запас средств потребления не должен быть рассматриваем как производственный фонд.

По Марксу „в действительности запас существует в трех формах: в форме производительного капитала, в форме фонда индивидуального потребления и в форме товарного запаса или товарного капитала“⁴¹. Особенности капиталистического производства накладывают свой отпечаток на товарный запас (в том числе отражаясь и на его величине), но отчасти „товарный запас есть не что иное, как лишь товарная форма запаса, который при данном масштабе общественного производства, не существуя в форме запаса товарного, все равно существовал бы или как производительный запас (скрытый фонд производства) или как потребительский фонд (запас средств потребления)...“⁴¹. Мы видим, как Маркс различает между запасом „фонда производства“ и запасом „потребительского фонда“. Да это вытекает из существа самого дела. Накоплением как фактором расширенного воспроизводства в условиях социализма, поскольку речь идет о запасе, является только прирост запаса средств производства, скрытого фонда производства.

Маркс не только не причисляет потребительского запаса к накоплению, но выделяет особо еще и страховой запас, который в конце концов покрывает вышедшие по какой-нибудь случайности средства производства, или за минованием надобности в страховом запасе послужит источником для накопления, расширения производства. Пока же этот страховой запас лежит как таковой, он изъят из потребления, но изъят также и от производства. Поэтому Маркс и говорит о страховом фонде, что „это—единственная часть дохода, которая не потребляется как таковой и не служит непременно фондом накопления. Служит ли она действительно фондом на-

⁴¹ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 113.

⁴² Там же, с. 120.

копления или лишь покрывает недочеты воспроизводства, это зависит от случая“⁴³. В первом томе Маркс замечает, что при устранении капиталистического строя „пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запаса фонда и фонда накопления такого запаса средств производства и существования, который позволяет расширять производство и возмещать возможные убытки, между прочим и от несчастных случаев“⁴⁴. Мы видим, что и здесь Маркс противопоставляет страховой фонд фонду накопления.

Итак, вновь созданная стоимость (чистый продукт) в социалистическом обществе распадается на фонд накопления (включая прирост производственного запаса), страховой запас и фонд потребления (включая и прирост потребительского запаса). Отвлекаясь от страхового фонда, мы можем следовательно разделить весь чистый продукт на часть, увеличивающую производственные фонды общества (включая запасы), и часть, идущую на потребление (включая запасы). Ясно, что первая часть состоит исключительно из средств производства, а вторая—из средств потребления.

Под накоплением мы понимаем следовательно в социалистическом обществе прирост производственных фондов. Ясно, что здесь еще больше, чем при капитализме, приходится различать накопление (как прирост производственных фондов) от расширения производства в полном смысле этого понятия: поскольку эффективность использования фондов (коэффициент воспроизводства по Ковалевскому) в различные периоды может быть различная, и весь прирост производства по сравнению с прошлым периодом вследствие увеличенного потребления не скажется на приросте фондов. Надо иметь картину всего производства и потребления, чтобы получить полное представление о размерах расширения производства.

Из всего вышеизложенного ясно, как неправильно представлять себе дело таким образом, что при социализме останутся те же части общественного продукта, что и при капитализме: C , V и M , хотя бы и освобожденные от их „антисоциального содержания“. Дело здесь не в „антисоциальном, а в социальном, их содержании. Разделение продукта на V и M есть разделение общественного продукта между классами, а этого деления социалистическое общество совершенно знать не будет. Конечно и капиталистам приходится уделять часть своей прибавочной стоимости на покрытие некоторых „общественных потребностей“ (санитария, „охрана общественного спокойствия“, пожарная охрана и т. д.), но какое это имеет значение при определении содержания M ? Ссылаются обычно на фразу Маркса, в которой говорится, что „раз дано общественное производство какого бы то ни было рода, то всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное личное потребление производителей и их семей, и—оставляя в стороне труд, затрачиваемый в целях производительного потребления—той частью труда, которая всегда представляет

⁴³ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 313.

⁴⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, с. 412, разрядка моя—Б. Р.

прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт, кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей“⁴⁵. Но ведь здесь же Маркс добавляет: „Следовательно, тождество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тождественны, поскольку мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их общих чертах в противоположность различиям“⁴⁶. Как Маркс относился к такому методу исследования известно всякому.

С теми, кто попытался бы на основании того, что во всяком обществе часть общественного труда должна быть затрачена на покрытие „общественных потребностей“, поставить на одну доску затраты на капиталистические общественные потребности с затратами на общественные потребности социалистического общества, нам, марксистам, не по пути. Всякая попытка в этом направлении должна быть разоблачена. Тем же, кто думает, что расходы на „общественные потребности“ можно в социалистическом обществе отделить и противопоставить расходам на содержание „производителей и их семей“, не мешает напомнить положение Маркса, что: „Устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом однако при прочих равных условиях необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления“⁴⁷. Но если весь труд превращается в V , то отпадает не только M , но и само V , ибо труд получает свою характеристику как V только в противоположность другой его части— M .

Но если в социалистическом обществе мы не можем делить „чистый“ продукт на необходимый и прибавочный, то там выступает деление по другому принципу—на накопление H и потребление— $П$. Таким образом вся продукция общества распадается на части $C + H + П$. Но можем ли мы сказать, что и продукция отдельных предприятий или целых подразделений общественного производства (I и II) распадается также на части $C + H + П$? При ближайшем ознакомлении оказывается, что таких частей мы здесь выделить не можем. Возьмем производство готового платья напр. Мы можем в продукции этого производства высчитать „стоимость“ перенесенную, и стоимость, вновь созданную $C + N$, но как определить, какая часть этой продукции идет в накопление, какая в потребление? Сама постановка такого вопроса нелепа; здесь ясно только одно: весь продукт этого производства, будучи средством потребления, идет целиком в потребление.

Точно так же и в продукции всего подразделения II , производящего средства потребления, мы не можем выделить части, идущей

⁴⁵ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 238.

⁴⁶ Там же, разрядка моя—Б. Р.

⁴⁷ К. Маркс, Капитал, т. I, с. 412, разрядка моя—Б. Р.

в накопление. Конечно мы можем на основании разделения всего общественного продукта определить долю накопления в нем и считать, что эта пропорция равномерно распределяется по всем предприятиям и подразделениям общественного производства и что следовательно соответствующая часть труда портных и т. д. составляет труд по созданию накопленной части общественной продукции. Но это вычисление очень искусственно и ничего не дает для понимания природы социалистического хозяйства и взаимозависимости его частей. Если взять подразделение I, то здесь также накопление может быть вычислено, только исходя из удельного веса накопления во всем общественном производстве. Соответствующее положение имеем и с индивидуальным потреблением. Мы знаем размер всего индивидуального потребления общества, но что значит потребление подразделения I или II? Мы можем вычислить еще, сколько потреблено населением, занятым в том или ином подразделении тех или иных продуктов потребляемых индивидуально, но как распределить по подразделениям все блага общественного пользования, все „общественное“ потребление? Единственный путь здесь-опять таки может быть только „разверстка“ соответственно затрате труда (количество лиц) в том или ином подразделении, что опять-таки искусственно и ничего не дает.

Но отсюда вытекает следующее: если по отношению к капиталистическому хозяйству имеет силу равенство: $I V + M n_1 = I C + \Delta C$, то никакого аналогичного уравнения для социалистического хозяйства мы вывести не можем. Здесь верны только следующие положения: 1) вся продукция I подразделения должна восстановить весь израсходованный фонд средств производства обоих подразделений и создать фонд накопления, 2) вся продукция II подразделения покрывает все „общественное“ и индивидуальное потребление всех членов общества.

$$I C + N = (C + \Delta C) I + (C + \Delta C) II$$

$$II C + N = I II + II II$$

Если бы $I(C + N) - I(C + \Delta C) = I II$, то мы могли бы вывести равенство: $I II = II(C + \Delta C)$. Но в действительности это равенство по отношению к социалистическому хозяйству не имеет силы.

Когда мы для капитализма говорим, что $I V + M n_1 = II(C + \Delta C)$, то это значит, что эти части должны быть равны по стоимости. Можем ли мы и для социализма считать, что трудовая „стоимость“ средств потребления, потребляемых работниками I подразделения, должна совпадать с трудовой „стоимостью“ средств производства, применяемых во II подразделении? Такое совпадение там не обязательно (не говоря уж о том, что сам размер средств потребления „потребляемых работниками подразделения I“, может быть определен только весьма искусственно). Между I и II подразделением нет обмена продукции по стоимости. Социалистическое общество распределяет имеющийся у него фонд средств потребления между всеми его членами, в том числе и работниками подразделения I, и средства производства между всеми предприятиями, в том числе и подразделением II, исходя не из закона частной собственности и обмена равноценностей.

Положение $I_n = II (C + \Delta C)$ выводится из равенства $I (C + N) - I (C + C) = I_n$, но само это равенство неверно. Если под I_n и подразумевают индивидуальное потребление работников, занятых в подразделении I, то нет никаких оснований, чтобы разница между „стоимостью“ их продукции и „стоимостью“ средств производства (включая накопление) в их подразделении непременно совпадала со „стоимостью“ получаемых ими средств потребления. Социалистическое общество будет исходить из других принципов распределения. Только в том случае, когда все средства потребления поступают целиком в индивидуальное пользование работников, когда в обоих подразделениях „органический состав капитала“ один и тот же, когда норма накопления в обоих подразделениях одинакова, когда проводится строгая пропорциональность в „оплате“ работ отдельных работников с созданной ими „стоимостью“, только при этих условиях могло бы быть действительным равенство $II (C + \Delta C) = I_n$.

Ясно, что в социалистическом обществе не будет необходимости в соблюдении всех этих условий. Если мы напр. возьмем схему № 3, (с. 45), то увидим, что из I подразделения во II переходит средств производства на 1 600, но из II в I при пропорциональном распределении средств потребления ($2:1\frac{1}{2}$), их должно перейти на 1 710. Ничего, противоречащего принципам социалистического хозяйствования, в этом нет. Общество могло бы изменить соотношение в пользу расширения I подразделения, оставить напр. производство средств потребления на стабильном уровне. Тогда из I во II перешло бы средств производства только на 1 500, а средств потребления „из II в I“ перешло бы еще больше, чем на 1 710 (так как распределение работающих должно было бы также измениться в сторону повышения доли I подразделения). Социалистическое общество не может потреблять больше средств потребления, чем их произведено во II подразделении, но распределять их между работающими в I и во II подразделениях оно может независимо от того, сколько в данном году передается средств производства из I во II подразделение. То же самое и с распределением средств производства. Здесь придется считаться только с тем, как тот или иной размер средств производства, передаваемый из I подразделения во II, отразится на производстве средств потребления в последующих годах.

На основе вышеизложенного мы можем наметить схему социалистического воспроизводства.

Но здесь возникает следующий вопрос: под „производственным аппаратом“ мы до сих пор понимали средства производства (включая и сырье), но в производстве участвует также и рабочая сила, труд. В схемах капиталистического воспроизводства этот момент учитывается как часть капитала, переменный капитал следовательно только в размере стоимости рабочей силы, и соответственно распадение капитала на $C + V$, продукт распадается на $C + V + M$. В социалистическом обществе рабочая сила не выступает в качестве товара, но труд, затрачиваемый в процессе производства, должен быть учтен. Если капиталисту „труд“ стоит денег, то социалистическому обществу продукт „стоит“ труда. В схемах воспроизводства социалистического хозяйства это и должно быть соответствующим образом учтено. Получаем следовательно следующую исходную схему для статистического учета воспроизводства в социалистическом обществе (цифры сохранены соответственно предыдущим схемам):

Схема № 3.

Типы про- изводства	Издержки производ.		Продукция	П о т р е б л е н и е											
	Средств производ.	Труд		Производствен.			Л и ч н о е			Всего потреб.	Накоплен.				
				В I	Во II	Всего	Производ. рабочих	Не рабочих	Учрежден.		Всего	В I	Во II	Всего	
I	4 000	2 000	6 000	4 400	1 600	6 000	"	"				6 000	400	100	500
II	1 500	1 500	3 000	—								3 000	—	—	—
Итого	5 500	3 500	9 000	4 400	1 600	6 000					3 000	9 000	400	100	500

„Личное потребление в схеме не разбито по отдельным рубрикам, так как для этого у нас нет никакой точки опоры в условиях производства продукта. Да это для нас и не имеет значения, так как „накопление“ не включает ни одной части этого „личного“ потребления как своего момента. Норма накопления (отношение накопления ко всей вновь созданной „стоимости“) в схеме равняется 14% (500 из 3 500). При капитализме в соответствующей схеме мы имели норму накопления равную 37%. Но мы уже знаем, что там, во-первых, накопление включает потребление добавочных рабочих как момент накопления и, во-вторых, что там накопление рассматривается как часть прибавочной стоимости, а не всей вновь созданной стоимости. Отсюда ясно, какая осторожность требуется при сравнении „накопления“ в обществах, принадлежащих к разным экономическим формациям ⁴⁸. Конечно для известных ограниченных целей мы можем, отвлекаясь от формы общественных отношений, сравнивать только движение „производственного“ и „личного“ потребления. Но никогда не следует забывать границ, определяющих применение такой абстракции; эти границы очень узки, а за их пределами начинается дорожка, ведущая к апологетике капитализма.

„Алгебраически“ схема воспроизводства социалистического хозяйства может быть представлена следующим образом:

Типы про- изводства	Элементы произ-ва	Продукт	Р а с п р е д е л е н и е		
			Восстан. ср. пр-ва	Накоп.	Потреб.
I	$\Phi + N$	$C + N$	$C +$	$A \Phi +$	} II
II	$\Phi + N$	$C + N$	$C +$	$A \Phi +$	

Под Φ я понимаю материальные средства производства как основные, так и оборотные. N —в элементах производства означает живую „рабочую силу“, в продукте—вновь созданную „стоимость“. В распределении только средства производства разбиты по типам производства. Средства потребления могут быть разбиты по рубрикам:

⁴⁸ В рабском строе напр. нам пришлось бы учесть изменение числа рабов, как момент накопления.

„для занятых производительным трудом“, „непроизводительным“, „нетрудоспособным“, „учреждениям“, „запас“, но невозможно, да и нет надобности, разбивать потребление соответственно отдельным типам производства.

По этой схеме мы можем иметь полную картину процесса воспроизводства. Накопление выводится как прирост Φ т. е. производственных фондов (включая запасы). При сравнении N и $\Delta \Phi$ можно вычислить удельный вес накопления во всем „народном доходе“. Сравнивая Φ ($C + N$) и Π соответственно с этими же показателями по разным годам, можно получить представление о расширении производства.

Отдельно следует остановиться на показателе, который Ковалевский называет „коэффициентом воспроизводства“ и обозначает $\frac{D}{\Phi}$; он считает его, как мы видели, столь же важным и показательным для социалистического хозяйства, каким для капиталистического является норма прибыли $\frac{M}{K}$. Под D —Ковалевский понимает „вновь созданную стоимость“, наш N , под Φ —все материальные фонды, включая и потребительские, $\frac{D}{\Phi}$ следовательно есть $\frac{N}{\Phi + \text{фонд потребления}}$.

С первого взгляда кажется, что действительно этот показатель имеет большое значение, показывая отношения того, что общество может произвести в течение определенного промежутка времени к тому фонду произведенных раньше вещей, которыми общество обладает на то или иное число. Но стоит немного подумать, как становится ясным, что этот показатель... ничего не показывает.

Дело в том, что мы берем „вновь созданную стоимость“, создаваемую в течение определенного промежутка времени, и сравниваем ее с материальным фондом, имевшимся на тот или иной момент. Но ведь в течение этого промежутка времени „фонды“ не только увеличивались вследствие нового производства, но и уменьшались вследствие их потребления, а потребление не стоит в прямой связи с производством. Но раз так, то показатель $\frac{D}{\Phi}$ не является „коэффициентом

воспроизводства“, ибо к концу рассматриваемого периода Φ меньше, чем к началу. Напр., если к началу года производственные фонды равны 100, потребительские—30, вновь создано за год—65, то „коэффициент воспроизводства“ по Ковалевскому будет равен $\frac{1}{2}$ независимо от величины потребления за этот период. А между тем разная величина потребления отразится на величине наличных к концу периода „фондов“.

В отношении $\frac{M}{K}$ мы берем прирост капитала за год в сравнении к авансированному капиталу, так как K не только сократился, но еще и возрос на сумму M . Ковалевский же берет имевшиеся к началу года производственные фонды, складывает их с потребительскими фондами и сравнивает с этой суммой производимую за год „стоимость“. Ясно, что никакого значения такой „показатель“ не может иметь. Неестественность соотношений „коэффициента воспроизводства“, выводимого по методу Ковалевского, особенно ярко бросается в глаза в случае, если бы мы захотели применить его к отдельному предприятию или

даже общественному подразделению производства. Как например вывести „коэффициент воспроизводства“ средств производства или средств потребления, не говоря уже о производстве какого-нибудь отдельного продукта? Этого никак нельзя сделать, так как мы хотя можем определить „вновь создающую стоимость“ и „стоимость“ примененных в каждом предприятии или подразделении средств производства, но как выделить из общего „фонда потребления“, имеющегося к началу года, часть, приходящуюся на это предприятие или подразделение? Сама постановка такого вопроса по отношению к социалистическому производству является абсурдной.

Если мы действительно будем определять „коэффициент воспроизводства“, то нам следовало бы брать „вновь созданный продукт“ в отношении только к элементам производства, непосредственно участвующим в производстве этого продукта, т. е. к средствам производства и „рабочей силы“. Но „рабочая сила“ в социалистическом обществе есть сам член социалистического общества. Наличный „трудовой фонд“ общества на каждый данный момент должен быть конечно учитываем как основной „элемент производства“, но это не значит, что мы можем ставить его в одну плоскость с материальными средствами производства. Поэтому если коэффициент производительности труда, должен показать отношение продукции к примененному труду, то „коэффициент воспроизводства“ есть показатель „вновь созданного продукта“ к примененным средствам производства. Выведенный таким образом показатель действительно имеет большое значение в цепи показателей социалистического производства: накопление, темп накопления, доля средств производства и средств потребления, производительность труда и т. д.

Только в этом случае мы действительно можем производить расчеты по следующей формуле: при данном коэффициенте воспроизводства определенная норма накопления (доля накопления в народном доходе) приводит к определенному росту народного дохода. Изменение производительности труда, изменяя коэффициент воспроизводства, может быть также учтено в его влиянии на динамику народного дохода. Зная структуру накопления (распределение его между производством средств производства и производством средств потребления), мы можем учесть и структуру будущего народного дохода. Однако здесь следует всегда помнить, что производство средств производства есть производство конкретных продуктов и что оно непосредственно увязано с производством средств потребления таким образом, что на известной стадии производства средство производства превращается в средство производства средств потребления.

Центр тяжести планирования социалистического хозяйства будет опираться конечно на конкретное представление производства и потребления и их динамики; планируя определенный размер потребления определенных продуктов, будущий Госплан должен будет к этому определенному размеру потребления определенных продуктов приспособить и производство средств производства и средств производства для этих средств производства. Но без абстрактной схемы структуры и динамики производства планирование все же невозможно. Из наличного на каждый данный момент фонда средств производства (Φ) всегда придется исходить, данным в общем является

деление этого фонда между производством средств производства и производством средств потребления (некоторые продукты могут применяться и как средства производства и как средства потребления). Менее определенным является „фонд труда“, так как граница „рабочего дня“, интенсивность труда и, главное, распределение „фонда труда“ между производительными и непроизводительными занятиями могут сильно колебаться. Но все же мы можем считать и „фонд труда“ определенным, исходя из Φ и „технического состава“ производства. Зная производительность труда, можно на основании перечисленных данных определить и продукцию ближайшего периода (года напр.).

Как уже сказано, распределение продукции этого периода на средства производства и средства потребления в общем и целом определяется структурой самого производства. Но только—в общем и целом, ибо уже в пределах даже года есть значительная свобода маневрирования, тем более принимаемая во внимание возможность применения многих продуктов и как средств производства, и как средств потребления. Исходя из замкнутого социалистического хозяйства и невозможности обмена средств потребления на средства производства, произведенные другими обществами (или средств производства на средства потребления), приходится считать, что деление продукции на средства производства и средства потребления определяет и возможности накопления, так как средств потребления накапливать нельзя. Но как уже сказано, уже в пределах года есть возможность маневрирования между производством средств производства и средств потребления, эта возможность превращается уже в необходимость там, где речь идет о планировании на несколько лет вперед. Распределение „народного дохода“, „вновь созданной стоимости“ N на $\Delta\Phi$ и n —и динамика этого распределения на каждый год вперед должны быть моментами, без знания которых планирование народного хозяйства невозможно. Далее выступает деление $\Delta\Phi$ на $\Delta\Phi I$ и $\Delta\Phi II$. Это также должен решить и из этого исходить орган, планирующий народное хозяйство.

Все эти моменты действуют друг на друга, напр. от величины накопления зависит размер народного дохода будущих лет, от размера народного дохода данного года зависит доля его, которая может быть накоплена. Накопление вообще уменьшает потребление данного года, но зато дает возможность усиленного потребления в будущем, от деления $\Delta\Phi$ на $\Delta\Phi I$ и $\Delta\Phi II$ зависит, как скоро накопление отразится на объеме производимых средств потребления, и. д. и т. п.

Итак, социалистическое хозяйство, как и всякое хозяйство, имеет свои закономерности, хотя это совсем не те закономерности, которые определяют природу капиталистического хозяйства. Закономерности социалистического хозяйства являются закономерностями технико-директивными. Планируя народное хозяйство, там придется исходить, во-первых, из технических законов самого производства, во-вторых, из тех директив, которые в отношении динамики народного дохода и его распределения ставятся руководителями народного хозяйства. А без представления о соотношениях отдельных моментов социалистического воспроизводства (Φ , N , C , $\Delta\Phi$, n и т. д.) и без ясного понимания, что скрывается за всеми этими категориями, планирование невозможно.

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ И СОДЕРЖАНИИ ГЕНПЛАНА

Первым шагом, имеющим решающее значение и предопределяющим все построение генплана, является установление общих задач, общих установок, определение содержания генплана. Необходимо поэтому со всей тщательностью разобрать определения основных установок генплана, наметившихся в развернувшейся дискуссии. Наиболее развернутое определение дано т. Ковалевским в его статье, помещенной в № 5 журнала „Пути индустриализации“, и сводится к следующему:

„1. Догнать и перегнать передовые по технике и масштабам продукции страны мирового капитализма.

2. Выполнить кооперативный план Ленина и завершить новую экономическую политику примерно ко времени выполнения пятилетки, т. е. приблизительно на 15 году Октябрьской революции.

3. Развернуть социалистические формы хозяйства в следующем пятилетии с постепенным переходом к более совершенным коммунистическим формам.

4. Построить в итоге 10—15 лет реконструкции развернутые формы коммунистического общества в пределах, которые только будут доступны при мировом сочетании сил капитализма и коммунизма.

Вот великая задача, которая всем ходом социальной революции поставлена перед пролетариатом СССР как задача генерального плана“.

Прежде всего возникает вопрос, откуда вытекает такая постановка задач генплана, чем она обоснована? И второй вопрос, правильно ли определены эти задачи, дающие в совокупности содержание генплана. Мы напрасно стали бы искать в статье т. Ковалевского прямого обоснования выставленных им для генплана задач. Приходится поэтому волей-неволей также обоснование „восстанавливать“ по всему ходу мыслей статьи. Этот ход мыслей в общих чертах таков: Принят срок осуществления генплана в 10—15 лет: „Высчитано (путем оперирования различными „коэффициентами“ и сопоставления различных вариантов), что к концу второго пятилетия мы достигаем по продукции примерно современного уровня США, а к концу третьего пятилетия обгоняем этот уровень втрое (с. 22); раз так, то почему бы при таком уровне производительных сил и продукции не поставить вопроса о „развернутых формах коммунистического общества?“.

Необоснованность и упрощенность такой постановки вопроса бросается в глаза. В самом деле, при таком подходе задачи генплана и цель его получаются как некоторый результат, становятся моментом производным от срока и так или иначе определенных

возможностей развития в течение этого срока. Сами эти возможности определяются на основе чересчур элементарных рассуждений и недостаточных предпосылок, путем экстраполяции на будущее недостаточно изученных закономерностей последних 3 лет реконструкции, без учета качественных особенностей наступающего периода как в смысле возможности ускорения темпа развития, так и в смысле возможных трудностей, что по существу является своеобразным воспроизведением пресловутого генетического метода. На самом деле подход должен быть в корне иным, и в основу должна быть положена правильно определенная целевая установка генплана.

а) Мы не утописты. Задачи, поставленные на пути к осуществлению конечной цели—коммунизма, не должны быть выдуманы. Они должны быть подсказаны всем ходом нашего развития, должны представить собой осуществление следующего этапа, к которому мы подведены жизнью, должны поэтому органически вырастать из данной ступени нашего развития, как следующее, очередное „звено“ в ленинском смысле этого слова.

б) Как такое очередное „звено“, оно должно представлять собой нечто более законченное и целостное.

в) Масштаб и содержание этих задач должны быть таковы, чтобы они представляли собой яркий политический лозунг, будили энергию и волю пролетариата и руководимых и увлекаемых им на путь социалистического строительства трудящихся масс, подымали на новую ступень социалистическое и интернациональное сознание пролетариата, но вместе с тем были доступны и понятны широчайшим массам с тем, чтобы эти задачи и идеи „овладевали массой, стали материальной силой“.

Подойдем с указанной точки зрения к формулировке т. Ковалевского. Центральной и обобщающей задачей у т. Ковалевского является „построить в результате 10—15 лет реконструкции развернутые формы коммунистического общества в пределах, которые только будут доступны при мировом сочетании сил капитализма и социализма“. Конечно построение коммунизма является нашей конечной целью, о которой мы должны всегда помнить. Но можно ли утверждать и что дает основания для такого утверждения, что построение коммунизма сегодня уже является конкретным, очередным „звеном“, задачей конкретного плана (а генплан должен именно быть конкретным планом)? Каковы теоретические и практически-политические основания для такого утверждения? На все это мы у т. Ковалевского никакого ответа не находим. У т. Ковалевского в его построении поразительным образом выпала первая фаза коммунизма (социализм). Она затерялась у него где-то между началом и концом второго пятилетия, как нечто более или менее проходящее, мимолетное, как чуть ли не исторический эпизод¹. Между тем ни практический опыт нашего строительства, ни теоретические указания учителей и вождей научного коммунизма Маркса и Ленина не дают оснований для такого взгляда.

В „Государство и революция“² Ленин писал: „Эта экспроприация (капиталистов—автор) даст возможность (разрядка всюду Ленина) гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно задерживает это развитие, как

¹ Эта мысль четко развита т. Соколыным Я. А. на Украине.

² Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, с. 375.

многое можно было бы двинуть вперед на базе современной уже достигнутой техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в „первую жизненную потребность“—это мы не знаем и знать не можем“.

Теоретическое предвидение Ленина о возможности ускорения развития производительных сил при условии „экспроприации капиталистов“ теперь блестяще подтверждено опытом нашего строительства, и это ускорение действительно оказалось гигантским. Но „как скоро пойдет это развитие дальше“, т. е. за пределы того, что „можно было бы двинуть вперед на базе современной уже достигнутой техники“³ и что позволило бы достигнуть высшей фазы коммунизма,—этого мы не знаем и сегодня, ибо опыта, материала об условиях и возможностях развития общества в условиях социалистического строя мы не имеем.

Наконец, что вынуждает нас ставить задачу осуществления второй фазы коммунизма, о конкретной форме которой мы можем лишь загадывать, как непосредственную задачу генерального плана? Мы должны вооружить рабочий класс широкой и смелой перспективой. Это абсолютно верно. Но неужели т. Ковалевскому кажется, что построение первой фазы коммунизма, как ближайшая практическая задача, является чересчур „мелкой“ перспективой, что масштаб вступающих в связи с этим задач недостаточен для надлежащей мобилизации сил, воли и энергии рабочего класса. Не является ли такое перепрыгивание через первую фазу коммунизма известной формой „головокружения“?

Наши критические замечания по отношению к определению задач генплана у т. Ковалевского могут быть резюмированы следующим образом: на основе недостаточных предпосылок путем оперирования абстрактными коэффициентами т. Ковалевский пытается охватить в одном плане три качественно различных периода: конец нэпа, социализм, коммунизм. Примат генетического метода на основе экстраполяции неизбежно ведет к схематизму, к смазыванию качественных отличий каждого этапа, к перепрыгиванию через целую фазу общественного развития (социализм), к перепрыгиванию через возможность и вероятность международной революции⁴, к отрыву от научной основы в область утопии, к недооценке сложности и трудности действительных задач.

³ Ленин ставил здесь вопрос в общей форме. Нам в СССР предстоит еще достигнуть этого уровня. Наши хозяйственные успехи за последние годы и вскрытые ими возможности развития позволяют ставить эту задачу—задачу „догнать и перегнать передовые капиталистические страны, конкретно США—как ближайшую практическую задачу. Однако сегодня мы находимся еще на самых первых ступенях этого процесса, сложности и трудности которого не следует недооценивать.

⁴ Ставя задачей генплана достижение развернутых форм коммунистического общества в пределах, допустимых при мировом сочетании сил капитализма и коммунизма, т. Ковалевский постулирует весьма сомнительный тезис о возможности существования загнивающего в условиях всеобщего кризиса капитализма рядом с развитым коммунизмом в СССР, что вовсе не вытекает из учения партии о возможности построения социализма в одной стране.

Чрезвычайно важным, для установления содержания понятия генплана, является четкое установление взаимоотношений в нем между количественными расчетами и социальной и технической реконструкцией. Вряд ли найдется кто-либо, который объявит эти моменты тождественными, однако не все понимают, что все они представляются в генплане различиями в единстве и следовательно обуславливают друг друга, и что поэтому их нельзя рассматривать изолированно друг от друга. Если гг. Ковалевский и Фельдман построили свою гипотезу, как это уже неоднократно указывалось, на основе отрыва количественных расчетов от неизбежных качественных изменений техники и экономики и следовательно нарушили принцип рассмотрения этих элементов как различий в единстве, то необходимо отметить, что такую же ошибку методологического характера делают гг. Колдобский и Ратнер, когда они провозглашают, что генплан должен быть „вторым планом Гозлро“ и что главное только „в правильном выборе направления, в правильном выборе решающих звеньев социальной и технической реконструкции“. По гг. Колдобскому и Ратнеру в построении генплана необходимо исходить от постановки ряда качественных задач, а затем решения ряда строительных задач, как напр. Волго-Донской канал, Днепрострой и т. д. Они против системы внутренне связанных количественных показателей воспроизводственного процесса.

Количественная определенность выступает у них как пассивный результат „конкретного плана технической реконструкции“.

Нет никакого сомнения, что мы имеем здесь дело с таким же неверным подходом, с каким мы встретились, в рабочей гипотезе Ковалевского. Если непозволительно оперировать категориями количества, оторвавши их от качества, то не менее ошибочно отрывать качество от количества в генплане, где все эти элементы составляют единство.

Лозунг „второго плана Гозлро“ представляется нам неверным, ибо он основывается на игнорировании гигантских успехов в развитии и планировании нашего народного хозяйства. После того как мы имеем пятилетний план нашего народного хозяйства, опыт контрольных цифр за ряд лет говорить „о втором плане Гозлро“, это значит ни с того ни с сего, отбрасывать наше планирование, наши организующие возможности на уровень 1920—1921 гг. Признавая решающее значение в плане технической реконструкции создания мощной энергетической базы на основе электрификации, мы считаем необходимым тем не менее подчеркнуть, что делать план электрификации основным содержанием генплана явилось бы совершенно неверным, так как это игнорировало бы примат социальных задач. Нетрудно также понять, что совершенно невозможно решать качественно-технические строительные задачи без их определяющих количественных заданий, ибо в противном случае они перестают быть определенными⁵. Товарищи, стоящие на точке зрения „второго плана Гозлро“, неизбежно отмахиваются в генплане от таких важных проблем, как проблемы темпа, срока, кривой воспроизводства, взаимоотношения между потреблением и накоплением и т. д., т. е. таких проблем, которые будут оказывать значительное влияние на качественную сторону технической реконструкции. Отсюда мы приходим к положительной формулировке взаимо-

⁵ Эта мысль хорошо развита у г. Ковалевского.

отношений качественных, социальных, технических и количественных моментов в Генплане. Все эти моменты представляются различиями в единстве, взаимно определяют друг друга, и все время неразрывно переходят друг в друга. Конкретизация цели генплана есть одновременно социальная, техническая и количественная характеристика. Ведущим звеном является политическая задача, формулирующая в первую очередь, социальные задания генплана и определяющая в плане все элементы этого единства. Четко сформулированная в качестве политической задачи цель генплана определяет экономическое задание генплана как уровень производительных сил и масштаба продукции, обороноспособности и независимости страны, а это в свою очередь определяет пути технической реализации этих задач (технической реконструкции). Такое соотношение политики, экономики и техники в генплане не только не противоречит, но прямо вытекает из диалектического учения о соотношении этих моментов.

Высказанные нами замечания позволяют нам перейти к положительному определению содержания генплана. Мы уже сказали, что при построении генплана нужно исходить не из срока и темпов, как заранее фиксированных определенных величин, а из вполне четко политически поставленной задачи—цели генплана, которую необходимо осуществить. Необходимо, чтобы эта цель могла быть достигнута современным наиболее активным поколением пролетариата, выносящим на себе всю тяжесть, все напряжение величайшей в мире борьбы людей за полное уничтожение эксплуатации человека человеком, за усиление господства над силами природы, с тем чтобы эта цель могла быть непосредственным политическим лозунгом, организующим массы. Не может быть никакого сомнения, что такой всеопределяющей задачей генплана может быть только построение социализма, первой фазы коммунистического общества, и ни в коем случае не дальнейшие, более высокие формы коммунистического общества, к которым сегодня (а генплан—это уже сегодня, понимаемое как ближайший исторический отрезок) современное наиболее активное поколение еще подойти не может. Вполне соглашаясь с ненужностью и даже вредностью полной модели социалистического общества, которая открывает широкие пути кабинетному творчеству, интеллигентскому декретированию а ля Сабсович и т. д., мы считаем необходимым подчеркнуть, что без установления некоторых основных черт социалистического общества, как напр. рабочего дня, интенсивности труда, сменности, проблемы города и деревни, социалистических городов, женского труда, физического и умственного труда и т. д., никакой генплан невозможен и что следовательно и в „модели“ имеется здоровое зерно, которое надо выделить из шелухи фантастики и высасывания из пальцев. Анализ новых социальных форм у нас—колхозов, совхозов, ударничества, соцсоревнования передовых предприятий и учета возможностей, открывающихся уже сейчас передовой техникой, представляет собой твердую научную базу для установления этих особенностей начала первой фазы коммунизма, которая во времени не так уже далека от сегодняшнего дня. Осуществление первой фазы коммунизма как основной задачи генплана означает уничтожение классов в СССР, что может быть экономически закреплено при создании технической базы, адекватной социалистическому обществу. Когда в основных экономических районах СССР мы будем иметь полное господство социалисти-

ческих отношений с соответствующей им технической базой, и поэтому исторический вопрос „кто—кого“ будет снят, причем так, что будет уничтожена какая бы то ни была малейшая возможность возврата к капитализму (с точки зрения внутренних условий), задача генплана может считаться выполненной. С точки зрения взаимоотношений социалистического СССР с мировым капитализмом, генплан должен полностью развернуть все производственные и материально-бытовые преимущества социалистического строя перед лицом мирового пролетариата, предусмотреть создание социально-монолитной и технически высоко-совершенной страны, которая смогла бы отразить нападения международного империализма. С этой точки зрения генплан должен быть величайшим идейным и материальным орудием победы мировой революции. Задача построения социалистического общества с адекватной ему технической базой неразрывно связана с осуществлением директивы, поставленной партией—„догнать и перегнать капиталистические страны“, которая таким образом входит органическим элементом в генплан. Одним из первоочередных моментов в подходе к построению генплана является экономическая и техническая конкретизация задачи „догнать и перегнать“. Уже только при подходе к этой конкретизации встает целый ряд сложнейших проблем, которые должны найти разрешение в генплане. Мы в дальнейшем наметим только некоторые из них.

ПРОБЛЕМА ДОГОНА И УРОВЕНЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Что означает догон и перегон передовых капиталистических стран?

Нужно ли стремиться к догону капиталистических стран (конкретно США) по объему продукции (в расчете на душу населения) важнейших отраслей производства или по размерам производственного аппарата?

Возможно ли определить степень необходимого „перегона“ (разумеется в весьма приблизительных расчетах) и каков должен быть подход к решению этого вопроса в отношении уровня производительных сил в смысле производительности общественного труда как основного показателя уровня общественного развития?

Что касается вопроса об уровне производительных сил, т. е. производительности труда, то в соответствии с общими принципами подхода к решению задач генплана, развитыми выше, задачи „перегона“ в этом отношении должны ставиться следующим образом: производительность труда к концу генплана в передовых предприятиях СССР быть может достигнет высоты, невиданной для капиталистических стран на основе развития социалистической техники на собственных путях. Что-либо конкретное мы об этом сказать не можем. Ближайшей задачей является овладение передовой техникой капитализма.

И если мы добьемся того, что техника немногих лучших передовых капиталистических предприятий станет для нас нормальной средне-отраслевой,—то уже одно это будет означать перегон. А если еще принять во внимание „потери“, связанные с „трагедией капиталистического расточительства“, то перегон этого уровня может быть достигнут еще раньше.

Вопрос о необходимой степени „перегона“ в отношении объема продукции и производственного аппарата тесно связан с вопросом об уровне жизни трудящихся СССР в разрезе генплана, в частности уровне потребления.

При правильном определении этого уровня можно будет подойти к определению объема продукции, и следовательно необходимой степени перегона в этом отношении; а этот объем продукции определит необходимый размер производственного аппарата и позволит решить, принимая во внимание наши преимущества и возможности его использования, должен ли он быть большим, равным или быть может даже меньшим. Конкретно это может быть решено лишь на основе соответствующих расчетов.

Проблема уровня жизни. Каков же должен быть правильный переход в генплане к решению вопроса об уровне жизни и в частности об уровне потребления? Здесь, как и в других вопросах генплана, нужно поменьше „выкрутас“. Сугубо неверными и даже опасными были бы абстрактно-рационалистические построения об уровне и характере жизни и потребления, неизбежно носящие беспочвенно-утопический характер. Только правильный политический подход дает ключ к решению этого вопроса. Генплан должен развернуть все преимущества социализма в этом вопросе перед лицом пролетариата и трудящихся всего мира.

Важнейшими элементами понятия „уровень жизни“ являются длительность рабочего дня, интенсивность труда, условия труда, уровень и структура потребления, уровень культуры.

В отношении рабочего дня мы сейчас уже можем оперировать в генплане с определенной величиной как одной из отправных точек для дальнейших расчетов. Генплан должен осуществить пункт программы партии, гласящий о 6-часовом рабочем дне.

Переходя к широкому внедрению в наше хозяйство американской техники, мы должны будем проверить, допустимы ли у нас американские нормы интенсивности труда и компенсируются ли они в достаточной степени сокращенным рабочим днем при сокращенной рабочей неделе.

Заранее можно сказать, что в целом ряде случаев американские нормы интенсивности окажутся у нас недопустимыми. Что при этом не получится уменьшения снижения темпа развития, обеспечивается большей производительностью общественного труда при той же технике за счет устранения потерь.

В отношении санитарно-гигиенических условий труда в генплане должен быть взят курс на решительное их улучшение, базируясь на последних данных науки.

Уже совокупность перечисленных мероприятий означает крупнейший шаг вперед в деле повышения уровня жизни, в особенности если принять во внимание уничтожение безработицы, развитие всех форм социального обеспечения и следовательно устранение неуверенности в завтрашнем дне, гнета забот, и вместе с тем повышение культурного тона жизни. При таких условиях реализация целевой установки генплана в отношении уровня потребления в узком смысле слова („зарплата“) вовсе не выдвигает необходимости таких сногсшибательных требований (как это имеет место в некоторых постановлениях), которые делали бы генплан, как ограниченное во времени задание малореальным. С этой точки зрения в качестве задачи генплана должно быть поставлено достижение действительно среднего, а не фиктивного статистического уровня потребления—более высокого по сравнению с потреблением пролетариата США, с учетом неизбежного

различия структуры потребления, отказа от буржуазных и мелкобуржуазных излишеств, развития новых потребностей и возможностей устранения потерь в самом потреблении⁶.

Самая постановка этой проблемы обнаруживает важность и сложность содержащихся в ней вопросов, напр. с какими слоями американского пролетариата следует производить сравнение уровня жизни и в частности уровня потребления, как учесть различный характер структуры потребления, насколько велики могут быть различия в уровне потребления в городе и деревне и т. д.

Наряду с этим необходимо сформулировать линии в отношении меры допустимого поднятия интенсивности труда при сокращенном рабочем дне и улучшении санитарно-гигиенических условий труда. Несомненно, что социалистическое разрешение всех этих вопросов в значительной мере определяет пропорции производства и проблему объема продукции важнейших отраслей в генплане.

Пропорции и тип развития производительных сил. Совершенно ясно, что постановка вопроса о догоне и перегоне США в важнейших отраслях производства, не означает, что нужно слепо копировать американские уровни отдельных отраслей и американские пропорции между отраслями производства.

Социалистические производственные отношения требуют совершенно иных пропорций между различными отраслями, и следовательно по-иному будет решаться вопрос об уровне продукции и производственного аппарата каждой из отраслей. Нельзя также игнорировать специфику естественно-географических особенностей СССР, природных запасов угля, нефти, калия, апатитов, руды, их географического размещения, что также будет влиять на тип направления развития производительных сил. Экономико-техническая характеристика социалистического общества (пропорции производства, уровни производства отраслей и т. п.) и определение экономико-технического типа направления развития производительных сил являются важнейшими элементами плана, но они могут быть установлены на основе некоторых предварительных количественных заданий генплана, являясь вместе с тем базой оформления этих количественных расчетов в систему „контрольных цифр“. Проблема темпа, решаемая на основе директивы партии, что „догнать и перегнать“ необходимо в кратчайший исторический срок при учете всех экономических и технических возможностей, открываемых каждым годом выполнения генплана, имеет огромное значение в разрешении экономико-технических задач, в определении типа развития производительных сил, пропорций отдельных отраслей, напр. А и Б, порядка обгона отдельными отраслями уровня соответственных отраслей передовых капиталистических стран. Эта последняя проблема—порядок обгона—является чрезвычайно важной, так как она определяет целый ряд технических и экономических особенностей развития хозяйства СССР в генплане. Так, напр. выявляется, что по строительным материалам мы уже в процессе двух лет пятилетки гигантски двинулись вперед, стремительно догоняя капиталистические страны, что является результатом влияния темпа на пропорции отдельных отраслей.

⁶ С этой точки зрения целиком прав был т. Персиц, оспаривавший необходимость иметь у нас 37 млн. автомобилей.

Специфичность социальных условий также существенным образом влияет на порядок обгона. Так напр. освобожденное от оков распыленного индивидуалистического хозяйства крупное социалистическое земледелие несомненно может забрать такие темпы, которые в короткий срок могут поставить его на первое место во всем мире.

В связи с этим по отраслям, обслуживающим реконструкцию сельского хозяйства, в частности по тракторостроению, сельскохозяйственному машиностроению, мы уже в ближайшие годы, согласно намеченным планам должны перегнать США.

Дальнейшими обстоятельствами, модифицирующими наши пропорции, являются существенно иной характер внешнеторгового оборота СССР по сравнению с США, курс на экономическую независимость нашей страны и разрешение проблемы укрепления ее обороноспособности.

Лишь конкретный анализ перечисленных выше задач и условий может дать правильный подход к построению пропорций в генплане и определению порядка догона и перегона капиталистических стран.

Основы рационализации производства. Гиз, 1930, с. 317, ц. 1 р. 50 к.

Известно, какое большое значение в связи с индустриализацией страны и проведением пятилетнего плана реконструкции народного хозяйства коммунистическая партия придает работе по рационализации. Это значение рационализации отмечено в ряде постановлений партийных съездов и пленумов ЦК и ЦКК. Известно также, какое большое значение изучению рационализаторских достижений капиталистических стран и распространению у нас рационализаторских знаний придавал т. Ленин.

Он неоднократно и по различным поводам выдвигал мысль о важности изучения системы Тейлора, а в одной из последних своих статей («Лучше меньше, да лучше») даже специально указал на необходимость вынуска ряда учебников по вопросам научной организации труда. Все это заставляет нас с особым вниманием подходить ко всякой вновь выпускаемой книге в этой области, тем более, что до сих пор указание Ленина не выполнено: если не считать переводов книг иностранных буржуазных авторов, у нас до самого последнего времени не вышло ни одной книги, систематически излагающей основные проблемы рационализации и притом соответствующей требованиям марксистско-ленинской теории. Правда, за это время проф. О. А. Ерманский выпустил большую книгу о теории и практике рационализации, претендующую на марксистскую трактовку этой проблемы; однако, как и следовало ожидать, на ней с неизбежной необходимостью оправдалось указание Ленина о непригодности автора, как зараженного явным уклоном в сторону меньшевизма, к составлению учебника, пригодного для советских условий. В этой книге оказалась воспроизведенной та же установка, неприемлемая для нас как с политической, так и с теоретической точки зрения, которая была положена в основу книги Ерманского, о которой Ленин упоминал в своей статье.

В связи с этим мы должны с особым вниманием подойти к оценке недавно вышедшей книги И. М. Бурдянского, Основы рационализация производства. Она выпущена Гизом в серии учебников и учебных пособий для комвузов и рабочих университетов и согласно задаче, поставленной себе автором, должна была дать хотя бы краткое изложение всех основных положений и методов рационализации. И действительно автору удалось дать систематизированное изложение основных проблем рационализации производства, довольно хорошо увязанных друг с другом. Он дает освещение как общей роли рационализации в строительстве нашей промышленности, так и ее практического значения в повседневной заводской практике.

В смысле общего направления книги, ее общей установки, автор непосредственно опирается на директивы и решения, принятые руководящими партийными и советскими органами в области рационализации, и с этой точки зрения книга Бурдянского не вызывает сомнений. Ее достоинством, является именно то, что автор увязывает отдельные, даже частичные вопросы рационализаторской деятельности с актуальными задачами, выдвинутыми партией в связи с индустриализацией страны и пятилетним планом народного

хозяйства. Достоинством книги является также то, что автор для иллюстрации излагаемых им положений широко пользуется примерами из практики нашего хозяйственного строительства, удачно используя для этого журнальный и газетный материал. В противоположность многим другим авторам Бурдянский делает вполне правильно, беря данные о состоянии рационализаторского дела за границей или для того, чтобы использовать их в качестве показательных образцов, или в целях сравнения, попутно всюду отмечая своеобразные отличия между социалистической рационализацией и рационализацией, проводимой в капиталистических странах. Особо следует отметить ценные в методическом отношении указания преподавателям, а также примерные задания для учащихся, которыми заканчивается каждая глава книги. Задания эти носят конкретный характер и дают учащемуся правильную установку для проработки как теоретических, так и практических вопросов.

Однако наряду с достоинствами книги необходимо отметить ряд ее недочетов. Стремление охватить все основные положения и методы рационализации не только отразилось на полноте их освещения, что признает и сам автор, но и привело к тому, что, как мы это увидим ниже, слабо освещенными оказались как раз наиболее важные в теоретическом отношении проблемы.

Следует вообще отметить, что теоретический разбор отдельных основных проблем рационализации занимает в книге относительно мало места в сравнении с фактическим и иллюстративным материалом, заполняющим большую часть книги. Поскольку книга не является практическим пособием для производственных работников какой-либо определенной специальности, а должна прежде всего играть роль учебника для первого общего ознакомления с вопросами рационализации, она по нашему мнению должна была бы в первую очередь давать общее представление о предмете, его объеме, связи с соседними областями и служить общим введением к его изучению. Поэтому книга значительно выиграла бы, если бы в ней автор более основательно проработал теоретические проблемы марксистско-ленинского понимания рационализации, дав более глубокий анализ буржуазных и реформистских теорий в этой области, что легко можно было сделать за счет сокращения многочисленных однородного характера цифровых примеров, часто иллюстрирующих одну и ту же мысль.

В попытке дать марксистское обоснование как самому определению понятия социалистической рационализации, так и отдельным вопросам рационализации, используя для этого цитаты из Маркса и Ленина, Бурдянский все же не дает развернутого теоретического определения сущности рационализации как особого предмета, как особой проблемы или дисциплины.

Правильно определяя разницу между социалистической и капиталистической рационализацией, автор однако не дает достаточно полной критики буржуазных теоретиков рационализации, повидимому считая как бы само собой разумеющейся их теоретическую ошибочность и как бы само собой очевидными их эксплуататорские тенденции. Однако именно на более глубоком анализе буржуазных теорий и критике их практического применения легче всего было бы выявить сущность социалистической рационализации в отличие от рационализации капиталистической. В частности в книге далеко недостаточно развернута критика теории и практики крупнейших буржуазных рационализаторов—Тейлора, Форда, Файоля, а также не дано достаточного анализа теоретических построений русских теоретиков не-марксистов—Гастева, Ерманского и др. А между тем критика этих направлений в рационализации имеет для нас не только чисто теоретическое, но и непосредственно практическое значение. Направления эти далеко не безвредны даже на советской почве, так как в известных кругах, в частности среди

некоторых слоев нашей технической интеллигенции, существуют определенные симпатии к некоторым течениям буржуазной рационализаторской мысли и как в теории, так и на практике нам приходится наблюдать чрезмерное увлечение фюрдизмом, либо прямые рецидивы тейлоризма. В частности, не имея возможности и не решаясь непосредственно и открыто выступать против марксистско-ленинской идеологии и политики коммунистической партии, враждебные нам элементы часто умело используют антимарксистские и псевдомарксистские течения в такой, казалось бы, далекой от политики области, как рационализация, для того, чтобы оттуда начать замаскированное наступление против коммунизма. Так именно было использовано у нас учение французского рационализатора Анри Файоля. Бурдянский же, говоря об этом учении, ограничился лишь беглыми критическими замечаниями, а из последователей и продолжателей теории Файоля, пытавшихся перенести ее к нам в своеобразном толковании, он лишь вскользь упомянул в подстрочном примечании о книге Н. Витке (с. 252). Между тем как Витке, опираясь, с одной стороны, на богдановскую тектологию, а с другой стороны на учение Файоля, пытался создать своеобразную рационализаторскую философию, в которой технической интеллигенции отводилась исключительная и чуть ли ни решающая роль руководителей всего человечества. Зародившись у нас в первые годы нэпа, этот своеобразный русский «файолизм» по существу явился прикрытием одной из политических равнодушиостей устряловщины.

О взглядах Богданова в области вопросов организации мы не встречаем в книге также ни одного слова, хотя известно, какое большое влияние его «организационная наука» оказала на многих мелкобуржуазных теоретиков у нас в СССР и как до сих пор во многих неправильных постановках и решениях отдельных проблем рационализации сказывается уклон или прямое скатывание к богдановщине: взять хотя бы путаницу с «оптимумом» Ерманского.

Недостаточно разобрана также рационализаторская «концепция» А. Гастева. Это именно концепция, а не только ряд ошибочных и неприемлемых с марксистской точки зрения положений. Бурдянский же вместо разбора всей системы взглядов А. Гастева в целом ограничился лишь критикой этих взглядов в их приложении к вопросу о подготовке кадров и трудовой педагогике, даже в этом разрезе далеко не исчерпав поставленного вопроса. Автор также совершенно не касается в своей книге критики взглядов теории Ерманского, этого антипода А. Гастева, хотя его взгляды в течение довольно долгого времени находили у нас широкое распространение. И наконец даже критике взглядов основоположника «научного управления» Ф. Тейлора в книге Бурдянского уделено чрезвычайно мало места.

О Тейлоре Бурдянский вообще говорит довольно много в различных местах своей книги. Работе Тейлора по резанию металлов он уделяет целых 7 страниц (с. 107—114). Излагая вопросы рационализации управления, он без всяких оговорок пишет о том, что книжка Тейлора об управлении «является и до сих пор лучшим руководством в вопросах управления предприятием». И лишь в главе о рационализации труда, касаясь тейлоровской дифференциальной системы оплаты труда, он вместо развернутой критики тейлоризма в подстрочном примечании (с. 197) приводит действительно блестящую оценку Тейлора, данную Лениным: «Система Тейлора, как и всякий прогресс капитализма, соединяет в себе уточненное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний».

Недостаточное освещение взглядов буржуазных и антимарксистских теоретиков и недостаточная их критика в книге Бурдянского конечно не могут быть объяснены тем, что он недостаточно отчетливо определил свое

отношение к ним. В течение ряда лет по различным поводам т. Вурдянский в ряде статей ¹ широко развертывал их критику, но почему-то не сделал этого в своей книге.

В связи с этим следует отметить также, что Вурдянский совершенно не дает истории развития рационализаторского движения в СССР и в частности не излагает истории той борьбы, которую вели коммунисты-рационализаторы за разработку марксистско-ленинского понимания научной организации труда.

В свете истории этой борьбы чрезвычайно полезно было бы проанализировать отдельные положения, выдвигавшиеся коммунистами в их борьбе против представителей враждебных марксизму или псевдомарксистских течений, а также дать анализ основных этапов этой борьбы с описанием объективной обстановки и конкретной расстановки сил в этой борьбе. Интересно было бы например дать объяснение, почему, несмотря на отдельные более ранние выступления коммунистов против идеологии Ерманского, более или менее полная критика ошибочности и вредности его теории оптимума развернулась лишь в самое последнее время. Нам кажется, что это можно было бы объяснить, во-первых, тем, что именно в условиях реконструктивного периода особенно остро выпятилась ошибочность «оптимума», проповедуемого Ерманским и, во-вторых, потому, что дискуссия диалектиков с механистами расчистила почву в частности и для критики механистических воззрений в области рационализации.

В реконструктивный период не только до чрезвычайности выросла потребность в рационализаторах и практической рационализаторской работе, но одновременно чрезвычайно выросли требования марксистского теоретического обоснования отдельных проблем рационализации.

Все это ставит перед марксистами-рационализаторами, не желающими идти чисто эмпирическим путем, задачу углубленной проработки проблем рационализации на основах методологии диалектического материализма. Используя положения марксистской диалектики и опыт применения ее в ряде марксистских научных дисциплин, теоретики рационализации получают возможность значительно повысить теоретический уровень защищаемых ими положений и должны будут добиться четких марксистских формулировок основных проблем рационализации.

По отдельным проблемам рационализации такая разработка уже началась, о чем в частности свидетельствует дискуссия о задачах и методе психотехники, недавно развернувшаяся в стенах Комкадемии по докладу т. И. Н. Шпильрейна ². Сугубая требовательность четких формулировок заставила и нас несколько строго подойти к книге И. Вурдянского с этой точки зрения.

В этом отношении в его книге имеется ряд мест, вызывающих серьезное недоумение, которое может быть рассеяно лишь предположением, что автор не придал нужного значения законченности, ясности и четкости отдельных формулировок и допустил некоторую небрежность в изложении.

Оговоримся заранее, что во всяком случае это недоумение не родит в нас никаких подозрений в наличии каких-либо неправильных идеологических или политических тенденций у автора. Это не ошибки принципиального значения, а скорее нечто в роде довольно досадных описок. Например на с. 10 мы читаем:

«Независимо от признания нами того положения, что развернутое социалистическое общество мыслится только на базе высокой техники, на

¹ См. напр. ст. И. М. Вурдянского, „Против механицизма в рационализации, Проблемы экономики“, № 3, 1930.

² Отчет об этой дискуссии см. „Вестник Комкадемии“ 1930.

базе высокої производительности труда, мы и в условиях сегодняшнего дня, тех условиях, при которых мы движемся к социализму, имеем ряд обстоятельств, требующих от нас уже сегодня максимально возможного повышения производительности труда, максимально возможного развития технической базы нашего хозяйства и улучшения организационных форм его ведения».

Помимо того, что эта формулировка довольно запутана и тяжела в стилистическом отношении, она вызывает недоумение и по своему содержанию. В ней получается какой-то разрыв («независимо») между тем, что мы, как указывает автор, берем «курс на более высокую технику» и тем, что ряд обстоятельств требует от нас «уже сегодня» «максимально возможного развития технической базы». Автор конечно не имел в виду противопоставить эти два момента, однако, у него получилось так, что их можно как-то рассматривать самостоятельно.

А дальше следует:

«Наиболее быстрое достижение этих последних задач (т. е. повышения производительности труда, развития технической базы и организационных улучшений—Г. Т.) необходимо и по ряду внутренних социально-экономических соображений (укрепление смычки города с деревней, преодоление политикой индустриализации отсталых экономических укладов, какие еще налицо в нашей стране), и по соображениям международного порядка. Опять довольно туманно. По существу же называть такие принципиальные основы ленинизма, как смычка города с деревней, «соображениями», т. е. придавать им как бы временное и второстепенное значение, было бы крупной политической ошибкой, если бы это не было (в чем мы уверены) просто-напросто недопустимой небрежностью в формулировке.

Неудачна также формулировка, имеющаяся на с. 12, согласно которой разработка пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР трактуется, как иллюстрация «того, каким образом предполагается (?) выполнить директиву» «догнать и перегнать». На с. 37 автор пишет: «Задачей всякого производственного процесса является производство тех или иных вещей (?), имеющих ту, или иную потребительскую стоимость. Можно было бы еще привести ряд такого рода неудачных формулировок, имеющихся в книге, которые, не меняя ее общего положительного значения, все же являются серьезным недочетом, на который должен обратить внимание прежде всего сам автор.

Все эти неудачные формулировки конечно необходимо прежде всего отнестись за счет недостаточной редакции книги.

Однако, даже учитывая такой факт как неудачные формулировки, сосредоточенные главным образом в двух первых теоретических главах книги, а также небольшие стилистические погрешности, разбросанные по всей книге, все же надо сказать, что книга написана живым и популярным языком, делающим ее довольно легко усвояемой.

Несмотря на ряд перечисленных выше недостатков книги Бурдянского, мы все же в целом считаем необходимым признать ее безусловно полезной и пригодной в качестве учебного пособия для начинающих изучение вопросов рационализации производства. В частности мы уверены в том, что она найдет себе широкое распространение среди рабочего производственного актива в различного рода вечерних курсах, производственных кружках и курсах повышения квалификации.

Однако книга могла больше выиграть, если бы в ней было больше внимания уделено вопросам о роли социализма и ударничества в проведении рационализации, а также изучению этих новых социалистических форм организации труда с рационализаторской точки зрения. Автор не имел вероятно

возможности это сделать, так как в моменту, когда он выпускал свою книгу, опыт соцсоревнования и ударничества не мог быть еще учтен в достаточной степени. Этот момент т. Бурдянскому необходимо иметь в виду при переиздании книги.

Еще одно замечание: поскольку книга не является учебником для специальных технических учебных заведений, а пособием для комвузов, не готовящих работников специально для производства, возникает вопрос, не следовало ли бы расширить тему читаемого в комвузах предмета и охватить в ней не только рационализацию производства, но также применение рационализации в различных областях советского строительства и советского хозяйства, т. е. включить в общий обзор также вопросы рационализации торговли, рационализации на транспорте, рационализации управления и т. д.

Г. Торбек.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

ДОКЛАД т. В. ЛЕДЕРА¹

Вопрос о капиталистической и социалистической рационализации являлся за последние годы предметом обсуждения высших партийных органов, в постановлениях которых закреплены основные положения по этому вопросу. Особенной разработке подлежит вопрос методологии, вопрос разработки метода подхода к рационализации.

Встречающиеся же в нашей литературе как агитационной, так и научной разработки этих вопросов не отвечают требованиям марксизма и ленинизма.

Так напр. т. Н. Маслова в своей брошюре о рационализации производства и массовой работе, выпущенной в 1928 г., исходит из априорного определения рационализации: «слово «рационализация» означает разумно, целесообразно. Под рационализацией разумеется такая организация производства, которая при наименьшей затрате человеческого труда дает наибольшие результаты». Это определение сделано безотносительно к тому или другому строю. Уже потом брошюра освещает вопрос о капиталистической и социалистической рационализации согласно положениям, конкретизированным партийными органами.

Подход т. Варги к определению рационализации является исключительно экономическим, без какого бы то ни было технико-организационного содержания рационализации.

В своей брошюре о капиталистической и социалистической рационализации т. Милютин, говоря о том, что мелкобуржуазные рационализаторы, выпячивая техническую сторону вопроса и оставляя в тени экономическую, затемняют существо рационализации, дает свое определение рационализации, в котором уже заранее дается то, что требуется доказать, т. е. что сущность капиталистической и социалистической рационализации совершенно различна.

Н. И. Бухарин в этом вопросе чрезвычайно близко стоит к т. Варге; оба они в своих определениях сущности капиталистической и социалистической рационализации однородны с мнением в этом вопросе буржуазных писателей. В своем докладе на VII пленуме ИККИ т. Бухарин утверждал, что в рационализации нет ничего нового, новое — только обстановка, среда, в которой развивается рационализация. Этот подход грешит отсутствием историчности. Из этой ошибки вытекают отчасти и те тактические ошибки, которые были сделаны пленумом ИККИ в вопросе о капиталистической рационализации и которые были исправлены только на X пленуме ИККИ.

Строго научным марксистским подходом является тот подход, который ставит во главу угла анализ рационализации в капиталистических странах и у нас как исторических и социально-экономических явлений.

¹ Печатается сокращенная стенограмма доклада т. В. Ледера, читанного в Секции техники Института экономики Комкадемии.

Устанавливая метод исследования нашего вопроса, мы должны стремиться к тому, чтобы вложить в понятия, которыми мы оперируем, то содержание, которое дает нам возможность объяснить социальные последствия, связанные с рационализацией в условиях различных стран. Лишь таким путем мы сможем избежать беспочвенности чисто дедуктивного метода и вульгаризации чисто индуктивного метода.

Проанализировав рационализаторское движение в его развитии сперва в Америке, потом в Германии, Франции, а затем у нас, мы только тогда сможем установить, что понятие «рационализация» употребляется в двойном смысле.

Для установления соотношения между социалистической и капиталистической рационализацией надо иметь в виду то двойное содержание, которое вкладывается в понятие «рационализация». Под рационализацией понимают прежде всего реорганизацию народного хозяйства. При этом согласно самому распространенному толкованию, сама эта реорганизация происходит «соответственно велениям разума», т. е. соответственно критериям науки и техники, с одной стороны, и социально-экономической целесообразности (или «разумности») — с другой. Это есть понимание рационализации в развернутом виде в своем историческом развитии, причем это касается как развития рационализаторского движения в капиталистических странах, так и у нас.

В Америке, напр., рационализаторское движение выявляется сперва в виде тейлоризма. Тейлор называл свое учение «Scientific Management», что означает «научное управление» производством промышленности, поскольку Тейлор применял свои методы к производственным предприятиям. В дальнейшем развитии рационализаторское движение достигает такой стадии размаха, как гуверовские обследования и ряд мероприятий, принимаемых в связи с этими обследованиями. В настоящее время под рационализацией в САСШ мы понимаем комплекс мероприятий, охватывающих или народное хозяйство в целом, или области народного хозяйства, или отрасли промышленности. И у нас движение начинается с попытки внедрения тейлоризма на отдельных предприятиях или в отдельных отраслях промышленности. Наша первая конференция по Ноту была посвящена тейлоризации транспорта.

Постепенно наша рационализация приобретает более широкое содержание.

Помимо такого развернутого понимания рационализации имеется и более узкое понимание. Под рационализацией производства понимается совокупность тех организационных и технических, условно также и коммерческих мероприятий, которые позволяют повышать до максимума производственный эффект средств производства. Конечно, в реальной экономической жизни производство не оторвано от других областей хозяйственной деятельности, от обмена и потребления, и поэтому указанное разграничение относительно рационализации производства является условным и относительным. В связи с этим рационализация в узком понимании представляет лишь применение тех же методов хозяйствования на более узких участках хозяйственного фронта. Таким образом тут есть и связь во времени, связь в развитии, а в то же время есть связь в отношении целого к части.

Коренные различия между социалистической и капиталистической рационализацией в первую голову относятся к рационализации в развернутом смысле. Если под рационализацией понимать реорганизацию народного хозяйства соответственно критериям науки и техники и социально-экономической целесообразности, то поскольку социально-экономическая целесообразность определяется сущностью господствующего строя, то значит социалистическая и капиталистическая рационализации коренным образом отличаются друг от друга.

Рационализация как историческая категория обуславливается конкретным материальным техническим содержанием, свойственным данному социальному строю. Если рационализация диктуется требованиями технической и производственной целесообразности, то она принимает конкретные формы в зависимости не просто от технической целесообразности, а экономической целесообразности. Экономические стимулы, действующие в капиталистическом строе, это—капиталистическая прибыль. В связи с этим то, что может быть с точки зрения технической «разумно», то с экономической точки зрения может быть неразумно. Поэтому, когда мы сравниваем рационализацию, мы должны иметь в виду конкретные формы, в которых рационализация проявляется.

Часто при выяснении различий между капиталистической и социалистической рационализацией мы забываем, что рационализация в условиях Советского Союза не является «стопроцентной» социалистической рационализацией. Характер социалистической рационализации определяется характером нашего переходного строя, который содержит в себе некоторые капиталистические элементы. По мере того, как в нашем Союзе будет развиваться социалистическое строительство, по мере этого и в рационализации будут отступать на задний план элементы капиталистической рационализации и выдвигаться на передний план элементы социалистической рационализации.

С точки зрения выявления различий между капиталистической и социалистической рационализацией необходимо анализировать явления рационализации со стороны: во-первых, целевой установки, во-вторых, со стороны технико-организационного содержания и, в-третьих, со стороны социальных последствий. Целевая установка в капиталистической и социалистической рационализации имеет некоторые общие моменты, но прежде всего характеризуется основными различиями, особенно если мы имеем в виду рационализацию в развернутом виде. В капиталистической рационализации целевая установка состоит в повышении прибыли или прибавочной стоимости,—у нас—в улучшении условий труда.

Произведенные исследования показывают, что по мере расширения рационализаторского движения, сопровождающего послевоенный период развития капитализма, доля рабочего класса уменьшается как относительно, так и абсолютно. Но, с другой стороны, неправильно утверждение Ерманского, что для социалистического предприятия или для отдельной отрасли промышленности, вопрос прибыли является безразличным. Неправильным является также и утверждение, что мы рационализируем нефтяную промышленность для устранения конкуренции, а не для того, чтобы вступить в конкуренцию на мировом рынке, одновременно увеличивая прибыль. Отрицать значение прибыли, как стимула рационализации, в нашем строе не приходится, но этот стимул—не решающий, а кроме того сама прибыль имеет у нас иное значение, чем в капиталистическом строе. В силу планового характера нашего хозяйства мы часто при рационализации идем на то, чтобы в данной отрасли промышленности нести известные жертвы, обусловленные общей целевой установкой реконструкции нашего народного хозяйства.

Безусловно необходимым критерием для социалистической рационализации является улучшение условий труда и быта трудящихся. Так, в настоящее время большая часть промышленного пролетариата переведена на семичасовой рабочий день с тем, что к концу пятилетки на такой же рабочий день будет переведен весь пролетариат. Со стороны же капиталистической рационализации мы имеем удлинение рабочего дня, невыполнение до сих пор пресловутого Вашингтонского международного договора о введении восьмичасового рабочего дня.

Таковы различия целевой установки капиталистической и социалистической рационализации.

Если перейти к технико-организационному содержанию рационализации, то опять-таки надо различать рационализацию в широком понимании и в более узком. Если взять это явление в узком смысле, как комплекс известных технико-организационных мероприятий, то многое нам необходимо еще заимствовать у капиталистической рационализации. Если взять явление в народно-хозяйственном масштабе, то и тут есть ряд общих методов, применяющихся в капиталистических странах и у нас. В капиталистических странах они применяются путем образования трестов и концернов; в результате насильственной политики последних имеет место введение тех или иных изменений в технико-организационной структуре промышленности, обмена и т. д. У нас эти методы применяются в порядке государственного управления. Нужно однако отметить, что в некоторых областях мы еще страшно отстали, например в области специализации, кооперирования, стандартизации, несмотря на то, что наши технико-организационные, социально-организационные возможности бесконечно шире и больше, чем в капиталистических странах.

Несколько слов о социальных последствиях рационализации в социалистическом и капиталистическом строе. Я уже говорил, что, рассматривая рационализацию, необходимо иметь в виду конкретные проявления ее, а не теоретические формы.

Но было бы неправильно сравнивать отдельные предприятия и не сравнивать целый строй. Только при последнем условии мы сможем выявить различия между капиталистической и социалистической рационализацией. Их нужно рассматривать в отношении влияния на безработицу, на здоровье рабочих, на заработную плату, на социальный облик и образование групп внутри рабочего класса.

Если в технико-организационном отношении рационализации социалистическая и капиталистическая имеют сходные хозяйственные цели, то одновременно они отличаются коренным образом. Прежде всего сущность рационализации определяется не только и не столько технико-организационным содержанием, сколько той социальной обстановкой, в которой рационализаторские мероприятия осуществляются, а значит и теми социальными последствиями, которые она имеет тут и там для трудящихся. И дальше. Поскольку рационализация является методом переведения хозяйственного строя на высший уровень, постольку все преимущества на нашей стороне. У нас рационализация—это стремление к все более полному овладению производительными силами, к все более полному удовлетворению потребностей трудящихся. При капитализме же в период послевоенного кризиса рационализация вырождается в новую форму усиления эксплуатации трудящихся, в новую форму увеличения абсолютной и относительной прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистами.

У нас рационализация является одним из методов социалистического строительства. В капиталистическом строе рационализаторские мероприятия обостряют классовые противоречия, что ускоряет гибель капиталистического строя. Социальные последствия капиталистической рационализации—это увеличение безработицы, снижение заработной платы, ухудшение духовного и физического состояния рабочих, что вызывает возмущение трудящихся. С другой стороны, эта рационализация не в состоянии смягчить экономических затруднений капитализма. Те страны, которые самым решительным образом проводят рационализацию, пришли к кризису.

Из этого анализа можно сделать вывод об отношении трудящихся к социалистической и капиталистической рационализации.

Постановления VII Пленума ИККИ в 1926 г. и X пленума в 1929 г. различны. На VII пленуме ИККИ т. Бухарин, как уже говорилось выше, сделал ту ошибку, что подошел к сущности рационализации не диалектически, утверждая, что рационализация не есть что-то новое, что новой является только обстановка. Между тем задача марксистов-ленинцев состоит в том, чтобы в каждом новом явлении выявить то, что является специфическим для данного периода. Известная идеологическая надстройка, которая выводится на рационализации, как совокупности психологических и организационных мероприятий, состоит в том, что капиталистическая рационализация выставляется методом спасения капиталистического строя. Эта идеологическая надстройка фактически строится реформистскими профсоюзами, идеология которых в том и состоит, чтобы показать, что рационализация капиталистическая—это путь перевода капитализма к социализму. Отсюда вытекает и позиция их по отношению к капиталистической рационализации, характеризующаяся тем, что рационализацию можно применять в капиталистических предприятиях для улучшения положения рабочих.

Эта идеологическая надстройка очень важна и от нее нельзя отвлекаться при оценке капиталистической рационализации. Капиталистическая рационализация это—метод, характеризующий последний период развития капитализма.

Что касается тактических позиций, то правильный подход к капиталистической рационализации вял X пленум ИККИ, постановления которого сводятся к необходимости вести активную борьбу с капитализмом и его рационализацией. У нас же трудящиеся массы должны быть активными.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Т. ХИРКОВА

Докладчик ступевал основные черты, отличающие социалистическую рационализацию от капиталистической, заявляя, что наша рационализация является переходным периодом, что следовательно между социалистической и капиталистической рационализацией остается много общего, несмотря на наличие черт различия.

У Маркса есть тезис о том, что капиталисты по своей природе склонны с бережливостью относиться к материальным средствам производства или, как он говорит, к труду, воплощенному уже в товар. Но они относятся с необычайным расточительством к живому человеческому труду. Этот тезис Маркса надо положить в основу разграничения капиталистической и социалистической рационализации. В отношении методов, повышающих коэффициент полезного действия средств производства, капиталисты идут пока еще впереди нас. В этой области есть много общего между нашей рационализацией и капиталистической. На этом сходство однако кончается.

Дальше начинаются вопросы отношения к живому носителю труда—к человеку в производстве. Если проследить все развитие капиталистической рационализации, развитие техники, наиболее экономные способы использования материалов, орудий труда, наиболее совершенные способы организации производства и наряду с этим положение рабочего класса, то мы видим все растущую эксплуатацию труда, принимающую лишь новые формы и, следовательно, растущее сопротивление рабочего класса. Социалистическая же рационализация идет по линии все большего вовлечения рабочих, заинтересованных в развитии социалистической рационализации, по линии улучшения условий труда и быта рабочих. В этом коренная разница между капиталистической и социалистической рационализацией.

Что понимается под социалистической рационализацией? Если вспомнить всю историю развития научной организации труда, управления, производства,

если проследить наши партийные решения, то рационализацию следует рассматривать как определенный научный метод, перенесенный из других наук в область организации труда, организации управления. Стало быть совокупность определенных научных методов, дающих нам возможность использовать все средства производства и трудовые силы с наилучшими коэффициентами их полезного действия, с наибольшей их сохранностью и экономией в процессе производства, в целях непрерывного улучшения условий труда и быта рабочих—это и есть одно из возможных определений понятия социалистической рационализации.

Докладчик верно отметил, что для правильной оценки значения отдельных мероприятий по рационализации надо исходить из интересов не только отдельных предприятий, а всего народного хозяйства. Этой возможности капиталистические государства не имеют, а там часто даже то, что выигрывает отдельный капиталист общество теряет. По данным обследования Гувера в Америке 50% работоспособного населения занимаются непроизводительным или вредным трудом. Из числа вредной или бесполезной половины населения многие являются опытными предпринимателями, получают неплохие доходы, но для общества в целом приносят вред, производя вредную или ненужную продукцию (опий и др.).

Тов. Ледер считает, что к рационализации относятся лишь те мероприятия, которые направлены на лучшее использование данных, уже имеющихся средств производства; этим он слишком суживает понятие рационализации. Начиная с третьего пленума ЦКК, под рационализацией понимают как строительство новых заводов и реконструкцию старых, так и использование имеющихся на предприятии средств производства. Правда в центре внимания данного периода должно ставиться наилучшее использование имеющегося оборудования, но было бы неправильно от рационализации задачи реконструкции и капитального строительства. Рационализаторский подход корректирует самое направление капиталовложений в смысле объема капитальных сооружений, их характера, в смысле выбора района и т. д. Поэтому вводимое докладчиком ограничение понятия рационализации излишне.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. ПЕТРОВА

В концепции т. Ледера следует отметить две особенности. Первое—это его методологический подход с требованием отказа от априорного определения рационализации, с требованием историчности в определении рационализации; заслуга его в том, что он рассматривает рационализацию в данных конкретных условиях. Второе—это противопоставление технической целесообразности в рационализации целесообразности экономической. Заявление главного секретаря патентного бюро САСШ Уларда подтверждает это противопоставление: «Есть бесчисленное количество изобретений,—говорит он,—которые, если бы их пустить в дело, могли значительно удешевить продукцию. Их умышленно задерживают, чтобы устранить конкуренцию».

Тов. Ледер, говоря о развернутом понимании рационализации в пределах всего народного хозяйства и о суженном понимании—в пределах одного предприятия, недостаточно отчетливо ставит вопрос о том, что капиталистическая рационализация в пределах всего народного хозяйства невозможна. В этом равнина между капиталистической и социалистической рационализацией. Это дополнение необходимо внести в тезисы. Второе коренное различие заключается в том, что наша рационализация ведет за собой сельское хозяйство, в то время как рационализации капиталистической сопутствует разорение мелкого и среднего крестьянства.

Наконец, капиталистическая рационализация проводится без участия рабочих. У нас же при участии рабочих, вместе с ними. Мы имеем такие явления как социалистическое соревнование, ударные бригады и т. д. Это также является одной из важнейших черт, характеризующих отличие капиталистической рационализации от социалистической.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Т. БУРДЯНСКОГО

Тов. Ледер в основном правильно решает поставленный вопрос, о капиталистической и социалистической рационализации, давая достаточно развернутую формулировку его.

Что касается методики изучения этого вопроса то мысль о том, что он должен быть изучен в разрезе историческом и социально-экономическом, совершенно правильна, к анализу вопроса необходимо привлекать материал по технике, технологии, но во главу угла надо ставить исторический и социально-экономический анализ, ибо только таким образом можно говорить о капиталистической и социалистической рационализации.

Что касается понимания роли рационализации, то т. Ледер правильно дал вначале широкое определение рационализации, а затем более узкое. Одни учреждения проводят рационализацию в большом масштабе, а другие группы занимаются более частной рационализацией, которая подчинена и соподчинена генеральной рационализации.

Тов. Петров указал, что т. Ледер не развернул вопроса народнохозяйственных возможностей при социалистической рационализации. Говоря о различных целевых установках рационализации, т. Ледер отмечает только момент повышения прибылей и размеров прибавочной стоимости, с одной стороны, и улучшения условий труда — с другой, не упоминая совершенно о потерях в народном хозяйстве. Именно потому, что у нас плановое хозяйство, потому, что мы имеем меньше потерь в народном хозяйстве, чем капиталистические страны; в этом также отличие нашей рационализации от капиталистической.

Я позволю себе сделать несколько дополнений к докладу. Историчность в анализе вопросов, которую дает т. Ледер, необходима для того, чтобы уметь разобратся во всех тех формулировках, которые имеются в разных кругах. В революции мировой экономической конференции в Женеве в 1927 г. ставится вопрос о том, что рационализация должна препятствовать нарушению интересов рабочих, что при рационализации отдельный рабочий должен получать лучшую обстановку для работы с применением психотехники при выборе профессии, с применением пауз в работе, применением рациональных методов оплаты труда и т. д. Но все это только на словах, на самом же деле капиталистическая рационализация проводится, как известно, за счет рабочего класса.

В том же 1927 г. на той же конференции председатель итальянского объединения по рационализации профессор Мауро—фагяст, говоря о рационализации, выражал удивление по поводу того, что итальянские рабочие против рационализации, в то время как в Советской республике имеются десятки учреждений, занимающихся научной организацией, в то время как III Интернационал—за рационализацию. Он здесь, конечно, сознательно смазывает вопрос о различии между капиталистической и социалистической рационализацией.

В справочнике за 1929 «Отчет австрийских профсоюзов о рационализации в Австрии» мы находим цифры и факты, подтверждающие увеличение безработицы, ухудшение условий труда и т. д. В приложенных к этому же справочнику резолюциях Амстердамского Интернационала профсоюзов по вопросам

рационализации ставили вопрос о том, что рационализация в капиталистическом хозяйстве, с одной стороны, служит повышению производительности труда, с другой стороны, капиталисты пользуются рационализацией для снижения заработной платы, для борьбы с сокращением рабочего времени и т. п. Это говорит о двурушнической политике деятелей желтого интернационала. Они иногда критикуют отрицательные стороны капиталистической рационализации, но в общем проповедают гармонию труда и капитала, мир в промышленности и т. д.

В Париже на IV международном съезде по рационализации было опубликовано письмо Вильяма Грина — председателя объединения американских профсоюзов, в котором он констатировал, что ответственность за развитие промышленности несут не только руководители промышленности, но и рабочие. Он таким образом ввалил на плечи профсоюзов ответственность за капиталистическую рационализацию.

Я хотел бы выдвинуть один дополнительный тезис. Из деления рационализации на рационализацию в широком смысле слова и в узком смысле слова вытекает понимание рационализации, как науки. Не может быть хорошей практики без соответствующей теории.

Для подкрепления рационализации в широком смысле требуется народно-хозяйственная наука. Ее создает Госплан, занимающийся практикой и теорией социалистической рационализации, т. е. народнохозяйственным планированием.

Узко понимаемая рационализация выдвигает требование о более узкой прикладной науке, инженерной науке о рационализации предприятия, которая будет давать методическую базу для практической работы в области рационализации в узком смысле.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. ХИРКОВА

Мы имеем в настоящее время много данных за то, чтобы утверждать, что рационализация, как наука, начинает довольно быстро складываться в том смысле, что вырабатывается определенная методология этого вопроса, определенная система понятий, которые приводятся во взаимную связь, без которой никакая научная дисциплина немыслима. Наука эта важна в том отношении, что она должна давать определенный метод действия в работе.

Вся постановка вопроса в докладе т. Ледера совершенно удовлетворительно решает вопрос. Но я считаю неудачной формулировку относительно того, что рационализация должна сосредоточить внимание только на имеющихся средствах производства, не расширяя этих задач.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. ДРАГОМАНОВА

Когда говорят о том, какими силами природы располагает человеческое общество, какие орудия труда оно имеет и как оно этими орудиями труда пользуется, воздействуя на природу, очень мало отмечают роль человеческой энергии. Когда мы говорим о рационализации, мы в первую очередь должны говорить о труде, об энергии работников, о правильном использовании и направлении этой энергии. В настоящее время у нас в СССР старые формы труда перерастают в новые коллективные формы труда. Мы имеем такие явления, как социалистическое соревнование, ударные бригады и пр. Все это — новые формы труда, которые пришли на смену старым. У нас идет выработка новых коммунистических форм самосознания. Эти формы труда и формы самосознания сами нас приведут к новой науке о рационализации. Наука эта строится, окончательно же она никогда не оформится потому, что для нее нет предела.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Т. ЛЕДЕРА

Тов. Хирнов в своем выступлении упрекал меня в том, что я не дал достаточно полного определения понятия рационализации. Я считаю конструирование всяких ученых дефиниций пустым делом. Дело не в них, а в том, чтобы понять социально-экономическую сущность явления, техническая же сущность интересует нас больше в другом разрезе.

С точки зрения практики нас интересует разница между капиталистической и социалистической рационализацией. Если же мы понимаем сущность социально-экономического явления, мы не можем отвернуться от того факта, что рационализация как социально-экономическое явление, как известное движение прошла известные стадии в капиталистических странах у нас. Различая два участка рационализаторской работы—широкий и узкий,—я считаю целесообразным до известной степени отмежеваться от попытки отождествить почти социалистическую рационализацию с социалистическим строительством. Может быть ближайшие годы сотрут эту разницу. Тогда социалистическая рационализация и социалистическая реконструкция народного хозяйства будет одно и то же.

Замечание т. Хиркова относительно того, что я нечетко провел разницу между социалистической и капиталистической рационализацией, не выдвинул в центр всего вопроса вопрос об отношении к трудящемуся, недостаточно основательно. Я говорил, что при социалистическом строе рационализация ставит себе задачей добиться лучшего производственного эффекта без вреда для рабочей силы при улучшении условий труда рабочего.

Тов. Петров указывал, что в моем понимании социалистической рационализации я недостаточно учел ту реорганизацию сельского хозяйства, которая происходит в настоящий момент. Но мне все же думается, что существует известная грань между социалистической рационализацией и социалистическим строительством. Поэтому я не затронул того вопроса, который поднял т. Петров относительно влияния ведущих отраслей производства на мелкое и среднее крестьянство, на мелкого производителя.

В своем докладе я сознательно несколько затушевал различие между социалистической и капиталистической рационализацией. Социалистической рационализации у нас еще нет. Наша рационализация осуществляется в советском социалистическом государстве в переходный период; она имеет в себе еще много капиталистических элементов. Об этом часто забывают наши рационализаторы. Поэтому я считаю необходимым подчеркнуть сходство между капиталистической и социалистической рационализацией, подчеркнуть, что социалистическая рационализация, ее характер, свойства, вся природа—обуславливаются природой социального строя, в рамках которого она осуществляется.

Что касается утверждения т. Бурдянского о том, что это есть наука, то я считаю, что такое мнение является ошибочным. Можно говорить о науке, о рационализации, но этот вопрос еще не назрел. Если необходима прикладная наука в отношении использования средств производства, организации производства и т. д., то наука о рационализации, по-моему, еще не достаточно созрела, чтобы о ней говорить, как о самостоятельной дисциплине.

Редакционная коллегия

С. Бессонов, Б. Борилин, Р. Вайсберг, А. Кон, Л. Крицман, А. Леонтьев, Л. Мартенс,
А. Мендельсон, В. Милютин, Я. Розенталь, С. Ронин.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
XVI партсъезд и задачи теоретического фронта	3
СТАТЬИ	
М. Тайц—О преимуществах нашего хозяйственного строя	8
Г. Ф. Руденко—К вопросу об эффективности вложений в промышленность	20
С. Дедков—О путях развития каменноугольной промышленности СССР . .	36
В. Докукин—Проблема экспорта капитала в свете расширенного воспроизводства Маркса—Ленина	52
Л. Зиман—О типах хозяйственных связей в современном капиталистическом хозяйстве	73
А. Орлеанский—Формулы схем простого и расширенного воспроизводства	91
ТРИБУНА	
Б. Раскин—О некоторых категориях и закономерностях социалистического хозяйства	102
Варшавский и Л. Крыжов—К вопросу о задачах и содержании генплана	132
БИБЛИОГРАФИЯ	
Г. Торбек—И. М. Бурдянский. Основы рационализации производства . . .	141
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Капиталистическая и социалистическая рационализация. (Доклад т. В. Ледера и прения по нему в Секции техники Института Экономики Ксм-академии	147